

A photograph of a couple holding hands in a field. The person on the left is wearing a plaid shirt, and the person on the right is wearing a corduroy jacket. The background is a soft-focus green field under a bright sky.

*НАТАЛЬЯ
МЕДВЕДСКАЯ*

ВТОРОЙ ШАНС

16+

Наталья Брониславовна Медведская

Второй шанс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23990008

SelfPub; 2022

Аннотация

В книге "Второй шанс" две повести: "Прикосновение ангела" – Саша подчинилась родителям и порвала с любимым. Сделала как они хотели: вышла замуж за обеспеченного человека, пошла учиться в институт, выбранный матерью. Теперь у неё замечательный дом, любящий муж, нет только счастья. Жизнь отомстила за покорность скукой и тоской по прошлому. Саша чувствует себя пустой оболочкой без души. Однажды она открыла альбом со старыми снимками – это и странная картина, подаренная единственным близким человеком Никитой, перевернули её спокойную жизнь. Сможет ли Саша прервать анабиоз наяву и воспользоваться волшебным переходом в таинственный мир. "Второй шанс" – Иванна не сразу осознала: мечта выйти замуж и жить в городе, не сделала её счастливой. Измена мужа, как ни странно, помогла очнуться и дала возможность взглянуть на себя со стороны. Она больше не боялась потерь и решила всё изменить. Ей удалось победить демонов страха из детства и вернуться домой, туда, где осталась преданная ею любовь.

Содержание

Прикосновение ангела

4

Второй шанс

148

Наталья Медведская

Второй шанс

Прикосновение ангела

ГЛАВА 1

Раннее субботнее утро. Саша, еле сдерживая раздражение, готовила мужу завтрак.

«Выходной. Зачем вставать в семь? А если поднимаешься, готовь завтрак сам», – думала она, зная, что сказать это вслух – обеспечить гнетущее молчание дня на три.

Хотя с некоторых пор молчание Олега перестало тяготить её. Мужа раздражало любое отступление от правил, установленных им. Нет, он не третировал её, просто по отношению к себе требовал соблюдения распорядка. Буквально с первого дня семейной жизни Олег ласково попросил жену подавать ему завтрак точно в семь утра. Единственный повод к нарушению этого правила – отсутствие Саши по уважительной причине. С самого начала они не совпали по жизненным ритмам. Она могла допоздна читать книгу, смотреть интересный фильм, а Олег неизменно укладывался спать в десять вечера и просыпался ровно в шесть часов утра. Бодро делал

зарядку, принимал контрастный душ и весёлый, свежий появлялся на кухне. Заспанная и сердитая Александра оживала только к десяти часам, ругая себя почему зря. Наступал вечер, и все повторялось сначала, она не могла заставить себя лечь пораньше.

На следующий же день, после медового месяца, проведенного в Сочи, молодой муж разбудил её:

– Солнышко, просыпайся, подай завтрак, а потом досыпай, сколько хочешь.

– А ты сам не можешь разогреть? Там же всё готово, – удивилась Саша.

– У меня всё расписано по минутам, а главное, я привык. Раньше это делала мама, теперь твоя обязанность.

Чертыхнувшись про себя, она встала. Оказалось: нужно сварить свежую молочную кашу, сделать салат и разогреть мясо. Её удивил странный набор блюд. Ну ладно салат и мясо – плотный мужской завтрак. А вот молочная каша – выше её понимания. После приготовления завтрака, снова ложиться в постель было бесполезно. Саша испробовала всё, сопротивляясь раннему пробуждению: ласку, бунт, уговоры – ничто не помогало.

Теперь помешивая, ненавистную кашу, вспоминала, как Олег учил её относиться к его требованиям серьёзно. Однажды, вкладывая в слова всю нежность, на какую она оказалась в ту минуту способна, попросила:

– Дорогой, я с вечера положила завтрак в тарелки. Тебе

остаётся только поставить в микроволновку. Хорошо?

Муж молча посмотрел на неё и вышел из спальни. Она не видела, как нахмурилось его всегда спокойное лицо. Большие, чуть навывкате, чёрные глаза загорелись мрачным огнём. Крылья крупного носа недовольно раздулись. Если бы Александра заметила это, то догадалась бы о предстоящей буре, но она безмятежно заснула.

Вечером они собирались пойти на день рождения её школьной подруги Элины, об этом договорились ещё неделю назад. Снежинская пригласила их в один из лучших ресторанов города. Саша ждала Олега после работы. Выглаженный костюм мужа висел на плечиках, нарядное платье приготовлено, причёска сделана. Она красила ногти лаком, когда раздался телефонный звонок.

– Извинись перед подругой, я задерживаюсь на работе, – сообщил супруг и положил трубку.

Ей хотелось узнать: насколько он задержится, но телефон не отвечал. Зря набирала номер спустя полчаса, час, два. Муж приехал в половине десятого вечера. На её упреки спокойно ответил:

– Видишь, как неприятно, когда твои намерения кто-то нарушает. Я поужинал у родителей, теперь приму душ и спать.

Оторопевшая Александра не смогла вымолвить и слова. Минут через десять она пришла в себя и ворвалась в спальню.

– Ты считаешь неприготовленный завтрак и то, что я прождала тебя четыре часа, обидела подругу – равноценно?

– Для меня да. Ты показала, что мои желания для тебя ничего не значат.

Голос Олега звучал размеренно, не повышаясь и на тон.

– Уже десять минут одиннадцатого, ты тратишь моё время, – сказал он и отвернулся к стене.

Молчаливая война длилась три дня. Чувствуя себя преступницей, Саша по утрам не появлялась на кухне. В доме повисла тяжёлая тишина. На четвертый день в их просторной квартире появилась свекровь – Фаина Ясоновна Андриади.

– Здравствуй, деточка.

Переваливаясь, как утка, она бодро просеменила на кухню.

Невестка пошла за ней. Фаине Ясоновне недавно исполнилось шестьдесят лет. На ней был обычный наряд: просторное платье яркой расцветки, туфли на низком каблучке, на шее штук пять разных золотых цепочек. Она взобралась на стул.

– Налей-ка чайку. Поговорим.

Саша, зная, что просто чай свекровь не пьёт, принялась ставить на стол тарелки с колбасой, сыром, булочки, варенье, мед. Налила большую кружку крепкого чая.

– У нас в семье почти у всех слабые желудки, – сообщила гостя, откусывая приличный кусок хлеба с колбасой и за-

пивая большим глотком чая.

Саша с удивлением покосилась на неё. И свекровь, и свекор любили плотно покушать, имели избыточный вес.

– Да-да. Особенно Олежек, если он хорошо не позавтракает, у него сразу портится настроение и болит живот. А тогда не ладится работа. Ты, милая, будь поласковее, делай, что он просит. Тебе ведь это нетрудно?

Она подняла голову в мелких кудряшках цвета меди и сузила глаза, ожидая ответ.

– Нет, – буркнула Александра.

– Вот увидишь, как всё славно сложится. Он у меня замечательный мальчик, ценит семью. Разве Олежек не заслуживает к себе хорошего отношения? Он обеспечивает тебя всем, работает не покладая рук.

– Заслуживает, – вздохнула Саша.

Фаина Ясоновна посмотрела на тонкие пальцы невестки, сложившие из бумажной салфетки розу, и поджала губы.

«Говорила сыночку, не пара тебе это воздушное создание, такая только в облаках витать будет. Для жизни нужна крепкая женщина, чтобы и приготовила, и порядок в доме навела, и детей выносила. А эта, прости господи! Косточки хрупкие, ручки, ножки – палочки. Лицо херувимчика, глазки непонятного цвета, а хитрая... Мальчику завтрак лень приготовить. Дрыхнет до обеда, лентяйка!»

– Мужчины, как дети, ты к ним с любовью и добром – они тем же ответят. Ты девочка умная, не перечь мужу, – поуча-

ла свекровь. – На его плечах рыбзавод, ответственность за людей. Ему дома покой и порядок нужен. Понятно, лапонька? – Фаина Ясоновна снова прищурила круглые тёмные глаза, утопающие в пухлых, не по возрасту гладких щеках.

– Я поняла, – усмехнулась невестка.

Гостья поднялась.

– Ну, раз всё выяснили, спасибо за чай.

Саша и сама, устав от невыносимой обстановки в доме, собиралась смириться. Она не любила ссор и скандалов. Её родная мать обладала сильным, жёстким характером и часто почти таким же способом, как муж, приводила в чувство близких. Пока Саша жила в родительском доме, подчинялась матери. Если бунтовала, поступая не так, как хотелось родительнице, получала похожий бойкот. Она никогда не выдерживала его и сдавалась.

«Получается, мужа выбрала с таким же норовом, как у собственной матери».

Саша помешивала кашу на плите, когда на кухню вошёл муж. Он счастливо улыбнулся и поцеловал её в щёку. Она была прощена. Вечером Олег принёс в подарок набор дорогих кистей для рисования из беличьего меха. Саша давно о таких мечтала. Да, свекровь хорошо знала своего сына.

Вскоре Александра убедилась: если она выполняет установленные супругом правила, то он окружает её теплом и любовью, засыпает подарками.

«В конце концов, не так уж много он требует: утренний

завтрак, ужин, нечастое исполнение супружеского долга. А взамен дает обеспеченную жизнь, возможность заниматься любимым делом, чувство надежного плеча, – размышляла она. – Наверно, каждый брак – это сделка».

Ремезов – небольшой город, но он стоял на берегу Азовского моря, и это делало его привлекательным для летнего отдыха. Когда Саша жила с родителями, гости в их квартире появлялись редко. Её мама не относилась к когорте радушных хозяек: поэтому двоюродные тети и дяди в их трёхкомнатной квартире задерживались редко. Выйдя замуж, она стала жить с мужем в его огромной квартире. Родственники узнали об этом и стали навещать к ним. И тогда оказалось: муж тоже не любит принимать у себя гостей, особенно родичей с её стороны. Александра надолго запомнила угрюмое лицо супруга и то, как он цедил слова сквозь зубы, общаясь с семьей её двоюродной сестры. Саша измучилась за две недели, пытаясь угодить всем и смягчить негостеприимность Олега. Он не упрекал жену, но она чувствовала недовольство и ощущала неловкость перед сестрой. Поведение мужа отравляло радость от встречи с родными или друзьями.

Если приходилось идти в гости самим и они задерживались допоздна, муж вставал как обычно, но в обед обязательно ложился добрать положенные часы сна. Две священные коровы почитались в семье Андриади: вкусная еда и правильный сон. Посягнуть на них – значило нажать себе неприятности.

В последнее время слова для Александры потеряли всякий смысл. Все меньше у неё появлялось желание говорить с кем-либо. Все чаще хотелось лечь и отвернуться лицом к стене и чтобы оставили в покое. Она понимала – это ненормально. Врач назвал состояние Саши обычной депрессией. Первые признаки она заметила четыре года назад, внезапно уловив, что её слова звучат, как вынужденная ложь.

На свой день рождения свекровь пригласила много гостей. В загородном доме в большой гостиной накрыли столы для праздника. Произносились тосты, гости лакомились вкусной едой. Официанты подавали еду и напитки. Приглашенный оркестр из местного ресторана играл любимые мелодии Фаины Ясоновны. Сама хозяйка поднялась в спальню на третий этаж, чтобы примерить подаренное мужем кольцо. Сашу позвала с собой.

– Подходит ли мне эта красота? – Тёмные глаза свекрови восторженно засверкали.

Саша задумчиво смотрела в окно на по-осеннему яркий сад, на ухоженные клумбы, красиво подстриженные кустарники и не слышала вопроса.

– Ау, заснула что ли! Как тебе украшение?

Саша посмотрела на неё и осознала, что сейчас произнесёт очередную ложь. Колье из нескольких нитей граната пря-

талось в складках жира на полной шее женщины и смотрелось на ней багровым ошейником.

– Красиво, – выдавила она из себя. Горечь лжи осталась на языке. – Я выйду в сад. Голова разболелась. – Саша поспешно вышла из комнаты.

«Что за физиономия у этой девчонки – вечная кислятина, – Фаина Ясоновна проводила невестку недовольным взглядом. – Хоть бы раз искренне порадовалась. Повеселилась. Поскандалила, в конце концов. Как снулая рыба. Смотреть противно. Говорила сыну, не торопись жениться, приглядись получше. Невеста не нашего теста. Как в воду глядела, семь лет живут, а детей нет. Два года по клиникам проверялись. Врачи твердят: всё в порядке. У сыночка может и в порядке, а у этой сони дети просто не могут завестись».

Она плюнула с досады и бросила мимолётный взгляд в окно. Невестка сидела на скамье под кленом и вертела в руках желто-красный лист.

«Нелюдимая. Голова у неё болит. От безделья болит».

– Фаечка, ну где ты? Все ждут.

Атанас Андроникович вкатился в комнату жены и засеменял на коротких толстых ножках к зеркалу.

– Угодил с подарком? – кивнул он на ожерелье, любуясь вишневым блеском камней.

– Угодил! – подбоченилась Фаина. Взяла мужа под руку, и они вместе спустились к гостям.

Саша задумчиво рассматривала осенние краски на клено-

вом листе. Насчитала шесть цветов и почти десять полутонов. Обычный лист осень превратила в произведение искусства. Вечер, прячась по кустам, украдкой подполз к лавочке. Дальние деревья сада скрылись в вечерних сумерках. Туманное облако опустилось на землю, приглушило звуки музыки, доносящиеся из дома. Саша закрыла глаза и негромко запела:

Сегодня за окном туман¹,
Открою двери и растаю,
Домов верблюжий караван
Куда-то в дымке уплывает.
Дороги шум и улиц гам
Как будто тонут в хлопьях ваты,
И я плыву по облакам
И невесома и крылата...

– Кручина, имей совесть! Еле нашел тебя, – раздался рядом сердитый голос мужа. – Что опять не так?

Если Олег хотел выразить недовольство, называл её кличкой, прилипшей к ней со школы.

– Всё так. Просто голова разболелась, – вздохнула она, поднимаясь. Краем глаза заметила, как скривилось лицо мужа, но слова прозвучали ласково:

– Милая, ты можешь простудиться. Идём в дом. Мама обидится.

С некоторых пор Саша предпочитала помалкивать и наблюдать. Она обнаружила: мимика и жесты людей часто не сочетаются со словами.

Вот её школьная подруга Римма Петрова примеряет платье в магазине. Она немного поправилась, родив сына. Бедра потяжелели, но Римма до сих пор уверена: у неё девичьи ноги, поэтому носит ультракороткие юбки.

– Ну как?

Петрова крутится перед зеркалом, спрашивая Сашу и вторую подругу Элину.

– Класс! – Снежинская поднимает большой палец.

«Ужас!» – думает Александра. Римма выглядит, как тетка, одевшая одежду дочери, и делает попытку сказать правду:

– Тебе нужен немного другой фасон и чуть длиннее юбка.

– Кручина, ты просто завидуешь мне, признайся, – смеётся подруга и пританцовывает на месте.

– Завидую, – покорно соглашается Саша.

Римму Петрову не переубедить. Ей не нужна правда – она её не слышит.

Втроем они дружат с детства. В юности почти всё могли говорить друг другу. После тридцати лет эта самая правда начала обижать и вызывать отторжение. Когда-то без общих посиделок Саша не могла прожить и недели, теперь всё чаще сказывалась занятой. Подруги болтали о детях, о любовниках, а ей, не имеющей ни того, ни другого, оставалось де-

лать вид, что интересно. Она осознавала: не справедлива к мужу, подругам, к доброй и хлебосольной Фаине Ясоновне, но не могла подавить раздражение. Оно, как постоянная горечь во рту, присутствовало в её жизни. К тридцати годам у Саши был муж, большая квартира в городе, хорошая машина, дача, непыльная работа и никакой радости. Вставая по утрам, смотрела на своё хмурое лицо в зеркале. Отражение не радовало. За время брака она не набрала и килограмма лишнего веса, но это не являлось её заслугой. Апатия к жизни распространилась и на еду. Она давно потеряла аппетит, вся пища казалась ей безвкусной. Саша часто покупала деликатесы, думая, что их-то ей захочется съесть. Напрасно. Только переводила деньги. Наблюдая за коллегами, она убедилась: полнота у женщин чаще всего показатель каких-то проблем. Всегда оказывалось, или что-то не так со здоровьем, или нелады в семье, или душевный разлад человека с самим собой. Любящая и мечтающая нравиться, здоровая женщина никогда не позволит себе поправиться. А вот если муж перестал волновать и не хочется привлекать к себе внимания, тогда, пожалуйста, полная тарелка – лучшая подруга. Часто несогласие в семье, с мужем, детьми или неприятности на работе большинство дам просто заедают сладостями. Мы не признаемся себе, но представляя мужчину своей мечты, никто не грезит о толстом, пузатом, представителе сильного пола, с невзрачным лицом и маленькими глазками. А вот полные женщины почему-то уверены: излишняя пышность

форм не вредит их облику. Элементарная лень тоже добавляет жирку на бедра. Саша давно бы превратилась в толстуху и только случайно избежала этого. Она ленилась вставать по утрам, шевелиться, делать зарядку, ходить на работу. Научилась готовить завтрак мужу в состоянии полусна. Закончив готовку, ложилась досыпать. Понимала, что всё глубже погружается в болото безразличия и апатии. В зеркале замечала свой тусклый взгляд, неприятно опущенные вниз уголки губ, бледную кожу, вялые движения. И думала: «Неужели эта скучная особа она – Саша?»

Когда поняла, что сама не способна выбраться из трясины уныния, обратилась к врачу. Усталый, замотанный мужчина выслушал её и сказал:

– Раньше ваше состояние назвали бы проще: беситесь с жиру, а сейчас величают депрессией. Причины разные – главная, недовольство жизнью. Если человек пережил горе, потерю, испытал потрясение и не может вернуться к нормальной жизни – я помогаю. В вашем же случае придется разбираться скорее со скукой. Подумайте сами, почему вам неинтересно жить?

Уходя из кабинета врача, Саша злилась. И без доктора знала: её ничто не радует. Давно появилось чувство, что она не живет, а медленно угасает. В юности Саша каждое утро просыпалась с ощущением чуда и встречи с радостью. Сейчас не могла ощутить и мизерной доли того удовольствия жизнью, которое тогда испытывала.

Первые три года супружеской жизни они строили дачу, делали ремонт в огромной квартире, подаренной отцом Олега на свадьбе. Александра с удовольствием выбирала кафель, ламинат, мебель, ткань для штор. У неё оказался хороший вкус и явный талант дизайнера. Каждую комнату она оформила по-разному, выдерживая во всей квартире один стиль. Выискивала всякие мелочи, сделавшие дом уютным.

Только наступление ночи немного тревожило её с первого дня замужества. Саша оказалась несовместима с мужем не только по темпераменту и ритму жизни, но и в интимной сфере. Александра сова, он жаворонок. Она имела порывистую, но мечтательную натуру, он обладал степенным, спокойным, жестким характером. Саша не получала никакого удовольствия в постели, а его если и тревожило это, то только в начале. Потом Олег рассудил: причина в ней и больше не волновался. Через год после свадьбы, чувствуя, что ей чего-то недостает в браке, намекнула супругу: заведём малыша.

Он ответил: «По плану сначала довести до ума квартиру, построить дачу, решить проблемы на работе, а потом думать о детях».

Пока обустраивали семейное гнездышко, Олег радовался: ничто не мешает осуществлять его намерения. Но вот стройка закончилась, муж объявил: пора подумать о детях. Ему исполнился тридцать один год, и теперь он готов стать отцом. Саша хотя была младше на пять лет, считала также. Нако-

нец-то пришло это время. Прошел год, второй, план супруга давал сбой: Она не могла забеременеть. Муж настоял на обследовании. Оказалось: они абсолютно здоровы. На предложение взять ребенка из детского дома Олег ответил:

– Мне нужен мой ребенок.

Трещина в их отношениях постепенно превращалась в пропасть. Сначала Саша переживала, завидовала подругам, которые жаловались на недосыпание и усталость, когда их дети болели, а потом вдруг успокоилась. Поймала себя на мысли, что не хочет детей от Олега. В голову закралась неприятная мысль, что не будет их любить. К тридцати годам она окончательно поняла: этот брак ошибка. Нынешняя депрессия – расплата за нелюбовь к мужу. Выходила замуж, зная, что не любит его, но он устраивал во всех отношениях и даже нравился ей. Оказалось, этого мало для счастливого брака.

Субботнее утро. Привычно приготовив завтрак, Саша собралась в постель. Она умудрилась подремать, помешивая кашу.

– Ты поедешь со мной на дачу? – Олег допил чай и посмотрел на неё ясным, чистым взглядом, хорошо выспавшегося человека.

– Нет. Мне к обеду нужно на работу, – солгала она.

Саша трудилась продавцом в антикварном магазине. Иногда ей действительно приходилось по выходным принимать товар. На эту работу она устроилась из-за удобного графика. Магазин открывался в одиннадцать и закрывался в шесть вечера. Прежняя работа вспоминалась с содроганием.

Когда Саша окончила институт, мать устроила её на своё место в компанию «Русский текстиль». Год работы в бухгалтерии запомнился лавиной бумаги, нудных цифр и мелкими интригами сотрудниц. Выдержав несколько крупных скандалов и разборок с дорогой родительницей, Саша уволилась. Ольга Вадимовна, будучи женщиной сильной и волевой, на этот раз потерпела крах. Она принудила дочь учиться в том институте, который выбрала сама, но с работой просчиталась. В её мечтах Саша, начав с должности бухгалтера, достигнет пика карьерной лестницы – станет начальником Ремезовского отделения компании. Обычно Ольге Вадимовне удавалось заставить дочь выполнять её планы, но наступил момент, когда она не справилась. Саша взбунтовалась. Для Ольги Вадимовны наступил чёрный день. Она привыкла повелевать мужем и дочкой, и вдруг этот генерал в юбке остался без своей маленькой армии. Её девочка игнорировала приказы. Прежние угрозы строгой мамы: лишение денежной помощи, демонстративная обида, молчание – больше не подходили. Все рычаги влияния на Александру перешли к её мужу. Зять Ольге Вадимовне понравился с первого взгляда: целеустремленный, умный, собранный он идеально

подходил её мягкотелой, слабой дочери. Олег, познакомившись с будущими родственниками, отметил сходство своего и тётчиного характера. Он надеялся, что будущая жена норвом хоть чуточку пошла в мать. Внешность будущей невесты устраивала его абсолютно.

ГЛАВА 2

«Как же, на работу она пойдет! Сейчас уляжется в постель и будет дрыхнуть до обеда», – сердито думал Олег, надевая ветровку.

На даче предстояло сделать много дел: скосить траву, подстричь выросшие за лето деревья, собрать осенние сорта яблок. Он мог нанять Алексея, подрабатывающего в поселке садовником, но любил сам приводить участок в порядок.

«Да и не помешает размяться, а то стал образовываться животик».

При его коренастой, крепкой фигуре Олег выглядел упитанным. Как замечательно было раньше! Ещё три года назад он приезжал в загородный дом с женой. Вдвоём обихаживали сад, потом пили чай у искусственного пруда в беседке. Теперь Саша все реже и реже приезжала сюда, а если появлялась, то слонялась без дела, раздражая сонным видом. В последние годы она всё больше злила его своим равнодушием и безразличием ко всему. Иногда ему казалось: Саша не слышит и не видит ни его, ни людей, ни весь мир рядом. Же-

на словно погружалась в анабиоз, оцепенение, пугая всех отсутствующим взглядом. Олег редко видел улыбку на её лице. Милые ямочки на щеках, которые он так любил, давно не появлялись. Олег обожал её редкий смех, странный цвет глаз, нежный овал лица, небольшой рот, прозрачную тонкую кожу. Одиннадцать лет назад Саша поразила его своим жизненным, легким характером и внешностью. Она была среднего роста, но такая изящная. Маленькие покатые плечи, никаких торчащих косточек над грудью, никаких грубо выпирающих ключиц – всё сглажено. Аккуратные бедра, скрипичная талия. Щиколотки и кисти рук выглядели произведением искусства. Женщина – тайна. Переменчивые глаза непонятного цвета голубовато-зеленые с серым ободком вокруг зрачка посмотрели на него и вмиг стерли прежний его идеал: крепкой, черноглазой брюнетки. Куда подевалась наивная студентка, что случилось с ней? Почему вместо очаровательной девушки появилась печальная, вечно недовольная женщина. А как всё хорошо начиналось.

Он, Олег Андриади, начинающий бизнесмен, приехал в кафе на встречу с партнером по бизнесу. Через дорогу, на ступеньках Политехнического института, увидел улыбающуюся красавицу. Она по одному выпускала в небо воздушные шарики. Из всей толпы студентов Олег увидел только её, прелестную незнакомку. Он нашел способ познакомиться с ровницей и усердно ухаживал за ней целых четыре года. Два раза в неделю приезжал в Ростов из Ремезова, чтобы сво-

дить девушку в театр или филармонию. Отрывал время от работы, добираясь за семьдесят километров, чтобы только повидать Сашу. Её холодность лишь сильнее разжигала его страсть. Олег решил, со временем она полюбит. Считал большой удачей, что они родом из одного города.

«Это знак, мы должны быть вместе. После окончания института она вернётся домой и не придется отрывать от родных. Саша не будет скучать по родителям. Достаточно сесть на маршрутку, чтобы их повидать».

Свою жизнь Олег распланировал чуть ли не до глубокой старости. Начав работать на отцовском предприятии, собирался стать директором, построить дом, завести детей и честно прожить насыщенную жизнь с любимой женой. Поначалу всё так и получилось. Он был на седьмом небе от счастья и не слушал возражений отца и доводов матери. Атанас Андроникович мечтал женить сына на дочери друга и таким способом соединить капиталы. Он отговаривал отпрыска от необдуманной женитьбы.

– Что она принесет тебе? Какую выгоду? Мать бухгалтер, отец руководит чужой стройкой. Подумай хорошо, за Медеей отец даст двадцать пять процентов акций порта. Это станет твоим стартовым капиталом.

Атанас Андроникович или три «А», как его называли за глаза, не учел семейного упрямства.

– Я люблю её и всего добьюсь сам, – упёрся наследник.

Фаина Ясоновна тоже пыталась отговорить сына. Увидев

избранницу Олега, она расстроилась. Материнское сердце почувствовало: душа этого эфемерного создания холодна к её ненаглядному мальчику. А ведь его всегда обожали женщины. До двадцати восьми лет он усердно трудился на комбинате и находил время для многочисленных подружек. Одноклассница Медея любила его со школы и верно ждала, когда Олег нагуляется и будет готов к браку. Семья девушки дружила с семьей Андриади, и они часто виделись на различных праздниках. Фаина Ясоновна в мечтах видела Медею своей невесткой. Эта девушка подходила её сыну: хозяйственная, добрая, любящая и к тому же гречанка. Фаина Ясоновна гордились своей родословной, тем, что им удалось сохранить чистоту крови. Атанас Андроникович и Фаина Ясоновна были из семей обрусевших греков из Крыма. Знакомство с Александрой стало для них огромным разочарованием. И спустя семь лет, она говорила:

– Я тебя предупреждала, сынок, толку от неё не будет.

И все-таки Олег был счастлив целых пять лет, несмотря на отсутствие детей, несмотря на холодность жены, ставшую для него неприятным открытием. Он думал, его любви хватит на двоих.

Первый раз необычный, отстраненный взгляд Саши он увидел на дне её рождения. Жене исполнилось двадцать шесть. Она принимала поздравления, натянуто улыбаясь, при этом смотрела как бы внутрь себя.

Тогда его озарило: он давно не слышал её смех, не видел

улыбки. Работа на комбинате занимало всё свободное время. Долгожданный пост директора принёс много забот. За делами не заметил, что жена отдалилась. По душам не говорили, только обменивались необходимыми фразами за завтраком и ужином. В его сердце заполз холод, червячок ревности и сомнения закопошился в душе мужчины. Присмотревшись, он заметил её отсутствующий, странный вид. За праздничным столом Саша почти не разговаривала, только смотрела на гостей неприятным, снулым взглядом.

Перемены в жене накапливались с каждым днём. Она по долгу лежала на диване с книжкой в руке, не читая её, или сидела на дачной скамейке, глядя на воду.

«Что она там видела? О чём думала?»

Олег пытался отвлечь любимую, купил путевку в Египет. Потом поехали в путешествие по Сибири. Саша ненадолго оживала, а затем снова впадала в спячку. Дела на заводе требовали его присутствия. Мощный организм Атанаса Андрониковича дал сбой и теперь всеми делами заведовал он.

Идеалом женщины для Олега являлась мать. Она никогда не ленилась встать рано утром и накормить вкусным завтраком мужа и сына. Более того придумывала разные блюда и это каждый раз являлось приятным сюрпризом. Пока её мужчины делали зарядку, плескались в душе, Фаина Ясоновна накрывала стол. Во время завтрака обсуждались планы на день. Они шутили и набирались положительных эмоций на целый день. Счастливое, весёлое лицо матери он при-

вык видеть каждый день. Фаина Ясоновна считала завтрак самым важным приемом пищи и приучила к этому мужа и сына. Она оказалась прирождённой хозяйкой: дом получился уютным, еда вкусной, а её настроение всегда замечательным. Фаина Ясоновна боготворила своих мужчин, растворялась в них, выслушивала их проблемы, заботы и переживания. К ним в дом обожали приходиться гости: она ко всем умела найти подход. Фаина Ясоновна больше всех горевала об отсутствии внуков. Своим чутким материнским сердцем давно поняла: невестка так и не полюбила её сына.

« Она просто не хочет иметь детей», – подозревала женщина.

Считала Сашу лентяйкой, не оценившей такое сокровище, как её сын. В глубине души мечтала, чтобы невестка исчезла, освободив Олега. Фаина Ясоновна грезила внуками, они снились ей по ночам. Годы шли, но ничего не менялось. Застывший взгляд невестки, её молчание доводили женщину до белого каления. Только ради сына она терпела эту ленивую бабу. С будущим мужем Атанасом юная Фая познакомилась в международном студенческом лагере. Симпатичный темпераментный грек покорила её раз и навсегда. Перестройка застала его в кресле регионального руководителя. Он выкупил за ваучеры большой рыбзавод под Ремезовым и подал в отставку. Атанас ничего не пускал на самотек, планировал всё. Сын пошел в отца, такой же надёжный и работающий.

«Жаль, жену выбрал порченую», – думал Атанас Андроникович. Ему, как и жене, невестка не нравилась. Он считал её пустоголовой и никчемной, даже внука не могла родить.

Олег заметив, что перемены в жене только нарастают, нанял частного сыщика.

Отчёт детектива и порадовал, и озадачил его. Кроме юродивого художника, друга юности, и двух школьных подружек Саша больше ни с кем не поддерживала отношений. Если сначала созерцательная восторженность жены слегка утомляла его, то теперь её угрюмая апатия доводила до зубовного скрежета. Олегу стало казаться, что Саша как гусеница медленно оплетает себя паутиной и скоро скроется в кокон окончательно. Ему даже приснился кошмар: проснувшись утром, обнаружил на месте жены куколку из простыней. Даже изящная фарфоровая красота Саши стала его раздражать. Олег в последнее время не хотел возвращаться домой после работы. Уютный прежде дом не радовал, в нём не было тепла. Горечь и обида на супругу сжигали его душу.

«Ей, видите ли, скучно? А покупать дорогие наряды, трескать деликатесы и мазюкать бешеной цены кистями и красками полотна, можно! Даже не интересуется, во сколько обходится её хобби. Тоже мне, непризнанная художница нашлась! Вся её семейка использует меня, как хочет. Интересно, она знает, что её мамочка каждый месяц просит деньги на что-нибудь. Теща неумолима на выдумки. Что лично я получил от этого брака? Шиш с маслом! Ни доброго слова, ни

ласки, ни хорошего отношения от этой куклы не дождался!»

Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стала встреча с Медеей возле родительского дома. С бывшей подругой Олег не виделся лет пять. Медея попрощалась с его матерью и пошла по дорожке навстречу ему. Она поправи-лась, но это не испортило её статную фигуру. Карие глаза вспыхнули радостью при виде него. Щёки Медеи окрасил румянец, яркие сочные губы растянулись в улыбке. Она показала ему такой живой, родной, желанной. У Олега потеп-лело на сердце.

«Боже, каким же дураком я оказался! Вот кто составил бы моё счастье».

Рядом с ней вышагивали два серьёзных мальчугана четы-рёх и двух лет. Олег жадно вгляделся в их лица. Дети похо-дили на мать только глазами, все остальное подарил им отец.

«Они могли быть моими», – с горечью подумал он.

– Здравствуй, Андри, – певуче произнесла Медея и поце-ловала его в щёку.

Так называла его только она. Олег вновь почувствовал се-бя мальчишкой.

– Как зовут ребят?

– Старший твой тезка, а младшего – Дионис.

Мальчики, знакомясь, протянули ему руки. Олег осто-рожно пожал крохотные пальчики. Зависть острыми когот-ками заскреблась в сердце.

Саша умылась и посмотрела на себя в зеркало. В нём отразилась молодая женщина с опухшим от сна лицом, с тусклыми прядями неухоженных волос и неопределенным цветом глаз. Саша раздвинула губы, имитируя улыбку, на щеках прорезались ямочки, как изюминки на сдобной булочке. Оглядев квартиру, со вздохом принялась вытирать пыль. К двум часам дня наведя порядок, решила съездить в мастерскую к Никите. Он остался единственным человеком, кого ей хотелось видеть.

Художник встретил её радостно.

– Кручина, молодец, что приехала. Пойдем, покажу, что я привез из Карелии.

Никита провел её по трём небольшим залам картинной галереи в свою мастерскую.

«Он похудел. Опять не питался нормально», – подумала Александра, оглядывая высокую, щуплую фигуру друга. Никита, работая, забывал обо всём, закончив серию полотен, набрасывался на еду, как голодный зверь.

– Я покажу тебе семь картин, что написал в одной чудесной деревеньке. Ты мне расскажешь своё впечатление от них. Хорошо?

Он повернулся к ней. Узкое, худое лицо с маленькой чёрной бородой и усами, подчеркивающими красивый рисунок губ, дрогнуло.

«Он волнуется! – удивилась Саша. – Чудно. Всегда ведь спокойно относился к критике».

Голубые глаза Никиты смотрели на неё странным взглядом.

– Ты погляди, а я пойду, перекушу. Для тебя тоже приготовлю пару бутербродов. Потом попьём чайку и поговорим.

Вдоль стены в ряд выстроились мольберты. Саша подошла к первому. На холсте была изображена береза на берегу озера. Её нежные кружевные ветви, подсвеченные солнцем, колыхались на лёгком ветру. Отражение дерева в озере чуть искажалось, и ей показалось, что из воды кто-то смотрит. Саша вздрогнула от пронзительного взгляда и присмотрелась внимательнее. Ветви березы, ломаными линиями отражаясь в озере, создали прекрасное лицо женщины.

Подошёл Никита и встал позади.

– Ты встречал эту девушку или увидел в озере?

Картина очаровывала.

– Я надеялся, что ты увидишь мою незнакомку. Её никто не видит, пока не покажу, буквально не ткну пальцем. Писал березу, а когда закончил, заметил отражение в воде. Такое чудо произошло.

Саша посмотрела на растерянное лицо друга и перешла к другому полотну.

Опушка леса. На пеньке сидит девочка – подросток. Корзинка с грибами стоит у ног. Яркая весёлая лужайка. Порхают бабочки, дует ветерок. Головки цветов чуть наклони-

лись под его порывами и трепещут лепестками. Солнце перевалило за полдень. Тень девочки лежит на три часа. У неё милое нежное лицо с пухлыми губами. Глаза чуть прикрыты. Она устала и присела отдохнуть. Её подростковая угловатость скоро сменится очаровательной женственностью. Уже сейчас видно: она будет прелестной женщиной. Но почему-то от картины веет страхом и болью.

Саша поёжилась.

За спиной девочки тёмный еловый лес. Он разделил рисунок на две неравные части. Среди ветвей она вдруг рассмотрела жуткие лица монстров, искаженные злобой и ненавистью.

– Этих уродов ты тоже нечаянно нарисовал?

– Не веришь? Но это так. Я писал опушку леса и представлял сидящую на пеньке соседскую девочку. Всё остальное обнаружилось после. Пока трудился, не видел ничего странного, а вот потом... Смотри дальше.

На третьем полотне, совершенно безобидном на первый взгляд, изображался кусочек болота с цветущим кустиком голубики. Несколько болотных кочек, лежащий в тине полусгнивший ствол березы, упавшие в воду листья. И как удар в сердце, глядящее прямо в глаза лицо утопленницы.

– Боже! – отшатнулась Саша.

– Я сделал набросок этого женского лица отдельно и показал хозяйке, у которой снимал комнату. Она узнала в нём свою подругу, пропавшую в болоте тридцать лет назад.

Спросила, как я мог нарисовать человека, если его давно нет в живых. Пришлось соврать, что похожая девушка живёт в городе.

Саша перевела взгляд на следующую картину.

Высокий утёс. Где-то внизу лес. Небо пронзительной синевы с похожими на клочки ваты облаками. Напротив утёса, на фоне неба, летит орел, рассекая мощными крыльями поток воздуха. И снова ощущение взгляда, но на этот раз доброго, спокойного, отеческого. Сквозь облака проступило лицо мудрого старца с белой бородой и тёмно-синими глазами. Он с любовью смотрит с полотна. От этого взгляда у Саши на глаза навернулись слезы. Старец словно понял её боль, которую она сама ещё не осознавала, и утешал.

– Никита, как же ты смог это нарисовать? – Саша вытерла глаза, шмыгнула носом.

– Все, кто смотрел на эту картину, не видели старика, но чувствовали. Плачут многие. Видимо, накопилось в душе у каждого.

На другом холсте обычная деревенская улица. Разбитая дорога. Бурьян, растущий на обочине. Покосившийся деревянный забор у старенького дома. Рядом с калиткой лавочка, сделанная грубо, из целого бревна. Две курицы копошатся в пыли. Зной. Поникли листья лопухов и головки ромашек. И уже привычный, на этот раз глумливый взгляд. Среди лопухов притаился маленький старичок в лихо заломленной полотняной шапочке. Он держится за стебель растения

и осматривает улицу.

– Это домовой? – поинтересовалась Саша.

– Понятия не имею. Ты сразу разглядела, а я только тут в мастерской заметил. Пил чай у окна и писал дом через дорогу. Просто так.

Она прошла дальше. Что ещё за чудо предстоит увидеть?

Комната в деревенском доме. Русская печь, украшенная цветными изразцами. Стол, накрытый тёмно-вишневой скатертью. Вокруг него стулья с округлыми спинками. Горка с глиняной посудой. На печи, свесив лапу, лежит рыжий кот. За ним из полумрака выглядывает, улыбаясь во весь рот, молодой домовёнок. От картины веет покоем и домашним уютом. Так и кажется: в печи стоит чугунок с наваристым борщом, в кувшине томится молоко. В комнату вот-вот зайдет хозяйка и позовет всех к столу.

– Ты ничего не рисовал специально? А когда рассмотрел этих существ?

– Одних сразу. Других только сегодня, когда расставлял в мастерской. Мне никогда не писалось так легко. На одном дыхании. Я ездил в Карелию с друзьями: Володей и Николаем. Они тоже привезли картины. Скажу одно: каждый из нас создал лучшее в своём жанре.

– Не знаю насчет Володи и Коли, но твои полотна, действительно, прекрасны. Они завораживают не только таинственностью, но и красками. Это живой кусочек мира, каждый со своей загадкой. Можно, я побуду возле них.

– Да ради бога. Смотри, сколько хочешь. У меня для тебя есть сюрприз. – Художник вышел из студии.

Вернувшись через полчаса, застал Сашу возле холста с парящим орлом. Она плакала.

– Кручина, в чем причина? – смущённо скаламбурил он.

Она промокнула глаза платком.

– А ты не дразнись.

– Я уже говорил, что ты первая по-настоящему увидела картины, другим пришлось показывать. Но все, даже не видя странностей, долго не могли отойти от них. Мы решили организовать выставку под общим названием «Карельские мотивы».

– Ты талант, Ники. И доказал это на деле. Я ещё в школе говорила: ты настоящий художник. Тебе заказывают портреты, просят написать любимые пейзажи. Но теперь... – Она обвела рукой живописные полотна. – Просто нет слов!

– Сашка, ты улыбаешься! Как я соскучился по твоей улыбке. Тебя будто околдовала злая колдунья. Внутри словно выключили свет. С каждым годом он делался все слабее и слабее. Мне больно смотреть на тебя. Куда исчезла прежняя Саша?

– Выросла и стала Александрой Сергеевной. – Она обвела взглядом студию. – Подожди, ты сказал семь картин, а здесь шесть...

– Это и есть мой сюрприз. Я хочу подарить её тебе. – Никита поставил на мольберт принесенный холст и жестом фо-

кусника сдернул с него белое покрывало.

В светлой комнате на кровати спит молодая женщина, положив обе ладони под голову. Лёгкая шелковая простынь не скрывает женственных очертаний фигуры. На подоконнике открытого настежь окна стоит ваза с белыми тюльпанами. На прикроватной тумбочке в высоком, прозрачном стакане веточка голубых колокольчиков. У изголовья кровати, на стене висит горшок с пышной традесканцией, длинные плети растения свесились почти до подушки.

Саша ахнула. К спящей незнакомке склонился ангел. Сложенные за спиной крылья, чётко вырисовываются между листьев традесканции. Его лицо выражает огромную любовь и печаль. Руки нежно касаются головы женщины.

– Ты хочешь подарить её мне? – прошептала Саша. – Слишком щедрый подарок.

– Она тебе никого не напоминает? – удивился Никита.

– Отдалённо, – смутилась Саша.

– Такой я видел её несколько лет назад, но не теряю надежды увидеть снова.

– Это я, – наконец признала она своё лицо на полотне и добавила: – когда-то была такой.

Никита упаковал картину.

– Хочу увидеть тебя счастливой. Верю, что сотворил нечто чудесное. Она поможет тебе вновь обрести себя.

Саша поцеловала друга в щёку.

– Спасибо, Ники. Это самый лучший подарок! Мне пора

домой.

Она перешла через дорогу и помахала стоящему на ступеньках студии художнику.

Никита помахал в ответ. Саша никогда не узнает о его любви. Он знал, как светится эта девушка, когда любит по-настоящему. Свет этот вызывал, к сожалению, не он, но готов всё отдать, чтобы вернуть снова сияние её души.

Дома Александра повесила полотно в изголовье кровати. Вошедший вечером в спальню Олег, увидев картину, спросил:

– Ездил к своему мазиле? Его подарок?

Саша кивнула.

– Точно к спальне подходит. Одна баба спит на кровати, другая спит под картиной на кровати... Очень символично... Две сони.

Он был ещё под впечатлением встречи с Медеей и её сыновьями и еле сдерживался, чтобы не наорать на жену, пригласившую в спальню эту фигню.

– Посмотри внимательно. Кто ещё изображен на холсте, кроме женщины? – с напряжением в голосе поинтересовалась Саша.

– Кроме спящей тетки никого (он не узнал лицо жены). Куча цветов живых и срезанных.

– И всё! – она не сумела скрыть разочарование.

– Всё! Извини, я человек грубый и не уловил идею твоего горе-художника. Концепцию... полутона, – хмыкнул муж. –

Я устал и хочу спать.

ГЛАВА 3

Звонок раздался в субботу.

– Кручина, привет! – в трубке телефона звучал подзабытый командный голос Марины бывшей старосты класса. – Наш классный руководитель Ирина Ивановна уходит из школы. Мы были её последним выпуском. Она приглашает всех к себе домой. Передай, пожалуйста, своим подружкам Римме и Элине, что она ждёт нас в восемь вечера тридцатого октября.

Саша положила трубку. Школа. Класс... Воспоминание о её первой и единственной любви отдалось в душе царапающей болью. Чувство, запертое и спрятанное в дальний уголок памяти тринадцать лет назад, проснулось. Саша медленно поднялась с дивана, как робот надела туфли. Вышла на улицу. На дороге её чуть не сбила машина, но она даже не заметила этого. Саша прошагала три километра до родительского дома, забыв про маршрутные такси. Очнулась только у запертой двери. Нажала на кнопку звонка. Тишина. Вспомнила, что родители хранят запасной ключ в электрощитке возле лестницы. Открыла дверь. В её комнате ничего не изменилось. Фотоальбом лежал в тумбочке на нижней полке. Она прижала его к груди. Медленно обошла квартиру. Родители недавно сделали ремонт, и теперь вся обстановка, кро-

ме её комнаты, была незнакомой.

«Узнаю мамин вкус, – усмехнулась она. – Минимализм, чёрное и белое. Металл и пластик».

Закрыла входную дверь. Ключ вернула на место.

«Хорошо, что родители на даче», – подумала Саша. Ей никого не хотелось видеть.

Обратный путь занял меньше времени: Она наконец вспомнила о такси.

Приняла душ, переоделась в ночную сорочку. Включила настенное бра и дрожащими руками открыла школьный альбом. Тринадцать лет она не прикасалась к нему, опасаясь той боли, которая может проснуться в ней при виде нескольких фото.

«Я не буду спешить, впереди целая ночь. Олег не вернется с дачи до вечера воскресенья, – улыбнулась Саша. – Все вдруг заделались дачниками».

Подложив под спину подушку, уселась в кровати удобнее и перевернула первый лист альбома.

Она первоклашка. А это второй, третий класс. Какие они были смешные. У Риммы белые банты больше её головы. А на ногах Элины модные сапоги на каблучке, которые смешно смотрятся на маленькой девочке. Одноклассник Самсон мечтательно смотрит поверх голов друзей куда-то вдаль.

Четвёртый класс – появились первые стильные стрижки у мальчиков. Римма уже без косичек. На голове Элины пред-

мет зависти девочек шикарный ободок со стразами Сваровски.

Шестой класс. Сердце дало сбой. Саша знала, что будет больно, но это оказалось сильнее, чем она думала. Тысячи дней не позволяла себе вспоминать, загнала в самую глубину памяти, присыпала мусором ежедневности и суеты, притворилась непомнящей.

С фото на неё серьёзно смотрел Ваня Стасов. Стас, как звали его в классе. Много лет Саша прятала свою школьную любовь даже от самой себя.

Ничего не было! Всё прошло. Я сделала правильный выбор. Твердила она, как заклинание, много лет подряд. И почти убедила себя, почти забыла, но стоило открыть альбом, и прошлое проснулось и обожгло нестерпимой душевной болью. Кажется, не только душевной. Сердце кололо. Александра накалила в стакан валокордин. Выпила. Посидела, закрыв глаза. Рука перевернула следующую страницу.

Седьмой класс – ей тринадцать лет, Иван старше на год. Он неловко сунул в её портфель валентинку. Саша носила открытку на груди, пока она не превратилась в кусочки бумаги. Им достаточно взглядов, встречаясь глазами, оба краснеют до макового цвета. На уроке физкультуры Стасов старается играть с ней в одной команде. Саша понимает, что влюблена и воображает себя Джульеттой, а его Ромео.

Первое потрясение. Она с Риммой и Элиной вышла из школы. Не успели девочки завернуть за угол, как услышали

мат и шум драки. Римма, обожавшая разборки мальчишек, потянула подруг за собой. В кругу подростков стоял Стасов и Самсон (крепкий коренастый армянин). Матерился Иван. От его грязных слов у Саши заалели уши, её будто облили грязью. Ромео выражался хуже грузчика. Самсон коротко и резко ударил Стасова в лицо и... промахнулся. После она узнала, Ваня прошел уличную школу и мог дать сто очков вперёд увальню Самсону. Ответный удар Стасова разбил нос Долидяну. На этом драка прекратилась. Самсон покинул место боя, прижимая носовой платок к лицу. Иван обернулся и увидел одноклассниц. Досада отразилась на его лице. Потрясённая и разочарованная Саша на следующий день старалась не встречаться с ним взглядом. Продержалась целых два месяца. Однажды после школы Стасов подстерёг её без подруг.

– Девочки не должны смотреть на мужские разборки.

– Драки-мерзость! – с яростью заявила она и посмотрела ему в лицо. Это была ошибка. Саша утонула в тёплом взгляде его карих глаз. Сердце застучало, как сумасшедшее.

– Нельзя иначе. Кое-что можно доказать только кулаками. По-другому никак, – баском произнес Иван. Его голос ломался и иногда «давал петуха».

– Но ведь мы не дикари. Проблемы можно разрешать словами.

– Нет, Саша, не все, – её имя из его уст прозвучало, как музыка. – Давай-ка сумку, я провожу тебя.

Они разговаривали, дорога домой обоим показалась короткой. Отдавая портфель, коснулся её руки.

– До завтра, – тихо произнёс он.

– До завтра, – повторила Саша, заморожено глядя на его губы и подбородок с ямочкой.

Ещё фото. Восьмой класс. Ей четырнадцать. Стасов выше Александры на голову. Он вытянулся за лето, возмужал, загорел, окреп. На её вопрос, где отдыхал? Усмехнулся:

– На поле у арендаторов.

– Ты работал всё лето?

– Я взрослый. Стыдно сидеть на шее у родителей.

Она уважительно посмотрела на него. Сама же Саша проскучала целое лето. Родители отправили её в деревню к больной бабушке на три месяца. Она не знала тогда, что таким образом они хотели избавить дочь от влияния мальчика из плохой семьи. Умные родители ничего не сказали ей, использовали старую уловку с болезнью старушки. По их плану к осени бабушка выздоравливала. Саша узнала об этом спустя два года и поразилась коварству родных.

Они видятся в классе. Саша идет на золотую медаль. Стасов учится на твёрдую четвёрку. По вечерам встречаются редко: Ваня работает. Она уважает его позицию, самостоятельность. Но так хочется с ним гулять вечерами по улицам, ходить в кино. Он обращается с ней, как с фарфоровой куклой, а Саша мечтает о поцелуе. Весной мечта сбывается. В один из редких свободных вечеров Иван впервые поцеловал

её. В парке от ветра шумела молодая листва, но Саше, показалось, что стук их сердец заглушал этот звук. Пальцы Стасова дрожали, гладили её лицо, дотрагивались до ямочек на щеках. Губы шептали безостановочно: «Милая, милая».

Потом они целовались на лавочке в парке, у подъезда её дома.

На следующий день их класс поехал в Ростов: для выставки в художественную галерею города из Эрмитажа привезли картины. Учительница рисования с восторгом рассказывала о каждом живописном полотне. Саша и Стасов не слышали её, не видели ничего вокруг. Они не могли оторвать взгляд друг от друга. После экскурсии отправились в парк и целовались до одурения. Александра вернулась домой с распухшими губами. Опустив глаза, сумела прикрыть шальной взгляд от возмущённой родительницы.

– Где ты шлялась! – заорала на неё мать. Её всегда гладко зачёсанные тёмные волосы растрепались. Белоснежная блузка вылезла из строгой юбки.

«Действительно, переживает, – поняла Саша. – Мама – образец порядка и собранности и вдруг лохматая причёска».

Саша сморщилась от крика. Душой она находилась всё ещё там, на весенней улице с любимым.

– Ты что не понимаешь! Я волновалась. Звонила родителям Риммы и Элины. Твои подруги давно уже дома!

– Мама, извини, но ведь завтра выходной. До вечера ещё далеко. Мы немного погуляли с Ваней по городу.

– Я чуть с ума не сошла. Представляла все ужасы, которые могли случиться с глупой девчонкой. Ты что пьяная? – вдруг насторожилась она, разглядев блаженную улыбку дочери.

– Мам! – возмутилась Саша. – Конечно, нет! Я пойду в свою комнату.

Весь девятый класс они встречались урывками. Иногда Саша оставалась в школе, чтобы помочь Ивану с учёбой. Случалось так, что он засыпал прямо на уроке и весь класс хохотал, когда сердитый учитель будил парня приговаривая: «Меньше надо сидеть за компьютерными играми, а больше за учебниками».

Саша не смеялась. Жалела его до слёз, но боялась показать это. Ваня не переносил, когда сочувствовали. В этом она убеждалась не раз. Стасов засыпал от усталости, иногда ему приходилось работать до поздней ночи.

Она узнала, что наравне с взрослыми мужчинами он трудится на стройке. Стасов с гордостью рассказывал, что из подсобного рабочего стал полноправным членом бригады. Научился почти всем строительным работам: штукатурить, шпатлевать, клеить обои, красить, класть блок и кирпич. Он выглядел старше своих пятнадцати лет: физически развитый, и как подозревала Саша, более чем она, искушен в жизни.

Всё лето после девятого класса они снова не виделись. Её опять отправили к бабушке в деревню. Байкам о болезни старушки Саша больше не верила. Сделала вид, что ра-

да отправиться за город, потому что Ваня тоже уезжал на заработки. Он звонил каждый день, Саша жила этими звонками. Утешалась тем, что может принести пользу семье и хоть немного отвлечь себя от мыслей о Стасове. Делала с бабушкой заготовки на зиму, усердно трудилась в огороде. В свободное время загорала с книжкой в саду, купалась в речке и почти не жалела о пляже на море. Телефонный звонок от Ивана звучал для неё божественной музыкой. Она тосковала, считая дни до встречи. По телефону, не видя лиц друг друга, они становились откровеннее. Обычно сдержанный Иван признавался: Саша снится ему ночами.

Она вернулась домой двадцать восьмого августа, еле дождалась вечера. В парк пришла на двадцать минут раньше назначенного времени, но Ваня уже сидел на скамейке. Он поднялся ей на встречу, высокий, широкоплечий, загорелый до черноты и какой-то незнакомый. Саша смутилась и почувствовала себя неловко. Стасов тоже замешкался, не зная, куда деть большие руки с грубыми мозолями. Молча смотрели друг на друга. Саша заметила пушистые усики у него над верхней губой, огрубевшую кожу на скулах, обветренные губы и подумала: «Он стал взрослым».

В июне Ивану исполнилось шестнадцать лет. Он шутил, что если не поступит в институт, то сразу после школы загремит в армию.

– Ты изменилась, – наконец он смог произнести первые слова. Голос его больше не ломался, звучал мягким барито-

ном, от этого звука её душа встрепенулась и ожила.

– Разве? – ей казалось: она осталась прежней.

Иван осторожно дотронулся до её волос.

– Да. Ты стала ещё красивее.

Саша шагнула ближе, она едва доставала ему макушкой до подбородка. Иван провёл щекой по её волосам и вдохнул их сухой, травяной запах. Потом долгие годы она не могла прогнать это воспоминание: стук его сердца у своего горла, и теплые ладони на спине. На несколько секунд они стали одним целым, показалось, что у них общая кровеносная система. Стасов увлёк её на лавочку. После долгой разлуки не могли наговориться. После бродили по берегу моря и ели мороженое. Расставаться не хотелось.

Ещё одна фотография из альбома.

Поездка с классом на зимних каникулах в Москву. Тогда в десятом классе она впервые испытала жгучую ревность, от которой болело сердце, а голова пылала огнём. Это была обычная туристическая программа: Красная площадь, Третьяковская галерея, Большой театр, обзорная экскурсия по городу. На второй день поездки Саша слегла с температурой и не смогла поехать с одноклассниками на экскурсию. Она лежала в гостиничном номере одна и досадовала: сама настояла, чтобы Иван присутствовал на экскурсии. Саша прекрасно понимала: учительница не одобрит нахождение Стасова в номере наедине с ней. Вечером подруги Элина и Рим-

ма показывали снимки, снятые во время поездки. Сначала Саша с удовольствием разглядывала фото, пока не заметила: Римма везде стоит рядом с Ваней. Она-то смеялась, глядя ему в лицо, то обнимала за талию. А на одном снимке подруга целовала его в щёку, а он улыбался счастливой улыбкой.

«Вот значит как, стоило заболеть, и он сразу нашёл с кем развлечься! Римма тоже хороша! Липнет, как банный лист», – негодовала обиженная Саша, не замечая лукавой улыбки подруги, оценившей её реакцию. Саша насупилась, сообщила одноклассникам, что у неё разболелась голова. Отвернувшись к стене, кусала губы, чтобы не расплакаться. Одноклассницы молча переглянулись, Римма показала Элине большой палец. На следующий день Саше стало лучше, температура спала, но учительница решила перестраховаться и снова оставила её в номере одну. Ожидая возвращения подруг с экскурсии, ревнивица сходилась с ума от неизвестности. Она не представляла, что это такая страшная пытка. Уговаривала себя, поцелуй в щёку дружеский, что она прекрасно знает Римму – ничего не помогало. Зеленоглазое чудовище по имени Ревность съедало её живьем. Казалось, она горит на медленном огне. Ужин принесли в комнату. Саша уже два дня не видела Стасова. Ей не хотелось есть, она отодвинула от себя поднос и еле сдерживалась, чтобы не накричать на смеющихся подруг. А они делились впечатлениями, фамилия Ивана то и дело всплывала в их разговоре.

– Стасов очень сильный, – говорила Римма. – Там такие

скользкие ступеньки, но Ванечка легко перенёс меня через них.

– Точно, – вторила ей Элина. – Кручинина, видела бы ты, какую тяжёлую сумку с книгами учительницы он носил весь день.

Саше хотелось спросить: вспоминал ли о ней? Она сжимала зубы так, что заболели скулы, но упрямо молчала.

«Ну, погоди, – думала Саша мстительно. – Я сделаю тебе так больно, как теперь больно мне. Почему не приходишь проведать вечером? Не хочешь видеть? Почему?»

Утром учительница убедилась, что она пошла на поправку, позволила поехать с классом в музей. Саша сидела в автобусе, когда в него вбежали Стасов и Долидян. Иван радостно поприветствовал её. Обиженная Саша отвернулась.

Она выходила из «Икаруса», остановившегося у музея, последней. Заметив, что Ваня проталкивается к ней, измученная ревностью девушка, схватила первого попавшегося под руку одноклассника, к сожалению, им оказался Рем Корнеев. Он пытался ухаживать за ней с восьмого класса.

– Рем, здесь так скользко, ты поддержишь меня?

Корнеев, слегка опешив от внимания Саши к нему, обрадованно воскликнул:

– Да без проблем. Прошу, мадам. – И галантно взял её под руку.

Стасов сумел-таки пробраться к ней.

– Я помогу.

– Нет, – твердо сказала Саша. Её захлестывало желание мстить. – Пусть это сделает Рем. – И как сумела ласково улыбнулась Корнееву.

Весь день до вечера она была рядом с Ремом, зорко наблюдая за реакцией Стасова. Тот порадовал её хмурым видом. Смотрел на Сашу потемневшими от обиды глазами. Римма несколько раз пыталась со смехом обратиться к нему. Иван зло глянул на неё и что-то коротко сказал, отчего та вспыхнула и сильно покраснела.

Вечером в планетарии, пока не выключили свет, Иван подошел к Корнееву, сидящему рядом с Сашей. Тонем приказа сказал однокласснику:

– Рем, пересядь на другое место. Не заставляй меня применять силу.

Саша не успела ничего возразить. Корнеев поспешно удалился. Выключился свет. Она затаила дыхание и всё равно не уловила движения. Возле самого уха, обдав горячим дыханием, слышался шепот Стасова.

– Объясни, что случилось? Пожалуйста, – его голос чуть дрогнул.

Саша, собиравшаяся его мучить дальше, не выдержала:

– Думаешь, приятно смотреть на фото, где тебя целует Римма. И на руках её носил, и на фото везде рядом с ней.

– Так и знал, что твоя закадычная подружка что-то задумала. Лично я никого не целовал и не обнимал, тем более эту липучку. Мне никто кроме тебя не нужен.

– Правда? – задыхающимся голосом произнесла Саша.

– Маленькая моя, ты, что же приревновала?

– Да. И хотела сделать тебе так же больно, как ты мне.

– Прекратите шептаться, – раздался грозный окрик учительницы.

Они замолчали. Ваня отыскал её руку в темноте и держал весь сеанс. Счастье снова улыбалось им. После двух дней кошмара, когда Саша находилась на грани нервного срыва, пришло успокоение. Над их головами проплывали по небосводу планеты, пролетали кометы, вспыхивали новые звезды, менялись солнечные системы.

Она запомнила, то ночное небо в вышине, огромные звезды, сверкающие, как алмазы, безграничную радость и руку Стасова, словно мостик между ними.

С тех пор ночь её любимое время суток.

Ещё одна фотография. Окончен десятый класс. Очередной летний отъезд Ивана на заработки. Они сидят на лавочке. Элина сфотографировала их.

«Какое оказывается у неё несчастное лицо. У Стасова закушена губа, но он спокойно смотрит в камеру».

Саша вздохнула. Прежние чувства нахлынули, разрывая душу, но сделали её живой. Вот оно! Она давно не чувствовала себя живой. Без Ивана она не жила, а тлела.

Перед отъездом Стасова на заработки попросила его на этот раз не уезжать так надолго. Очень не хотелось снова рас-

ставаться. Выслушав, он грустно сказал:

– Неужели ты думаешь, мне нравится жить без тебя. Не хочется, но нужно. Лето – пора больших заработков, я смогу обеспечить себя на полгода.

– Пусть родители обеспечивают – это их обязанность, – разозлилась Саша.

Его лицо стало замкнутым и холодным, как всегда, если речь заходила о его родителях. Все её попытки, что-либо узнать о родных Стасова, оканчивались неудачей. Он не хотел говорить о них. И на этот раз, помолчав с минуту, тихо произнёс:

– Поверь, я никогда не покидал тебя без причины. Мне нужно работать. Родители не могут содержать меня. И хватит об этом!

Она впервые увидела жёсткое выражение на его лице. Иван всегда смотрел с нежностью, от которой таяло её сердце. Сейчас же ощутила странный холодок.

– Ты должна немного потерпеть. Наступит время, и мы всегда будем вместе. Окончим школу. Ты поедешь учиться, я уйду служить. После армии обязательно постараюсь поступить в Политехнический институт на заочное отделение. Буду заниматься и работать. Как только заработаю на первый взнос, куплю квартиру. Тогда сможем пожениться, и больше никто не разлучит нас.

– Ты говоришь так, будто всё давно обдумал, – буркнула Саша. Хотя ей было очень приятно, что он не мыслил жизни

без неё.

– Весь последний год я размышлял и мечтал, – Ваня улыбнулся. – Мечты, знаешь ли, здорово подстегивают к действиям. Все это я хотел сказать тебе только после окончания школы, но ты очень нетерпеливая. Согласна с моими планами на ближайшие пять лет?

– В целом. Только ты забыл кое-что сделать.

Саша опустила глаза и стала чертить острием деревянной палочки на песке.

– Может, и забыл. Напомни.

– Когда молодой человек собирается, пусть даже в будущем жениться. – Тут она фыркнула: любой разговор о семейной жизни в шестнадцать лет, смешил. – Сначала признается девушке в своих чувствах. А ты говоришь, как калькулятор.

– О, новое слово в технике – говорящий калькулятор, – засмеялся Иван. – А если серьёзно. Очень нужно признание? Разве сама не понимаешь, что я чувствую к тебе?

Саша покраснела, но глаза подняла.

– Догадываюсь, но хотелось бы знать наверняка.

– Мне почему-то трудно произнести эти слова. Кажется, до тебя никого, кроме младшего брата не любил, но это совсем другое. Вот послушай.

Он взял её руку и приложил к своему сердцу.

– Оно бьётся для тебя. Я сразу понял: ты моя половинка.

– Так уж и сразу. Седьмой класс!

– Да, именно. Значит, не забыла – седьмой класс. Ты улыб-

нулась мне, на щеках появились ямочки, и я пропал. С тех пор прошло четыре года, а мне по-прежнему больно от твоей улыбки.

– Почему больно?

Саша лукаво посмотрела на него и осеклась.

Лицо Стасова стало грустным.

– Мне всё время кажется, что потеряю тебя. Что не заслужил такого счастья.

– Тоже мне счастье, – посерьёзнала она. – Относись ко мне проще. Я обычная девчонка, не глупая, но и не сильно умная, не добрая, но и не злая.

– Не говори так. Рядом с тобой всё по-другому. Листва зеленее, солнце ярче, жизнь лучше. До встречи с тобой думал: судьба ко мне не справедлива. Кому-то отмеряет полной ложкой, а кому-то дает сухую корку. Теперь знаю, это не так.

Запретная тема о его семье возбуждала её любопытство.

– Ты сказал: любил только брата, а родителей?

– О родителях не спрашивай, пожалуйста! Хватит с меня и того, что их не выбирают. Ромку, младшего братишку, я очень люблю и всегда буду о нём заботиться.

Александра смахнула набежавшие слезы. Альбом с фотографиями положила на кровать. На кухне налила полный стакан воды и залпом выпила.

«Где сейчас Стасов? Женился? Есть ли дети?»

Зеркало отразило опухшие от слёз, воспалённые глаза

тридцатилетней женщины. Вернулась в спальню. Дрожащей рукой перевернула следующий лист фотоальбома.

Одиннадцатый класс.

Они встретились осенью. Первого сентября. Стасову исполнилось семнадцать, ей на год меньше. Обнимая его, обнаружила, что еле достает макушкой до плеча.

– Ты ещё вырос! – возмутилась она. – Это не честно!

– А кто говорит о честности. Ничего наденешь туфли на каблуке – будешь снова до подбородка. – Иван посмотрел на её обувь. На Саше были лодочки на плоской подошве.

Она провела ладонью по его щеке.

– Ты уже бреешься, – вздохнула Саша.

– Ты тоже хочешь? – засмеялся он.

Саша толкнула его кулаком в плечо и охнула: ударила, словно в каменную стену. Стасов поцеловал её сжатые пальцы.

Следующее фото. Они на школьном вечере. Иван с видом собственника обнимает её за плечи. Тогда произошла их вторая размолвка.

После дискотеки Римма пригласила к себе домой на часок её с Ваней, Элину с Кимом и Самсона.

– Ребята, только десять часов. Мои предки уехали к бабуле. У меня есть новые записи. Попьем кофе, послушаем музыку.

Они шли по ярко освещённым улицам, делились планами на будущее. Петрова жила недалеко от школы. Поднялись в её квартиру, стараясь на лестнице громко не смеяться. Римма принесла из кухни торт, чай, включила музыку. С загадочным видом вытащила из шкафа бутылку мартини.

– По капельке для настроения, – предложила она.

Элина и Ким протянули кружки, Саша подставила свою. В этот момент Стасов аккуратно забрал у неё чашку и, поднимаясь, сказал:

– Ни она, ни я пить не будем. Половина одиннадцатого пора по домам.

Римма засмеялась:

– Стас, ты чего! По капельке, время детское.

Саша снова подставила кружку.

– Останемся. Мне ещё не хочется домой.

Петрова не успела плеснуть в неё мартини, как Иван толкнул чашку. Она упала на стол и разбилась.

– Что ты наделал – это же настоящий китайский фарфор восемнадцатого века. Меня мать убьёт, – закричала Римма.

Саша посмотрела на Ивана. Его лицо выглядело отстранённым и чужим. Он молча взял её за руку и потащил из комнаты.

– Стасов, мне больно, – пожаловалась она, пытаясь вытащить из его крепко сжатых пальцев свою руку.

Он ослабил хватку, но не отпустил.

– Одевайся. Провожу домой, – голос Ивана снова звучал

мягко.

– Не командуй. Я останусь у Риммы, – рассердилась Саша, поглаживая кисть руки.

Он молча нагнулся и надел ей на ноги туфли.

– Пить больше не будешь и вернешься домой ровно в одиннадцать, – сдержанно произнёс Стасов.

Так терпеливо говорят неразумному ребенку. Поняв это, она вспыхнула:

– А кто меня остановит?

– Я. Если нужно, понесу на руках, но обещание, данное твоему отцу, выполню, – буркнул Стасов.

– Какое обещание? – удивилась Саша, прекратив препираться.

– Никакое.

Иван открыл дверь и вывел её на лестничную площадку.

– Нет уж, сказал А, говори Б, – потребовала она.

– Твой папа попросил меня приводить его любимую дочь в целостности и сохранности в одиннадцать часов. Вот и выяснили. Теперь идём.

– Когда это папа разговаривал с тобой?

– Три года назад.

Он не сказал ей, что Сергей Данилович пообещал открыть ему кое-что, если хоть один волосок упадет с головы дочери. Взял с него слово: в одиннадцать вечера Саша должна быть дома. Тут Иван был с ним солидарен. Будь он взрослым мужчиной и имел дочь, точно также поговорил бы с её

парнем. Ване понравился отец девушки. Сергей Данилович выглядел добродушным увальнем, внешне сильно смахивал на Хрущева, но в нём чувствовался характер.

– Значит, выполняешь приказы? Отец не имел право вмешиваться в мою личную жизнь, – обидчиво прошептала Саша.

– Имел. Он волнуется. Хорошо, когда кто-то переживает за тебя.

– Иногда ты говоришь и размышляешь, как старик. А главное ты опозорил меня перед друзьями.

– А ты должна соображать, что делаешь. Ведёшь себя, как капризная барышня.

До самого дома шли молча. У подъезда Саша не позволила себя поцеловать. В квартиру вошла, пылая праведным гневом.

На следующий день Стасов в школе не появился. Римма прожужжала все уши.

– Стас невоспитанный хам. Тебе не кажется, что ты слишком много ему позволяешь? И вообще, как ты могла столько лет дружить с ним. Он общается с уличной шпаной и бандитами с городских окраин.

Телефон молчал. Ему она не звонила из принципа. Звонок раздался лишь вечером.

– Привет, малышка, остыла? Больше не дуешься?

– Дуюсь, – хмыкнула Саша, представив себя большим воздушным шаром. Слова подруги ядом сочились с кончика

языка, она еле сдерживалась, чтобы не упрекнуть его.

– У тебя три дня на обиду, а потом хочу видеть твою замечательную улыбку. – Он хрипло закашлялся.

– Ты заболел? Я приеду к тебе завтра?

– Нет. Это грипп. Ты можешь заразиться. Я позвоню.

Они помирились, и каждый вечер подолгу беседовали по телефону. Саша не сразу сообразила, что не знает, где живет её парень.

В школу он пришёл только через неделю. Синяк на его скуле стал желтым. На подбородке остался след от шва. Двигался Стасов осторожно, будто каждое движение причиняло боль.

– Что я говорила тебе. Он в уличной банде. Разборки и поножовщина в их среде обычное дело, – ехидничала Римма.

– Что произошло? – спросила Саша с жалостью, глядя на него. Ей было страшно.

– Обычный мужской разговор пошёл немного не так, как планировался, – пошутил Стасов, невольно подтверждая слова Петровой.

– Зачем ты вмешиваешься? А если тебя убьют? – досадовала она.

– Малыш. Не бери в голову. Ладно. Давай забудем.

– Нет. Не забудем. Ты хулиган?

Он хрипло засмеялся и со стоном схватился за грудь.

– Не хулиган, успокойся, – хмыкнул Иван. – Ей богу уморила!

Весь тот год походил на лоскутное одеяло. За спокойными радостными днями, шли тёмные, сумрачные и тревожные. Иван появлялся в школе взвинченный, не выспавшийся, с красными глазами и бледным лицом. На её расспросы отмалчивался или говорил, что разберется сам.

В один из дней гуляя по парку, Саша увидела юношу за мольбертом. Она уже встречала его раньше, замечала, что он наблюдает за ней. Теперь же незнакомец кивнул, как старой знакомой. Саша отвернулась. Стасов был занят, домой идти не хотелось. Она села на скамейку и задумалась.

Во втором классе Александра увлеклась рисованием, упростила отца записать её в художественную школу. С удовольствием занималась четыре года, пока мать случайно не обнаружила у неё способности к математике. Саша легко в уме складывала, умножала, вычитала двух, трёхзначные числа. В начале шестого класса Ольга Вадимовна объявила дочери, что с рисованием покончено, так как преподаватель Художественной школы сказал: толку от неё никакого, она полная бездарность. Это заявление любимого педагога потрясло и обидело девочку до глубины души. Альбомы и мольберт перекочевали в ящик стола и оказались забытыми на долгие годы. Мама перевела дочку в класс с математическим уклоном, но произошло непредвиденное: Саша люто возненавидела математику, хотя училась на одни пятерки.

К одиннадцатому классу она так и не определилась с выбором будущей профессии. В школе больше остальных пред-

метов ей нравилась химия и биология. Саша решила поступать в педагогический университет на факультет химии. Сообщила об этом родителям. Вот тогда и разразился скандал. Ольга Вадимовна посчитала идею абсурдной. Этот последний разговор с родителями оставил на душе тяжесть.

– Труд учителя малооплачиваемый, нервный и неблагодарный, – заявила мама. – У тебя талант к цифрам. Пока я при силе, смогу помочь тебе после института. Придешь к нам в фирму бухгалтером-экономистом на мое место. Там меня ценят и знают. Будешь поступать на факультет экономики и финансов.

– Мне не нравится профессия бухгалтера, – возразила Саша.

– Тебе нравится перечить, только и всего. Я взрослый человек и знаю, что лучше для моей дочери. В отличие от тебя вижу: в чём ты быстрее достигнешь успеха. Отправишься в Волгоград. Жить будешь у тетки. Понятно?

Саша сжала голову руками. Атмосфера в комнате накалилась до предела. Ей казалось, что сейчас полетят молнии, гнев родительницы ощущался почти физически.

– Нет. Волгоград далеко. Мне нельзя уезжать дальше Ростова.

– Это ещё почему, – вскинулась мать, поднимая идеально покрашенные ровные брови.

– Стасов и я хотим учиться в одном городе.

Удлиненное лицо Ольги Вадимовны сделалось свекольно-

го цвета, рот перекосясь.

– Господи! Таких, как твой Ванятко, у тебя будет ещё десяток.

Саша задохнулась от гнева и невозможности убедить её. Обида и осознание того, что мать считает чувства к Стасову пустяком, пробудили в ней неприязнь. Накал этой эмоции, похожей на ненависть, испугал девушку.

– Не будет. Он один такой. Почему ты так говоришь?!

– Ты хоть знаешь, из какой он семьи?! Они все уголовники! Я всегда боялась, что он испортит тебе жизнь. Чему хорошему может научить парень из неблагополучной семьи. – Ольга Вадимовна подбежала к мужу, молча сидящему в кресле. – Скажи ей!

– Оля, успокойся. Иван обещал и, кажется, держит своё слово. С Сашей будет полный порядок.

Сергей Данилович отвернулся и промокнул вспотевший лоб носовым платком. Он не хотел, чтобы дочь связала свою жизнь со Стасовым, но не одобрял слишком прямолинейных действий жены. Краем глаза он покосился в открытую книгу, которую начал читать до начала разговора.

– Мама, ты же совсем не знаешь его – он честный и порядочный. Твои слова оскорбляют меня.

Ольга Вадимовна подошла к дочери, стоящей у окна, и вперила сердитый взгляд в её растерянное бледное лицо.

«Господи в кого пошла моя девочка? Плывет, как щепка по течению: ни мнения своего, ни напора. Может в род-

доме перепутали ребенка? Как у меня могла родиться эта, изнеженная, боящаяся настоящей жизни, мямля. Она даже внешне не похожа на нас. Сережа невысокий, ширококостный, крепкий. Я, как метко выразился он однажды, похожа на породистую скаковую лошадь. Во всяком случае, на отсутствие энергии и силы никогда не жаловалась. А Саша, словно фарфоровая статуэтка. Дунешь, упадет и разобьется. Косточки хрупкие, личико с прозрачной кожей, глаза раненой газели. И в то же время этот её вечный глупый восторг. Надо признать: она раздражает и разочаровывает меня. Придется всю жизнь контролировать и направлять эту рохлю, иначе попадет в неприятности. Что обидно, пытается сопротивляться и не слушает умных советов».

– Ты доверчивая дура! Не знаешь ни его, ни семейку этих Адамсов. Неужели собралась за него замуж?

Саша не выдержала пристального взгляда матери и опустила глаза.

– Да! Но не волнуйся! Не скоро. Осенью Ваню заберут в армию.

– Слава богу! Может за эти два года твои глаза, наконец, откроются.

Ольга Вадимовна отобрала у мужа книгу и бросила её на журнальный столик.

– Меня, что, одну волнует судьба дочери? – Задержала сердитый взгляд на его лице. – Если хочешь знать, доченька, мы терпели Стасова только потому, что он выполнял обе-

щанное. Приводил тебя домой вовремя, прямо телохранитель, – хмыкнула она. – К нашей радости не мешал учебе. Виделись вы один, два раза в неделю. Видимо, в другие вечера он занимался бандитскими разборками.

Глаза Саши налились слезами.

– Ваня работал.

– Ага, в какой-нибудь уличной банде.

– Мама, не оскорбляй его! Ты ничего не понимаешь!

– Понимаю больше, чем ты думаешь! Он шпана, шпаной и останется. Мы с папой думали: ну год, ну два и наша девочка одумается. А у тебя совсем крыша поехала. Замуж собралась. За кого? Обязательно посети его родственников. Познакомься с будущей свекровью. Посмотри в рожу свекра. У Ивана испорченные гены. От таких, как Стасов, нельзя рожать детей!

– Не смей, не смей так говорить! – Саша испытывала ужас и непереносимое унижение.

– А почему? Говорю правду. Я долго терпела и слушала твоего папочку... Нельзя травмировать доченьку. Вдруг у неё высокие чувства? – язвительно, голосом мужа, произнесла Ольга Вадимовна и посмотрела на него. – Чтобы ещё раз тебя послушала! Видишь, до чего дошло?

Сергей Данилович болезненно сморщился.

– Оля, прекрати.

– А что? Только представь, как семья Стасовых будет общаться с нашими друзьями. Мы с твоим добрым папой ста-

нем изгоями. Пойми, не зря раньше говорили, руби дерево по себе. А ты рубишь не дерево, а стоишь возле трухлявого пенька. Слишком долго нянчились с тобой. Девочка влюблена, – противным голосом, перекирвя мужа, просюсюкала Ольга Вадимовна и снова покосилась на супруга, – нужно дать ей время. Со временем всё поймет. – Она повысила голос и заговорила нормально: – Не поняла. Так вот слушай. Больше никто с тобой миндальничать не будет. Будешь поступать туда, где я скажу и в том городе, какой укажу. Сделаешь по-своему. Ради Бога! Только тогда на нашу помощь не надейся. Будешь учиться, жить и одеваться сама, как сможешь. А ты ничего не можешь! Привыкла всё получать на блюдечке. Вот и оценишь: сколько родители тратят на тебя и как это зарабатывается.

– Я хотела поступать на очное отделение, – растерянно проронила Саша. – Не могу работать и учиться.

– А не всё должно быть так, как хочешь ты. Тебя же не интересует наше мнение? Твою головку, забитую чем попало, не посетила мысль, что родители старше и мудрее. Плохого не посоветуют.

– Не могу быть бухгалтером. Ненавижу возиться с бумагами, – взбунтовалась Саша.

– Я своё слово сказала, а ты думай. И не забудь познакомиться с будущими родственничками заранее – это охладит твой пыл. Думаешь, я не была молодой и не помню, как играют гормоны в твоём возрасте?

Александра побледнела от издевательского тона родительницы.

– Мама, пожалуйста, не говори пошлости.

Отец промолчал. Дочь посмотрела на его опущенную голову. Значит они заодно.

Саша ушла в свою комнату.

«Родители поставили ультиматум. Нужно все обдумать».

Она вздохнула и переменяла позу. Стало прохладно. В парке поднялся лёгкий ветер, погнал по дорожкам песок и листья.

– Не вешай нос, а то твои ямочки спрячутся. Смотри, какая ты, когда улыбаешься. – Художник протянул рисунок, снятый с мольберта.

На лавочке, чуть приподняв лицо к небу, сидела девушка. На неё сыпались желтые, оранжевые, красные осенние листья. Они лежали вокруг скамьи, находились в полете. На не прорисованной ещё картине, чувствовалось, что воздух свеж и прозрачен. Незнакомка улыбалась лукавой улыбкой лесной нимфы. Ямочки на щеках оживляли её задумчивое лицо. От рисунка было трудно оторвать взгляд.

– Ты польстил мне, – вздохнула Саша. – У меня нет и сотой доли обаяния этой девушки.

– Ошибаешься. Ты такая и есть, когда улыбаешься, – возразил парень. – Алекс, ты не помнишь меня?

– Нет, разве мы знакомы?

– Да. Просто давно не виделись. Я узнал тебя по твоим ямочкам на щеках и глазам. Вспоминай... художественная школа... Никита Игнатов.

– Ники!

– Точно. Ты звала меня так. Я живу на другом конце города. Сюда приехал рисовать. Когда увидел тебя в первый раз после стольких лет – обалдел. А ты меня не вспомнила!

– Очень сложно угадать в высоком черноволосом парне, белокурого ангелочка Ники, – улыбнулась Саша. – Где твои кудри? Почему потемнели?

– Вопрос к природе. Цвет волос изменился в седьмом классе, а кудри есть – состригаю. А почему ты бросила рисование?

– Учитель сказал, что я полная бездарность, нет смысла продолжать учебу, – с застарелой обидой в голосе произнесла она.

Никита нахмурился.

– Правда? Странно. А знаешь: ты разбила сердце маленькому мальчику, – ухмыльнулся он.

– Извини.

– Ничего. Уже излечилось. Возьми на память. Дарю девушке с солнечной улыбкой.

– Ты талант, Ники. Когда станешь известным, этот рисунок принесёт мне много денег. – Саша изобразила алчное выражение на лице. Будешь поступать в академию живописи?

– Уже поступил.

Вот так она познакомилась с Никитой во второй раз. Саша стала его музой, а он её лучшим другом. Все свои работы показывал сначала ей. Она честно говорила, если что-то не нравилось. На похвалу тоже не скупилась, восхищения не скрывала. У неё оказался безупречный вкус. Забракованные ею полотна обычно получали плохие оценки у преподавателей. Игнатов понял, если картина понравилась Кручининой – значит действительно удачная. Приезжая домой в Ремезов, мчался к своему критику с новыми рисунками.

Приближалось время сдачи экзаменов. Близилось окончание школы. Ольга Вадимовна больше не заводила разговор о выборе дочери. Она ждала. Саша понимала: вскоре предстоит принять решение. Знала, что мать не потерпит неповиновения. В доме стояла тягостная атмосфера: родительница демонстративно молчала – это было дополнительным способом воздействия на дочь. Ольга Вадимовна умела держать паузу. Даже муж не любил спорить с ней. С провинившимся членом семьи она могла не общаться неделями. Саша ещё в детстве усвоила: противиться матери только вредить себе.

Ей было шесть лет, когда она познакомилась во дворе с Юлей своей ровесницей из соседнего подъезда. Новая девочка понравилась Саше. Они стали подругами. Вместе играли, ходили в гости друг к другу. Ольга Вадимовна с месяц не обращала внимания на подругу дочери, но потом узнала о семье Юли что-то неблагоприятное и заявила:

– Эта девочка из плохой семьи, тебе не стоит общаться с ней. Достаточно Риммы и Эли с ними можешь дружить.

На следующий день Саша вышла во двор. Юля уже поджидала её. Подружки радостно встретились и вместе с другими детьми принялись играть в пятнашки. Саша не восприняла слова матери всерьёз: с Юлей было интересно. Назавтра разразился скандал. Ольга Вадимовна не пустила дочь во двор. Заперла в квартире со словами.

– Если не понимаешь слов, буду воспитывать действием. Когда осознаешь, что не стоит дружить с Юлей, выйдешь на улицу!

Саша четыре дня просидела в квартире, а на пятый день, наблюдая в окно за клоунами, развлекающими малышню на детской площадке, сломалась.

Клоунов пригласили родители Элины на день её рождения. Два забавных человека в огромных башмаках пускали большие мыльные пузыри и показывали фокусы. Сашу тоже пригласили на день рождения, но мама сказала, что она не заслуживает праздника из-за своего упрямства. Дочь подошла к ней и, запинаясь, сказала:

– Я все поняла. С Юлей больше гулять не буду.

Ольга Вадимовна обняла и расцеловала дочь, называя её умницей и красавицей. Её тут же нарядили и отвели к Элине. Именинница встретила её на пороге квартиры. Клоуны с улицы уже переместились в гостиную Снежинских и продолжили показ кукольного представления детям.

Саша радовалась: мама снова её любит. Правда, девочку немного тревожили грустные глаза Юли, когда она сообщила, что больше с ней не дружит.

Второй случай, потрясший Сашу, произошел, когда ей исполнилось десять лет. Она принесла со двора мокрого грязного котенка, выброшенного кем-то на улицу. Прижимая к себе дрожащий комочек, девочка появилась в квартире.

– Что это такое? – с особой интонацией произнесла Ольга Вадимовна.

Дочь сжалась, если мама говорила таким голосом, это означало одно: её ждало наказание.

– Мамочка, он плакал под дождем! Ему плохо одному.

– Ты хочешь иметь котенка в доме? Мы купим тебе здоровое привитое животное. А этого, будь добра, отнеси туда, где взяла! – голос матери повысился, в нем появились знакомые стальные нотки.

– Он же погибнет на улице, – пролепетала Саша, пряча котенка за спину.

– Запомни, говорю один раз! Прежде чем что-то сделать, приходи и спроси нас с папой. Ты ещё ничего не можешь и не имеешь права решать сама.

– В следующий раз я так и сделаю, а сейчас разреши мне его оставить, – умоляла девочка.

Лицо Ольги Вадимовны покраснело от негодования.

– Нет! И пусть это послужит тебе уроком. Иди и отнеси его.

– Ни за что, – заупрямилась Саша и отступила вглубь коридора.

– Посмотрим!

Мать, брезгливо взяв из рук дочери пищущего котёнка двумя пальцами за шкурку, понесла к выходу их квартиры.

Саша с плачем кинулась за ней. Ольга Вадимовна откинула крышку мусоропровода и бросила животное в распахнутый люк. Саша задохнулась от ужаса. Громкий крик прорезался у неё только через несколько секунд.

– Ему же больно!

Мать крепко сжала плечо дочери и потащила в открытую дверь квартиры.

– Знай, это твоя вина! Из-за твоего непослушания пострадал котёнок.

Ольга Вадимовна не разговаривала с дочерью две недели, общалась с ней только в крайнем случае. Саша испытывала глубокое разочарование в матери, но постепенно в том, что произошло, стала винить только себя. Не выдержав тяжелой атмосферы в семье, Сергей Данилович решил поговорить с дочерью.

– Сашенька, извинись, и мама снова станет ласковой. Ты же знаешь, мы хотим тебе только добра. Она испугалась, вдруг ты заболела бы чем-нибудь от бездомного животного. Не волнуйся котенок не погиб и живет в подвале, там много мышей. Ему на воле даже лучше.

Саша извинилась, не понимая за что. Были бурные объ-

тия и ласки. Ей купили новые игрушки. После двух недель тягостного существования, она снова почувствовала себя любимой. О котёнке постаралась забыть. Ещё за три-четыре мелких проступка её наказывали молчанием на день-два, и Саша больше не решалась и шагу ступить без маминого одобрения.

Сергею Даниловичу не нравились методы воспитания жены, но попытки осудить их наталкивались на яростный отпор. Вскоре он убедился, эти методы не так уж и плохи: в семье рос неглупый и послушный ребенок, не доставляющий хлопот. Ольга Вадимовна любила дочь и вознамерилась из мечтательной застенчивой девочки вырастить решительного человека.

Ольга Вадимовна слыла хорошей хозяйкой и умным собеседником. В их квартире по выходным собирались друзья семьи, поиграть в лото и покер. Они восхищались безупречным вкусом хозяйки, хвалили её кушанья. Обычно это были родители Риммы, Элины или сослуживцы отца с женами. Взрослые вели долгие разговоры, выпивали понемногу, общались, танцевали. Саша с подружками играла в своей комнате или во дворе на улице. Только один раз метод воспитания Ольги Вадимовны дал сбой. В седьмом классе её девочку из школы до дому проводил рослый серьёзный мальчик. Сначала он понравился женщине, и она не стала возражать против их дружбы, пока не навела справки о семье Стасовых. И тогда пришла в ужас. На семейном совете решили отпра-

вить дочь на всё лето в деревню. Ольга Вадимовна подошла к возникшей проблеме взвешенно. Она надеялась, что тринадцатилетняя Саша за лето забудет мальчишку, но произошло неожиданное. Осенью подросший и возмужавший Ваня снова появился в их дворе. Нужно было срочно принимать меры. Счастливое лицо дочери говорило само за себя. Родители поняли, их девочка серьёзно влюблена, а избранник совершенно ей не подходит. Пока размышляли, время шло. Простым запретом обойтись не получалось. Саша ничего не хотела слушать о своём друге.

Ольга Вадимовна серьёзно побеседовала с мужем, и тот впервые запретил грубо вмешиваться в отношения дочери с одноклассником.

– Ты заметила, что они редко видятся? Мальчик вынужден работать и содержать себя сам. Я тоже волнуюсь за дочь и всё узнал о его семье. Друг его папаши взял мальчишку в свою строительную бригаду подсобным рабочим. Летом Стасов снова уедет с ними на заработки. Саша останется одна. Время работает на нас: или она увлечется кем-то другим, или он. Подростки так непостоянны. Согласен с тобой, Иван не пара нашей девочке, слишком плохие гены. Это сейчас он ведет себя примерно, а что будет потом... Я поговорю с ним, как мужчина с мужчиной. Потребую, чтобы он приводил Сашку домой ровно в одиннадцать. И не дай ему бог! Сядет в тюрьму! Если ты по своей привычке будешь настаивать на разрыве их отношений, может произойти непоправи-

мое. Стасов не котёнок, в мусоропровод не выбросишь. Давай поступим по-умному. Послушай меня хоть раз в жизни.

Прошел год, другой, третий – увлечение Саши не проходило. Ольгу Вадимовну успокаивало одно: дочь по-прежнему редко виделась с Ваней, и он твёрдо соблюдал слово, данное Сергею Даниловичу. Ей не хотелось признавать, но парнишка, как добрый ангел хранил их девочку. Отношение к самому Ивану не изменилось.

Последний год учебы в школе стал самым трудным не только для Саши. Ольга Вадимовна не находила себе места. Дочь перестала слушаться. Намеривалась поступать в педагогический институт, игнорируя её планы. Самое ужасное: она собиралась учиться и жить с этим мальчишкой в одном городе. А после ещё и выйти за него замуж. Это был крах всех её надежд, связанных с дочерью. Пускать на самотек судьбу своей девочки, Ольга Вадимовна не собиралась и поставила ей ультиматум. Сергей Данилович пытался заступиться за Сашу. В ответ получил жесткую отповедь.

– Только благодаря тебе у Александры с Иваном всё зашло слишком далеко. Если бы не твоя идиотская затея, я бы давно заставила дочь оставить этого маргинала! Твои советы в отношении дочери слушать больше не намерена, и исправлю то, что ещё возможно.

Ольга Вадимовна часто задумывалась, как мог у неё волевой и целеустремленной женщины, родиться витающий в облаках, не от мира сего ребенок. Саша даже внешне не по-

ходила на родителей. Ни в матери, ни в отце не было её хрупкости и незащитности.

Первое разочарование Ольга Вадимовна испытала, наблюдая за своей дочкой на детской площадке. Двухлетняя Сашенька без борьбы и крика отдавала другим детям свои игрушки, а сама наблюдала за муравьями в траве. Вместо подвижных игр девочка могла по часу разглядывать облака на небе или любоваться цветами. Она не вступала в споры и разборки, уступая более сильным детям. Ольга Вадимовна злилась, когда видела дочь, отрешенно слушающую музыку и наблюдающую за птицами в саду. Бывая на даче, Саша возилась на клумбах, высаживая из одноразовых стаканчиков микроскопическую рассаду. В школе Саша тоже не радовала родительницу: она не участвовала в спортивных мероприятиях, увиливала от пеших походов, уклонялась от конкурсов и соревнований. Девочка обожала рисовать, делала из шелковых лент и бисера букеты цветов, шила наряды для кукол. Ольга Вадимовна терпеливо выискивала хоть один талант, который бы по её мнению пригодился дочери в жизни. Разрешила ей заниматься в художественной школе. В третьем классе у Саши неожиданно обнаружили способности к математике. Ольга Вадимовна почувствовала себя счастливой: её ожидания сбылись. Она сама, бухгалтер от бога, считала свою профессию очень важной. Саша всё-таки унаследовала её гены. В первую очередь благодаря Ольге Вадимовне семья Кручининых не испытывала денежных затруднений.

Муж начальник строй участка тоже неплохо зарабатывал, но всё же меньше, чем жена. Она посетила преподавателя рисования и поговорила с ним. Для себя сделала вывод: если у дочери и есть талант художника, то не явный. С этого момента Ольга Вадимовна решение судьбы единственного ребёнка полностью взяла в свои руки. Забрала её из художественной школы и перевела в математический класс.

«Девочка рохля и мямля, каждый может обмануть – значит нужно выковать характер. Настроить на получение профессии бухгалтера-экономиста. Тогда могу не волноваться, что Саша будет перебиваться с хлеба на воду. Мы с отцом не вечны. Вряд ли из неё выйдет хорошая жена. Как бы я не любила дочь, вижу: она ни рыба, ни мясо».

Так и пошло выковывание характера Александры.

ГЛАВА 4

Саше было невыносимо находиться дома. После школы она приходила в парк и часто заставляла там Никиту перед мольбертом. Они говорили обо всем. Иногда Ники молча рисовал, Саша наблюдала за ним или читала книгу. Так и увидел их Стасов. Она радостно вскочила ему навстречу. Иван обнял её и угрюмо взглянул на художника.

– Это ещё кто? – ревнивые нотки прозвучали в его голосе.

– Никита – будущая знаменитость, – представила она нового друга. – А это Ваня – мой парень.

Молодые люди пожали друг другу руки. Через минуту они уже обсуждали новости спорта.

Ещё одна фотография. Молодая женщина подложила подушку под спину, на минуту закрыла глаза. Образы прошлого заставляли сердце сжиматься от боли.

Заснеженная улица. Ваня стоит на тротуаре возле школы. Снег лежит его на плечах, на непокрытой голове. Глаза смотрят с затаённой улыбкой. Саша провела пальцем по глянцевої поверхности фото. Коснулась подбородка с ямочкой, провела по шраму над густой бровью.

«Я предала его. Оказалась слабой и расчетливой. Кроме себя винить некого?»

Тот день в памяти остался тяжёлым воспоминанием, долгое время отравляющим её жизнь.

Начало апреля. Стасова снова нет в школе. Его телефон молчит. Саша извелась от переживаний. На третий день отсутствия Ивана в классе, она решает отправиться к нему домой. Раньше он не забывал позвонить.

«Что же случилось?»

Саша поинтересовалась у одноклассников:

– Кто-нибудь знает, где живет Стасов?

– Быстро получила ответ:

– Ну, если ты не знаешь, где он проживает, то мы и по-давно.

Ее осенило – Никита. Вот кто должен быть в курсе. Что художник общается с Иваном, она поняла по некоторым фразам, обронённым Стасовым. Саша набрала номер телефона Игнатова.

– Привет. У меня к тебе просьба. Дай мне адрес Вани. Его нет в школе уже три дня.

В трубке раздались гудки. Она решила, произошел сбой, и абонент стал недоступен, но тут её телефон ожил.

– Послушай, с Иваном теперь порядок. А не мог позвонить, потому что телефон разбился. Тебе не стоит идти к нему домой. Стасов не хотел, чтобы ты знала, как живет его семья. Он не приглашал тебя, и ты должна уважать его желание.

– Ники, пожалуйста, скажи, что с ним?

Игнатов откашлялся и сдавленно произнёс:

– Он в больнице с сотрясением мозга и переломом ребер.

– Что? В какой больнице? Я могу хотя бы туда поехать? – стала умолять его перепуганная Саша.

– В центральной. В отделении травматологии, – нехотя сообщил Никита и пробурчал: – Стасов меня убьёт.

«Неужели все, что говорили об Иване, правда? Он в банде и снова пострадал в драке. Может, я его не знаю и Ваня на самом деле совсем другой?»

Она старалась быть хорошей девочкой, слушала маму, подруг. Ваня не хотел говорить о себе, перестала спрашивать. Приходил в школу в синяках – жалела и молчала. Не гово-

рил, где живет – не интересовалась. Всю свою небольшую жизнь, как страус прятала голову в песок. В результате, не знает человека, которого любит!

Саша решилась: «Поеду в больницу».

В приемном покое ей повезло: юная медсестра прониклась её страхом и пропустила в палату. Саша открыла дверь и робко вошла в комнату. Остро пахло лекарством. У окна лежал забинтованный мужчина, ближе к двери старичок с испитым лицом. Ещё две кровати, застеленные застиранными покрывалами, пустовали. С кровати, стоящей у стены, на неё смотрел Стасов. Он не обрадовался ей. Ногами, ставшими деревянными, Саша подошла к нему и присела на краешек постели. Стены, выкрашенные грязно-серой краской, угнетали. Лампа дневного света натужено гудела и часто моргала. Из-под тумбочки выполз таракан и скрылся под шкафом.

– Не нужно было приходить, – медленно, но чётко выговорил Иван.

– Я волновалась. Ты не появился в школе, – пролепетала Саша, напуганная его видом.

Пол-лица Стасова занимал багрово-чёрный синяк. Губы разбиты. Грудь забинтована. В палате тепло – простынь укрывала его по пояс. От жалости слезы навернулись Саше на глаза. Она погладила неповрежденную сторону лица.

– Что случилось?

– Ничего страшного. Сломана пара ребер, вот и забинтовали. Через неделю буду, как огурчик. Не переживай, – он

улыбнулся опухшими губами.

– Кто это сделал? Нужно подать на них в милицию! – возмутилась она.

Иван повернулся и охнул от боли. Глаза его потемнели. В голосе послышалась досада.

– Я разберусь сам. Не вмешивайся.

– Нельзя же все время спускать хулиганам. Я принесла тебе соки и фрукты.

Саша достала из пакета покупки и сложила их в тумбочку. Снова присела рядом. Коснулась повязки на груди.

– Очень больно?

Кожа Ивана покрылась мурашками.

– Терпимо, если не двигаться. Саш, иди домой. Никита обещал принести свой старый телефон. Я буду звонить тебе. Иди, пожалуйста, – голос его дрогнул. Он сглотнул комок в горле и сказал твёрже: – Иди.

Она вышла в коридор. У столика дежурной разговаривали две медсестры.

– К Стасову девушка пришла, а до этого только один парнишка и появлялся. Интересно, где его родители? Милиции он ничего не сказал. Объяснил, что напали неизвестные хулиганы, лиц в темноте не разглядел.

Саше словно кипяток плеснули в лицо. Оно загорелось от негодования.

«Что за родители, которым всё равно, где их сын?»

Она кашлянула. Девушки замолчали.

– Извините, мне нужно заехать к Стасову домой и кое-что передать его родителям. Но я забыла адрес, а Ваня заснул, не хочется его будить.

Медсестра открыла журнал.

– У него легко запоминающийся адрес. Улица Лесная, дом шесть, квартира двадцать шесть.

Саша вышла из больницы. Хотелось плакать, сводило скулы. Душа болела. Она решила после школы съездить к Стасовым. Пора во всём разобраться.

Ночью ей приснился кошмар.

Саша бродила по лесу и не могла выйти на дорогу. Понимала, что заблудилась. Со всех сторон раздавались звуки, она металась между деревьев, а между тем становилось всё темнее и темнее. Близилась ночь. Откуда-то издалека её позвал Иван и стал успокаивающе разговаривать с ней. Саша пошла на голос, уже показался просвет между деревьями и вдруг из темноты выступил кто-то большой и чёрный. Она взвизгнула и побежала назад в чащу. Забилась под густую ель и замерла под ней. Иголки кололи ей ноги. Но под елью было тепло, сухо и безопасно. Ваня звал ещё несколько раз. Саша не откликнулась, боясь навести на себя чудовище. Голос Стасова начал отдаляться и скоро исчез совсем. Проснулась она с ощущением непоправимой утраты. Весь день не могла прийти в себя. После школы позвонила отцу, сказала, что немного задержится в школе.

Саша исколесила полгорода в поисках улицы Лесной, и

уже отчаялась найти её, когда одна из женщин в маршрутке объяснила, как туда добраться.

– Это район Разгуляевки. Там находился большой шарикоподшипниковый завод. В этом районе давали рабочим квартиры. Завод закрылся, многие остались без работы, устроились кто где смог, – пояснила словоохотливая пожилая женщина.

Саша вышла на остановке. Здесь она не была ни разу, просто не пришлось. Даже не подозревала, до какой степени разрухи могут прийти здания без ремонта. Превращенный в развалины остов завода преобладал над этой окраиной города. Огромные цеха разбитыми окнами, как слепые, смотрели на такие же обшарпанные дома и разрушенную в ямах дорогу. В голову полезли кадры военной кинохроники. Стена, когда-то огораживающая территорию завода, осыпалась в нескольких местах. Сквозь дыры виднелся заводской двор, заросший бурьяном. Чуть в стороне от предприятия стояли штук шесть пятиэтажных домов с облупившейся краской и отвалившейся от стен штукатуркой. По улице обогнав Сашу, проковылял, а не проехал автомобиль. Из-за угла дома вылетела ватага мальчишек. «Лесная 6» увидела она табличку на здании. Двор возле дома на удивление оказался уютным. Вокруг пятиэтажки росло много высоких старых деревьев, преимущественно платанов и тополей. Под их тенью располагались качели, детская горка и песочница с грибком. За деревянным столом на лавочках сидели мужики, и пили пиво. Возле са-

мого дома на некрашенных скамейках восседали старушки. Плачевно смотрелись клумбы с чахлыми кустами роз. Волейбольная площадка с порванной сеткой и ржавый автомобиль, брошенный у подъезда, тоже не украшали двор.

Саша остановилась возле бабулек.

– Здравствуйте. Подскажите, в каком подъезде живут Стасовы?

Бабушки встрепнулись, как стая испуганных ворон, одна, видимо, самая бойкая ответила:

– В этом. А на чой они тебе? Алкаши треклятые!

– Нужно, – коротко ответила она и поблагодарила старушек: – Спасибо.

Подъезд поразил убожеством. На первом этаже резало глаза от аммиачного запаха мочи. Мусор валялся на ступеньках и лестничных площадках: окурки, пивные банки, бутылки, фантики от конфет, обрывки газет. Стены давно не красили, серая краска облупилась и висела лохмотьями. Лестничный пролет на втором этаже был почему-то закопчен, ступеньки выщерблены. Саша, зажав нос, быстро поднялась на четвертый этаж. Нажала на кнопку звонка у обычной деревянной двери в квартиру № 26. На её звонок никто не вышел. Тогда она постучала рукой, потом ногой – безрезультатно. Подождала немного и снова нажала на звонок. Дверь наконец открылась. На лестничную площадку, шатаясь, вышла совершенно пьяная женщина. Она оглядела гостью и прошипела:

– Что тебе б... надо? Головой постучи!

Оторопевшая Саша, молча, взирала на худое, грязное, отвратительно пахнущее существо, в котором с трудом угадывался женский пол. На девушку, пытаясь сфокусировать взгляд, уставились два мутных глаза. Жуткое создание запустило руку в грязные седые волосы и стало яростно чесать голову.

– Стасовы здесь живут? – выдавила из себя Саша, боясь нечаянно прикоснуться к чему-нибудь.

Женщина прекратила чесать немытую голову и перешла на тело.

– Здеся, а тебе чего надо?

– Я насчет Вани..., – тихо сказала гостья, уже понимая: глупо спрашивать, почему никто не посещает Ивана в больнице?

– Погодь! Ты его девка. Твои фотки висят у него в комнате. Вот скажи, почему он не уважает своих родителей?

Подобие женщины икнуло. На Сашу дохнуло перегаром. Существо ответило на свой вопрос.

– Обнаглел сынок. В комнату замок врезал. И младшенького тому же учит: не почитать мамку, их родившую, – она всхлипнула и размазала слёзы по лицу. – Спасибо старшенький Захарка, кровиночка моя, поучил чуток Ваньку, – женщина захихикала, видимо вспоминая это учение. – Захарушка эту дверку-то враз выбил. Дал родителям полечиться.

– Ваня не давал вам лекарство, – изумилась Саша.

– Вот и ты поняла! Нечего жмотничать. Родной мамке и

отцу денег пожалел. А кто его кормил, поил, ночей не спал? У него даже на пиво не выпросишь! Скряга! И в кого такой уродился? – женщина задумалась. На лбу собрались глубокие морщины.

Одна гримаса на её одутловатом лице сменяла другую. Она переступила с ноги на ногу. Пошатнулась. Ухватилась за дверной косяк. Беззубый рот раскрылся, хозяйка квартиры попыталась изобразить улыбку. Сашу передернуло от омерзения: жуткая ухмылка мало походила на человеческую улыбку.

Она наконец догадалась, что Иван не дал родителям денег на выпивку, старший брат выбил дверь в его комнату и забрал деньги. Вряд ли Ваня отдал их добровольно, поэтому Захар избил его.

– Слышь, девонька, у тебя не будет столыника. Дай. Здоровье надо поправить. Надеюсь, ты не жадюга, как Ванька. И это... – она прилагала все усилия, пытаясь вспомнить, – может, невестушкой будешь. А со свекровкой отношения лучше не портить. Правда, же?

Саша открыла сумку и достала из кошелька все, что у неё было, оставив только на проезд в маршрутке. Она протянула собеседнице двести рублей.

Та жадно схватила и отступила в сторону.

– Проходи. Глянь в Ванькиной комнате одежду, может ему в больничку что-то нужно. Я бы сама свезла, но болею.

Саша нерешительно перешагнула через порог.

– Зови меня тётей Светой. Да не трясись ты. Проходи.

Она направилась к мужчине, похожему на бомжа. Тот сидел на стуле, положив голову на замызганный стол. На этом предмете мебели красовалась целая батарея пустых бутылок из-под пива и водки.

– Илюха, вставай! Живем. Будущая невестушка подлечиться дала.

Услышав волшебные слова о лечении, бомж поднял голову и Саша вздрогнула. Мужчина, несмотря на беспробудную пьянку, сохранил благородные черты лица. У него оказались красивой лепки губы, густые волосы, высокий лоб, прямой нос и подбородок с ямочкой. Ваня являлся копией этого алкоголика. Бомж поднялся на ноги, и стало ясно, что он высокого роста. Мужчина молча забрал деньги у жены. Шатаясь, побрел к выходу.

Саша оглядела квартиру. Почерневшие обои в мутных потеках делали помещение тёмным. Серые от пыли занавески на окнах не помнили стирки. Два засаленных дивана и стол с бутылками довершали обстановку. На полу лежал ковер, ставший от грязи непонятного цвета. Всюду валялись заплесневелые остатки еды, окурки и осколки разбитого стекла. Заметив потрясённый взгляд гостьи, женщина попыталась оправдаться:

– Никто не помогает, а я одна не успеваю.

Они стояли в большой комнате, две двери, видимо, вели в следующие.

– Иди сюда, – позвала её тётя Света, показывая на дверной проем. Сама дверь висела на одной петле.

«Господи, как он живет здесь с этими вечно пьяными людьми?» – ужаснулась Саша.

Её мутило от застарелого запаха вони. Она вошла в комнату Ивана. Даже разоренное помещение выглядело чистым и опрятным. На окне висела белоснежная тюлевая занавеска. Две узкие кровати, заправленные по-солдатски, стояли вдоль стен. У окна большой письменный стол. В углу компьютерный на нем лежал разбитый ноутбук. Широкий трёхстворчатый шкаф открыт, часть вещей вывалена на пол. Все ящички столов и шкафа выдвинуты.

«Деньги искали, – поняла она. – Вот почему он всё время работал. Кто ещё жил в этой комнате?»

– Тут две кровати...

– Младшенького Ромки. Ванька и его против родителей настроил, – пожаловалась тетя Света. Только Захар, – в её голосе послышалось тёплые горделивые нотки, – не даст папку с мамкой в обиду.

– Ваню он избил? – уточнила Саша.

– Так уж и избил... Поучил маленько, – её голос стал визгливым, а взгляд недобрый.

– Немного, – возмутилась гостья. – Перелом рёбер, сотрясение мозга, ушибы – это, по-вашему, поучил немного. – Она чувствовала к этой опустившейся мамаше такую сильную ненависть, что она, словно кислота, обжигала горло. –

Вам не жалко своего сына?

Женщина ощутила эту ненависть, отступила от Саши и зло прошипела:

– Бери, что надо и вали отсюда! Умная нашлась. Родители, небось, начальнички? А нас работяг в нищету толкнули. Илюха передовым считался, а когда завод закрыли, полторы тыщи человек на улицу выбросили. Где такие, как ты, были? Осуждает она! А ты поживи, как мы, тогда поглядим, во что превратишься!

Она напирала на Сашу, дыша перегаром. Гостью замутило от запаха немытого тела и гнилостной вони изо рта женщины. Саша отступила и быстро оглядела вещи. Положила в пакет футболку, спортивные брюки, носки, чуть покраснев, добавила пару выглаженных трусов. На подоконнике заметила свою фотографию. Улыбка тронула губы.

– Мать! – послышался чей-то грубый прокуренный голос.

– Тут я, – с готовностью ответила женщина.

– Мать, трубы горят, дай чего-нибудь!

– Сейчас, сынок, батя в магазин пошёл, – она облизнула синие губы.

Раздался грохот, будто что-то упало. Послышался отборный мат. В большую комнату из коридора ввалился мужчина, одетый только в спортивные штаны. Его грудь и руки покрывали татуировки. Он отдаленно походил на мать. Крупная голова, большой нос, квадратная челюсть и близко посаженные маленькие глазки, которые сейчас с любопытством

рассматривали незнакомую девушку.

Саша не знала, как поступить. Очень хотелось покинуть ужасную квартиру, но незнакомец стоял на пути.

– Мать, почему не предупредила, что у нас гости? – улыб-ка, похожая на оскал зверя появилась на его лице.

– Я уже ухожу.

Скрыть страх не удалось, голос Саши испуганно дрогнул. Она по стеночке двинулась к выходу.

Мужчина чуть переместился в сторону и перекрыл выход из зала.

– Стоять! От Захара без разрешения ещё никто не уходил!

– Пожалуйста, пропустите меня, – попросила Саша. Она уже поняла, что этот урод избил Ивана. Ненависть и злость душили её так, что было больно дышать.

– Уйдёшь, когда я скажу. Кто такая?

– Девушка Ваньки, – вставила тётя Света, подобострастно глядя на сына.

– Гляди-ка, наш пострел везде поспел, – присвистнул Захар. – Чего явилась?

Саша замялась. Сердце жалко трепыхалось. Она зажмурила глаза и выпалила:

– Посмотреть в глаза тому, кто его избил!

– Посмотрела? Да я поучил мальчика, как надо уважать старшего брата и родителей. Этот скунс зажал деньги, хотя просили его по-хорошему.

– Вы просили деньги у школьника! Сами зарабатывать не

пробовали.

– Ты гляди, мать, и эту надо учить! Обнаглела молодежь, совсем старших не уважает!

Он двинулся к ней. Саша попыталась проскочить в коридор. Захар схватил за плечо и толкнул в сторону дивана. Саша, не долетев до этого спального места, ударилась головой о ножку стола. Сквозь боль и звон в ушах услышала мерзкое хихиканье тёти Светы. Девушку охватил панический ужас, парализовавший тело. С трудом приподнявшись на колени, она потрогала висок. Рука окрасилась кровью.

– Поумнела или ещё добавить?

Сашу за всю её небольшую жизнь ни разу никто не ударил. Теперь ощущая беспомощность, просто не соображала, что делать. Мужчина присел перед ней на корточки и протянул руку к её лицу.

– Язык проглотила?

Саша отшатнулась.

– Захар, оставь её в покое! – крикнул вернувшийся домой отец Ивана.

– А то, что? – угрожающе произнёс сын.

– Снова в тюрьму хочешь? Это тебе не Ваньку безнаказанно лупить! За девчонку сядешь и надолго!

Илья Петрович достал из сумки три бутылки без этикетки.

– Опять технический спирт припёр. Сдохнем же, – сказала жена, однако взяла стакан и протянула руку к бутылке.

Захар нехотя поднялся, присел к столу. Саша взяла пакет с сумкой и побрела из комнаты. На пороге остановилась и посмотрела на дружную семейку. Три подобия человека в отвратительных условиях уселись пить ядовитую жидкость. Волосы встали дыбом от этой сюрреалистической картины.

Саша долго шла по улице пешком, пытаясь отойти от увиденного кошмара. Набрала номер Никиты.

– Я ездила к Ване домой.

В трубке стояла тишина. Только через минуту раздался голос Игнатова.

– Не надо было туда ходить. Иван не хотел, чтобы ты узнала, в каких условиях он живет. Саша, зачем ты сделала это?

– Ники! Ты даже не представляешь, что это за люди? У меня вещи Ивана можешь передать ему? Я сожалею, что поехала к Стасовым.

– Он не желал твоего знакомства с ними.

– Они чудовища! Никита, может, Ване нужны лекарства?

– Иван хранил деньги у своего бригадира Егора Климовича. Так что я купил нужные ему медикаменты. Давай встретимся в центре, я заберу вещи.

Саша сидела на лавочке, ожидая Игнатова. Она причесалась, носовым платком вытерла кровь. Половина лица опухла, на виске красовался синий кровоподтек.

– Кто это сделал?

Никита встревожено разглядывал Сашу.

– Захар. Старший брат Вани – полный псих.

Никита откинул волосы Саши со лба. Внимательно осмотрел ушиб. Он почувствовал гнев и ненависть к мужчине, посмевавшему поднять руку на эту хрупкую девушку.

– Ещё что-нибудь пострадало?

– Нет. Только моя гордость. Отец Вани остановил его.

– Хорошо. Тебе лучше пока не ходить в больницу – это доконает Ивана.

При виде дочери, вернувшейся домой, Ольга Вадимовна прервала молчание.

– Объяснись, что произошло?

Сергей Данилович оказался менее выдержанным. Он кинулся к Саше, нервно ощупал опухшую щеку.

– Что случилось?

– Выходила из маршрутки и зацепилась каблуком. Ударилась о железный угол остановки, – соврала Саша.

– Больше нигде не болит? Может на рентген в больницу? – заволновался отец.

Мать окинула дочь презрительным взглядом.

– Как ты собираешься учиться и работать, если не можешь нормально выйти из машины?

Саша с трудом сдерживала слезы.

– У меня болит голова. Пойду прилягу.

Но сначала отправилась в ванную и долго пыталась смыть с себя ощущение липкой грязи и запаха, пропитавшего кожу. Она тёрла и тёрла мочалкой тело, но грязь будто проникла сквозь поры. Горячая вода сделала своё дело, наконец,

ей стало легче. Мягкая махровая простыня пахла ромашкой, закутавшись в неё с головой, Саша легла на кровать.

– Между прочим, только шесть часов вечера, а ты уже валяешься в постели. Нам нужно поговорить. Я хочу знать, что ты решила?

Саша подняла голову. На пороге комнаты стояла мать.

– Мама, оставь меня сегодня в покое! – простонала Саша.

Следом за женой в комнату дочери зашёл отец.

– Оленька, пойдём. Не трогай её.

Он крепко взял супругу за плечи и подтолкнул к выходу.

У Саши перед глазами стояло разъяренное лицо Захара и гнусная ухмылка тёти Светы. Всю жизнь она сторонилась конфликтов и неловких ситуаций. Даже представить не могла, что попадет в такую ситуацию. Будучи ребенком, не жалея отдавала игрушки, не желала драться. Подрастая, видела, как безобразно выглядят любые разборки подростков, особенно девочек, решила: никогда не будет участвовать в них. Всей душой ненавидела скандалы. Дома не удавалось избежать ссор с властной матерью и это всегда угнетающе действовало на неё. В школе же не допускала столкновений. Она просто не могла оскорбить кого-либо, а всяких сплетен и пересудов не любила. К восьмому классу у тоненькой Саши неожиданно сформировалась очень женственная фигура. Грудь была даже великовата. На уроке физкультуры девушка отметила, как некрасиво прыгают груди её одноклассниц

при беге и как при этом от напряжения искажаются черты лица. Она получала двойки, но бегать отказалась наотрез. Саша не объясняла причины отказа даже подругам. Иван тоже не понимал, почему она с удовольствием ходит по бревну, но упрямитесь пройти гусиным шагом или перепрыгнуть через козла. Ему даже в голову не приходило, что подруга считает это неэстетичным. Так она и дожила до семнадцати лет, ни разу не столкнувшись с тёмной стороной жизни. Побывав в семье Стасовых, Саша испытала шок. Сейчас лежа в своей уютной чистой спальне, внезапно осознала: работать и одновременно учиться не сможет. Не готова жить на дешевой съёмной квартире, питаться, чем попало, а главное, ничего не умеет делать. Страх перед трудностями захватил её душу в плен.

ГЛАВА 5

Первое детское воспоминание: Ване четыре года, он объелся конфет, и весь день первого января его тошнило. Добрые родители купили на Новый год детям конфеты. Голодный мальчик съел почти килограмм, старший брат отдал ему и свою долю. Захар уже тогда начал пить на равных с родителями. Двенадцатилетний мальчишка быстро научился воровать и всегда добавлял свои деньги в общую пьянку. В четырнадцать Захар вместе с друзьями ограбил продуктовые ларьки в заводском районе. Получил условное наказание. Но

уже в пятнадцать сел в тюрьму для малолеток. Его банда обокрала магазин и убила сторожа. Ивану исполнилось восемь лет, когда старший брат надолго исчез из его жизни. Захар замечал младшего брата, только когда надо было что-то сделать или послать в ларек за бутылкой. Тычки, подзатыльники мальчик получал одинаково и от матери, и от брата. Иногда отец защищал его и не позволял Захару устраивать в доме дедовщину. Сколько Иван помнил себя, он был вечно голоден и напуган. Со временем научился прятаться от злой с похмелья матери и неуравновешенного истеричного брата. В школу начал ходить только в восемь лет, после того, как в семью пришла комиссия. Родителей предупредили, если не изменят образ жизни, то Ваню отправят в детский дом. Услышав это, мальчик обрадовался, всё лучше, чем дома. Осенью он отправился в школу рядом с заводским районом. Почти полгода родители продержались без выпивки, но весной Захара посадили в тюрьму, и всё началось снова. Трезвыми отца с матерью Иван больше не видел. Илья Петрович с собутыльниками сдавал металлолом, воруя его под носом охранников, оставшихся на разрушенном предприятии. Мать ходила на оптовые склады перебирать овощи. Их трудовой день обычно длился до двух часов дня, а потом начиналась гулянка. В их большой трёхкомнатной квартире собиралось человек по десять. Пили, разговаривали, спорили, ругались, вспоминали прошлую жизнь. Гости дрались, доказывая правоту кулаками. Ваня научился улавливать мо-

мент, когда взрослые уже выпили, подобрили, но ещё не стали агрессивными. Он выходил в зал, садился к столу и пытался поесть, пока не прогоняли. Иногда ему везло, попадался сердобольный человек, он совал ребенку в руки колбасу, хлеб, консервы. Мальчик относил еду в комнату, в которой раньше жил с братом. Как сорока прятал продукты в шкаф, сумел сделать запас круп и консервов. Быстро научился обслуживать себя сам: стирал школьную форму, гладил бельё, готовил суп и кашу в крохотной кастрюльке. Привык не обращать внимания на шум и крики, когда делал уроки. Он научился выживать. Чтобы не мешали пьяные гости, уговорил отца вставить замок в дверь его комнаты. Остатками разума, не замутненного водкой, Илья Петрович понял сына и запретил собутыльникам заходить в комнату ребёнка. Теперь Ваня чувствовал себя в безопасности. В третьем классе мальчик, не имея телевизора, увлёкся чтением. Он мысленно уносился от жестокой действительности в волшебные миры Беляева и был счастлив там. Мечтал о других родителях и брате, пока не понял, как несбыточны эти мечты. Тогда же он, рано увидевший всю изнанку жизни и разучившийся удивляться, был потрясён. Мать родила малыша и оставила его у сестры. Так Ваня узнал, что на свет появился Стасов Роман. Родная сестра матери Екатерина жила с мужем-инвалидом в поселке за городом. Они не имели детей и приняли ребенка, ненужного родной матери, в свою семью. Иван изредка приезжал к тётке поиграть с братом и испытывал

восторг и нежность к малышу. Тётя Катя не привечала племянника, он сильно походил на отца, которого она винила во всём. Женщина забыла, что сестра, работая продавцом в заводском буфете, начала пить раньше мужа. Ваня привык полагаться только на себя. С третьего класса он начал подрабатывать на мойке машин. Вещи покупал в секонд-хенде и старался не выделяться среди ровесников. Это не всегда удавалось. В школе многие знали его семью и зло подшучивали. Дети из нормальных семей с ним не дружили, общался он только с Кирюхой, сыном таких же, как и его родители, алкашей. Киря был недалеким, забитым мальчишкой, Ваня с ним безумно скучал. Их не приглашали на дни рождения, ими откровенно пренебрегали и учителя, и одноклассники. Иван болезненно воспринимал это отчуждение.

На весенних каникулах класс поехал в Пятигорск на экскурсию. Он и Кирюха остались дома. Оказалось, некому заплатить за поездку. И так получалось всегда, ни в поход, ни в цирк, ни на концерт мальчишки не ходили. На баловство (так говорила мать) деньги не находились.

«А на бутылку есть всегда!» – злился Иван.

Как-то он долго сидел на лавочке во дворе. Домой идти не хотелось. Тихий, тёплый вечер опускался на землю. Ваня заканчивал пятый класс, для своих двенадцати лет выглядел крупным, рослым мальчиком. Настроение у него было отвратительным. На скамью присел дед Клим из соседнего подъезда.

– Чего хмуришься в такой хороший вечер? – поинтересовался старик.

– А чему радоваться!

Подросток рассказал о своей обиде на родителей.

Дед выкурил папиросу. Затухил окурок.

– Да, парень... Родителей не переделать, тут ты ничего не поделаешь. А вот свою жизнь можешь!

– Как! – зло сказал мальчик. – Что я могу?

– Многое. У тебя есть руки, ноги, голова на месте, здоровье и сила – уже немало. Ты ведь редко болеешь? Я прав?

Ваня кивнул.

– Есть здоровье, сможешь работать и учиться. Своими руками построишь своё будущее. Мнение о себе и твоей семье трудно переломить. Лучше перевестись в другую школу, начать с чистого листа, там, где о тебе никто ничего не знает. Я попрошу сына взять в свою бригаду подсобником. Учти, работать придется всерьёз, а потом вечером учить уроки. Выдержишь? А ещё каждое лето уезжать с ними на шашку. Зато будешь одет, обут и сыт. Тебе нужно окончить школу, тогда сможешь получить профессию и уйти от родителей. А пока учись с ними сосуществовать. Создай свой уголок, а всё остальное отбрасывай.

– Уже, – хмыкнул подросток.

– Что уже?

– Создал свой уголок.

– Молодец. Уговори отца отнести документы в школу по-

дальше отсюда. Лучше сделать это в июне. В шестой класс пойдешь в новую школу. Считай, тебе повезло.

Иван удивился:

– Мне повезло?

Дед Клим кивнул.

– С такой жизнью тебе ничего не страшно. Ты не сломаешься, как отец. А он передовик был, золотые руки, лучший мастер. Хорошая зарплата, квартиру дали. Почет и уважение. И что? Завод закрыли. Куда всё делось? Сломался человек. Не все же спились. Нашли другую работу. Борются. А он предпочёл топить горе в бутылке и ныть о прошлых заслугах. Слабак, тьфу!

Старик презрительно сплюнул.

– Никак Илья не поймёт: уважали работника, а алкоголика уважать не за что. И мамка твоя не выдержала испытания. Ей всего тридцать три, а выглядит старухой. Правда Ольга попить ещё в буфете начала, думаю, это она подсобила Илюхе с пьянкой.

С этого разговора с дедом Климом и начались перемены в жизни Ивана.

Егор Климович взял мальчишку в свою бригаду, несмотря на возражения других работников. По-настоящему Ваня стал работать в тринадцать лет. Первые дни валился с ног от усталости. Но потом окреп, втянулся, за лето заработал денег. В свою комнату приобрел шкаф, кровать, стол и маленький холодильник. Поймать отца трезвым, удалось толь-

ко в конце июля. Иван уговорил его отнести документы в выбранную им школу с математическим уклоном. Илья Петрович впервые за полгода выкупался, надел приготовленную сыном одежду и отправился к директору школы.

В шестой класс Ваня пришёл в новой одежде, заработанной им самим. Сердце гулко стучало, но он не показывал своего волнения. Учиться и работать до семи вечера оказалось трудно, но оно того стоило. Никто не сторонился новенького и не шептал в след: «Сын алкашей».

В седьмом классе к нему пришла первая любовь. Он перестал нормально спать ночами. Нежная девочка с ямочками на щеках, чудесными серо-зелеными глазами покорила его. Иван не надеялся, что она обратит на него внимания, но всё же рискнул – положил в её портфель валентинку. На следующий день Саша улыбнулась ему. Сердце Вани, покрывшееся коркой цинизма и равнодушия, дрогнуло и забилось быстрее.

А потом он увидел неприкрытый ужас и брезгливость на лице одноклассницы. Самсон Долидян узнал в новеньком, парнишку, работавшего у них на даче летом с бригадой взрослых мужиков. Самсон неосторожно пошутил:

– Тебя выгнали из бригады или пропил с алкашами все деньги?

Стасов угрюмо посмотрел и велел сынку торгашей заткнуться. Долидян вскипел, как чайник, и предложил новенькому разобраться на улице. Самсон обожал разборки и

всегда побеждал в драках.

За школой Иван попросил его придержать язык. Не отвечая, Долидян попытался ударить нахального парня. Удар пришёлся по карману, в котором лежал телефон, тот разлетелся вдребезги. Стасов от досады грязно выругался. Самсон повторил попытку. Удар прошел мимо. Через минуту Долидян растерянно прижимал к расквашенному носу платок. Ваня поднял голову и увидел потрясённую Сашу и толпу вокруг. Брезгливость на лице девочки больно ранила его и он поклялся: «Больше никогда не допустит, чтобы она так смотрела на него».

Целых два месяца Кручинина избегала Ивана. Эти дни стали для него уроком. Он понял, одноклассница никогда не примет его таким, какой он есть: мальчик из плохой семьи. Ночами ему снилась улыбка Саши, а сердце разрывалось от обиды и боли.

«Неужели я могу дружить только с дворовыми девочками, пьющими в подворотне и прошедшими огонь и воду».

Он поджидал Кручинину у школы каждый день, пытаясь застать одну, без подруг. Однажды это удалось, и они поговорили. Иван стал провожать её домой, а потом всю дорогу до остановки маршрутного такси бежал, боясь опоздать на работу. После седьмого класса их бригада осталась без летней шабашки. Ваня все каникулы проработал на поле у арендаторов вместе с другими мужчинами. В этом была своя польза, на деревенских продуктах он окреп и дочерна заго-

рел на солнце.

В восьмом классе Иван впервые осмелился и поцеловал Сашу. Он с большим трудом заставлял себя отрываться от своей принцессы, с ней не хотелось расставаться. Тогда же в восьмом классе Иван познакомился с отцом Саши. Ваня вышел из маршрутки и направился к своему дому. Из белой «Ауди», стоящей на обочине, вышел мужчина и окликнул его.

– Стасов?

– Да, – ответил удивлённый Ваня. Он узнал отца Саши, потому что украдкой наблюдал за ней и видел её родителей.

– Садись в машину. Поговорим.

Иван подчинился и сел на переднее сиденье.

– Вот что, парень, дочь у меня одна, и я очень люблю её. Поэтому говорю прямо. Если хоть малейший вред нанесешь девочке, откручу голову. Ты понял меня?

– Да. Не волнуйтесь, я никогда ничего плохого не сделаю.

– Я говорил с твоим бригадиром. Он хвалил тебя. Ты третий калач. А Сашка не знает жизни. Она как оранжерейный цветок, к тому же ещё наивна и всему верит. Обещай, как отцу, что с моей дочкой всё будет в порядке!

– Обещаю, – твёрдо произнёс Иван. Он не обиделся на Сергея Даниловича. Будь он взрослым человеком, не разрешил бы своей дочери общаться с кем-то из семейки алкоголиков.

– И чтоб в одиннадцать Сашка являлась домой. В целост-

ности и сохранности.

Иван кивнул.

– Ясно.

– Смотри, не подведи меня.

Мужчина протянул руку. Иван крепко пожал её.

«Не белоручка, вся ладонь в мозолях, – подумал Сергей Данилович. – Надеюсь, я правильно поступаю».

Стасов свято соблюдал слово, данное отцу Саши. Труднее приходилось с ней самой. Иногда девушка не хотела возвращаться домой рано, приходилось идти на уловки. Осенью бригада вернулась в город. Снова после школы он мчался на стройку. Иван уже многое умел. В будущем собирался поступать в Политехнический институт на строительный факультет. Ему нравилось ощущение своей полезности, нравился сам процесс возведение дома. С гордостью смотрел на «свои» квартиры, в которых зажигались окна и жили люди.

С Сашей он мог говорить обо всём. Единственное табу – его семья. Иван не представлял своей жизни без Саши. Она выросла на его глазах, превращаясь из красивой девочки в обворожительную девушку. Женственная, мягкая, уступчивая одноклассница смотрела на мир слишком доверчиво. В начале учебы в одиннадцатом классе тётя Катя изредка стала оставлять с Иваном шестилетнего Ромку. Дядя попал в больницу, и ей приходилось ухаживать за ним. Ваня приобрел кровать для младшего брата. В строгой комнате появились детские игрушки. В ноябре из тюрьмы вышел Захар,

ему исполнилось двадцать пять лет, но выглядел он намного старше. С первого дня пребывания дома Захар попытался установить тюремные порядки. Жизнь Ивана стала невыносимой. Если родители, пившие долгие годы, постепенно превратились в тихих алкоголиков, то брат сразу привнёс в их пьяное болото дух скандала и раздора. Между Захаром и отцом всё чаще вспыхивали ссоры и драки. Ваня не чаял, когда окончит школу и уйдёт в армию. В тот злополучный день он застал родителей и брата, взламывающих дверь в его комнату. Иван возмутился. Не ожидая нападения, спокойно повернулся к Захару спиной и получил сильный удар по голове. Очнулся от дикой боли. С трудом смог вдохнуть и подняться на ноги.

«Сломаны ребра и сотрясение мозга», – понял Иван. Точно так же он чувствовал себя после нападения на него два года назад банды подростков.

Иван покачнулся, и его вырвало кровью. Голова кружилась. Он огляделся вокруг. Родители спали на диване, Захара поблизости не наблюдалось. Ваня сумел добраться до квартиры деда Клима и потерял сознание. Старик вызвал «Скорую».

Очнувшись в больнице, Стасов позвонил Никите. После знакомства в парке парни подружились.

– Никита, привези футболку, брюки и полотенце.

Игнатов вернулся быстро.

– Все спали. Мне повезло, входная дверь оказалась не за-

перта. Тебя искала Саша. Я привёз телефон. Позвони ей.

– Позже. Не хочу, чтобы она видела меня в таком виде.

– Как знаешь. Может, расскажешь. Она поймёт.

– Нет, – сдавленно произнес Иван. Он не хотел снова увидеть презрение в её глазах.

Весь день у него ныло сердце. На душе камнем лежала тяжесть. Ваня маялся, не понимая причины своей тревоги. Он задремал после обеда, а когда открыл глаза, на пороге больничной палаты увидел Сашу.

– Не нужно было приходить.

На её лице чувство жалости, сменилось страхом. Ощущение надвигающейся катастрофы усилилось. Иван не понимал, что с ним. Они поговорили. Иван немного успокоился и смог порадоваться её присутствию. Саша отправилась домой.

На следующий день, ближе к вечеру, в больницу пришёл хмурый Никита.

– Ты зря скрывал правду о своей семье. Смог бы подготовить Сашку. Она ездила к твоим родителям.

Это являлось ему в кошмарах, этого он всегда боялся. Теперь Саша знает, кто его родители и каким он может стать, по мнению сердобольных соседей и старушек. Парень с дурными наклонностями.

– Ваня, ты слышишь меня? – забеспокоился Игнатов. – Может, зря волнуешься? Она умная девочка, знает тебя много лет. Ты – это ты. Никто не выбирает родителей.

– Спасибо, Никита. Теперь решать Саше, общаться со мной или нет.

Он отключил дешёвый телефон, принесённый ему Игнатовым.

ГЛАВА 6

Глубокой ночью Саша встала выпить воды, пересохло горло. Проходя мимо приоткрытой спальни родителей, услышала голос матери.

– Осталось полтора месяца до окончания школы. Если дочь не примет решения, ей придется пожинать плоды своего упрямства.

– Неужели ты и, правда, заставишь Александру работать и учиться? – полюбопытствовал отец. – Как далеко ты намерена зайти?

– Достаточно далеко, чтобы избавиться от этого мальчишки. Она не понимает, в какую яму может упасть. Кто, как не родители, должны остановить её.

– Оля, а не слишком ты строга к Ивану? За четыре года он доказал, что держит слово.

– Это сейчас, а когда женится и ему стукнет лет тридцать, ручаешься, что он не запьет горькую, как его папаша и мамаша? А внуки? Ты хочешь больных внуков? Склонность к пьянству передается по наследству. Где гарантия, что родители не зачали его в алкогольном угаре? Он прямо околдовал

нашу девочку. Вдали от него Сашка быстрее забудет Стасова. И если ей придется для этого работать – пусть – быстрее одумается. Хорошо, что он уходит в армию осенью. Ты лично представляешь его родителей в нашем доме?

Ответ отца Саша не услышала. Мать продолжила:

– А этот брат уголовник, ты его тоже пригласишь к столу или на дачу? Представишь нашим друзьям? Неужели Александра не понимает: ей придется с ними сталкиваться, даже если они будут жить отдельно.

– И всё-таки ты сильно давишь на дочь!

– Нет. Я хочу ей счастья, нормального мужа и здоровых детей.

Саша на цыпочках прошла на кухню. Выпила воды и задумалась.

«Кем я смогу работать, учась заочно и снимая квартиру в чужом городе? Официанткой, уборщицей, секретаршей. Я же никогда в своей жизни не работала».

Стало страшно. Паника охватила её.

Ещё одна фотография. Римма сняла её с Иваном на свой телефон. Саша увидела это фото случайно. Она пришла в гости к Петровой, не находя себе места от беспокойства, пытается принять окончательное решение. Увидев её, Римма спрята- тала стопку фотокарточек в ящик. Один из снимков упал на

пол. Александра с удивлением узнала на фото себя и Ваню. Они сидели на скамейке в школьном сквере. Это было два дня назад.

Иван вышел из больницы через три недели и появился в классе. В его глазах Саша видела вопрос или ей казалось, что видит. Поговорить они смогли только на следующий день после школы. Стасов ждал её на улице.

– Как твоё здоровье? – Саша осторожно коснулась его и тут же отдернула руку.

– Нормально, – усмехнулся он.

Оба чувствовали себя неловко. Она не могла забыть, в какой жуткой обстановке он вынужден жить. Всё время думала: «Как он выдерживает это?»

Ивану казалось, что Саша стала чужой и теперь стесняется и презирает его вместе с родителями.

– Тебе починили дверь в комнату?

– Не волнуйся, всё в порядке. Новую дверь не выбьют. Замок тоже заменил.

Саша еле сдерживалась, чтобы не заплакать от жалости к нему, кусала губы, не умея объяснить своё состояние. А Стасов видел: она не желает дотрагиваться до него.

«Я стал ей противен!»

Тягостное молчание повисло между ними. Саша хотела, чтобы Иван обнял, поцеловал, и они вместе решили, что делать дальше. Зная, что он не переносит жалости, крепилась, как могла. Стасов угрюмо молчал и не сделал ни одной по-

пытки дотронуться до неё.

«Он сердится! Я не послушалась и пошла к его родителям».

«Саша не сможет забыть! Может, дать ей время...»

Так они и расстались, не сумев понять друг друга. Каждый унёс в своём сердце невысказанные слова любви и утешения, оставляя в душе боль и непонимание. Иван первым поднялся со скамьи в школьном дворе.

– Меня ждут на работе. Я и так потерял три недели и чуть не подвёл бригаду.

И не дожидаясь её ответа, ушёл. Саша долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Вот тогда Римма и сфотографировала их. Зачем? И почему прятала фото? Это была последняя фотография в школьном альбоме. Этот снимок она забрала у Петровой. Подруга сказала:

– Можешь взять, я случайно сфоткала вас.

Только теперь спустя тринадцать лет Саша задумалась и вспомнила: у Риммы было много фотографий Ивана. На снимках, конечно, он не один, с Сашей, или с одноклассниками.

«Какая же я невнимательная, подружка-то равнодушна к Ивану! Что ещё я не замечала?»

Саша встала с кровати, закрыла альбом. За окном тёмная безлунная ночь постепенно уступала место серым предрасветным сумеркам. Она смотрела в окно на крепко спящий

город. Прошлое теснилось перед её глазами, и сейчас оно виделось ярче настоящего.

Стена непонимания ширилась между ними. Май пролетел быстро. Поговорить откровенно они так и не решились. Потом начались экзамены. Объясниться всё не находилось времени, или казалось, что не находится. Саша ловила себя на мысли: «Я не готова принять Ивана таким, какой он на самом деле». Сомнение поселилось в её душе.

На выпускном вечере они всё же были вместе. Почти не разговаривали, только держались за руки. Стасов не сводил с неё глаз. Он раньше Саши понял: она прощается с ним. Иван всегда боялся этого, но в глубине души готовился к расставанию. Он так до конца и не поверил, что его можно любить. Каждый день с этой девушкой Стасов считал подарком судьбы. Он не винил её и не злился, прощая слабость. Такие, как Саша, не выживают в его условиях, а самое главное, глубоко в душе всегда боялся разочаровать её.

«Вдруг с годами я стану, как отец, и испорчу ей жизнь. Пусть лучше мы расстанемся сейчас!»

К этим мыслям добавлялась горечь – Саша не верила в него!

После выпускного прошло три дня. Иван находился на работе. На четвёртый он получил эсэмэску:

«Прости! Я уехала поступать на отделение экономики и финансов».

Это означало – конец. Саша сдалась и уступила матери. Он думал, что готов к разрыву, оказалось, нет. Спасибо, что тем вечером остался доклеить обои в коттедже, где его бригада делала ремонт. Никто не видел слёз Стасова и его боли. Иван злился на себя за слабость, но не мог удержать противную солёную влагу, застилающую ему глаза. К утру он оклеил три комнаты, выполнив двойную норму.

Саша легко поступила на очное отделение Ростовского института экономики. Отец с матерью не разрешили ей жить в общежитии, сами нашли квартиру. Ольга Вадимовна заласкала дочь, делала подарки, говорила не умолкая. Родители светились от счастья. Саша не поехала к тётке в Волгоград, но зато порадовала их, бросив Стасова.

Вернувшись после экзаменов в Ремезов, Саша позвонила Ивану. Телефон молчал. Ей удалось поговорить с Никитой. После взаимных приветствий тот сообщил:

– Ваня уехал с бригадой на шабашку до осени и сказал, что вы расстались.

Саша, услышав эти слова, задохнулась от возмущения:

– Ах, так! Я просто уехала поступать, а он бросил меня! Подумаешь, не очень-то мне и нужен!

Теперь, спустя много лет, она трезво оценила свои поступки.

Саша обхватила себя руками. Посмотрела на часы – четыре утра. Открыла форточку. Прохладный ветерок всколыхнул лёгкие тюлевые занавеси, и они затрепетали, как крылья

громадной птицы.

Тогда она попросту предала Стасова. Испугавшись трудностей, уступила матери. А Иван понял это и отпустил её. Не стал просить и настаивать – просто отошёл в сторону. Если бы она могла всё изменить! Жизнь наказала за предательство! Саша теперь жила, будто спала, рядом с ней всем становилось холодно.

Она подошла к шкафу, достала большой глянцевый фотоальбом розового цвета. Теперь на кровати рядом лежали два документальных свидетельства её жизни. В розовом альбоме на снимках этапы её нового существования без Стасова. Саша перевернула первую страницу. Она и Олег возле её института.

Саша познакомилась с ним в начале третьего курса. Октябрь радовал теплом и ярким солнцем. Подруги Римма и Элина устроили сюрприз на её день рождения. Девушки вывели Александру с закрытыми глазами на ступеньки института и вручили двадцать огромных воздушных шаров. Вся группа вывалила на крыльцо. Студенты хором читали пожелания на шарах, а она выпускала их в бледно-голубое небо. Саша пригласила друзей в кафе напротив учебного заведения отметить её праздник. А потом к ней подошел молодой мужчина и вручил букет белых роз. Так они и познакомились. Олег Андриади не произвёл на Сашу большого впечатления. А вот подругам он понравился. Обеспеченный, умный, видный, в общем, хороший кандидат в мужья. Они все

уши прожужжали, расписывая, как ей повезло. Олег трогательно ухаживал за ней, трижды делал предложение. Александра закончила институт. Обе её подруги, Римма и Элина, вышли замуж, родили детей. Саша начала работать в той же компании, где работала мать. Со временем окончательно поняла: работа не нравится и вряд ли когда-нибудь понравится. Ей очень хотелось всё бросить, но она боялась разрушить мечты матери и не хотела испытать на себе последствия её гнева. Когда в очередной раз Олег предложил выйти за него замуж, Саша дала согласие.

Пальцы переворачивали страницы со снимками. Пол-альбома занимали свадебные фотографии. На всех она выглядела растерянной, с натянутой улыбкой.

«Я плыла по течению, слушала всех, кто давал советы. Хотелось спокойной, сытной, обеспеченной жизни? Получила! А что счастье к этой жизни не полагалось – тут уж извините. Сама виновата. И нечего сваливать вину на подруг, мать. Не струсил бы, дала шанс Ивану и себе... Попробовала бы жить с открытыми глазами».

Как кадры в кино, перед её мысленным взором прокручивалось прошлое.

Примеря свадебное платье, Саша разглядывала отражение в зеркале, всё казалось ей не настоящим, придуманным, а она только играет роль в чужой пьесе. Ольга Вадимовна впервые была счастлива, будущий зять нравился ей: из хорошей семьи, образованный, умный, вежливый. Именно тако-

го она желала дочери. Родители, подруги, знакомые в один голос твердили: идеальная пара. Саша почти поверила в это. День свадьбы запомнился суматохой и её острым желанием почувствовать: всё в серьез, не понарошку. Она ощущала себя героиней плохого спектакля и изо всех сил старалась правдоподобнее сыграть роль невесты. Правда, кроме неё, никто не замечал неправильности происходящего. Подвыпившая Римма на ухо просвещала её, как руководить Олегом. Подруга не обращала внимания на замешательство Сашаши, то и дело срывалась на громкий шепот, давая полезные советы новобрачной. Петрова два года назад вышла замуж за владельца мебельной фабрики и считала себя светской львицей. Её не смущало, что провинциальный Ремезов не тянул на звание большого города. Элина молча, с улыбкой смотрела на подруг и ревниво следила за своим красавцем мужем.

Поток свадебных фото наконец иссяк. Саша решительно захлопнула альбом, не стала смотреть следующие снимки. Её мутило от собственного кислого лица. Она закрыла глаза. Прошрое не торопилось покинуть её.

Через год после свадьбы Саша ушла с ненавистой работы. Ольга Вадимовна испытала шок, дочь просто убила её. Повлиять на ослушницу не получалось, та больше не зависела от неё. Единственное, что она могла сделать, прекратить общение с непокорной дочерью. Со временем Ольга Вадимовна смягчилась, но уже было поздно, дочь стала видаться с родителями только по большим праздникам и дням рож-

дения. Со временем Саша нашла работу в антикварном магазине. От нечего делать решила подправить дешевую, поврежденную картину местного художника, сданную на продажу. Получилось замечательно – цена полотна выросла в несколько раз. Так она снова взяла в руки кисти и краски.

Никита к тридцати годам стал узнаваемым художником. Его картины начали продаваться. У Игнатова и его друзей появилась своя небольшая студия с выставочным залом. Он, посмотрев на работы Саши, признался:

– Учитель из художественной школы не говорил твоей маме, что ты бездарна. Он объяснил ей: талант дочери нужно развивать.

– Почему же ты не сообщил мне, – возмутилась Саша.

– Сказать о том, что тебе лгала мать? Вспомни: проблемы с родителями. Ты решала, где будешь учиться. Я не мог подбросить дров в костер.

– Ты прав, тогда я меньше всего думала о рисовании.

Саша закрыла форточку. В спальне похолодало. Тряхнула головой, словно прогоняя воспоминания. Положила фотоальбомы на тумбочку. Снимок Стасова выскользнул и спланировал на пол. Она подняла его и прижала к груди.

«Что же ты наделала, Кручина? Сколько людей сделала несчастными одной своей ошибкой. Испортила жизнь Олегу и его родителям, не дождавшимся до сих пор внуков. Стасову, себе, своим родителям. Трусиха, тряпка! Вечно винила всех, но не себя!»

Саша открыла дверь в ванную комнату. На полочке в коробке лежала стопка лезвий «Жилет».

«Покончить со своей никчемной жизнью раз и навсегда».

Она открыла горячую воду. В поднимающихся клубах пара в затуманенном зеркале заметила силуэт. Вздвогнув, протерла блестящую поверхность рукой.

Бред. Там в зеркальной глубине мелькнуло лицо Ивана. Потом, как на картине он прорисовался весь. Ей показалось: Стасов парит над городом, высоко в небе. За его спиной Саша разглядела какие-то железные конструкции. Иван с мольбой и любовью смотрел на неё. Будто догадался, что она собирается сделать и безмолвно пытался остановить.

«Господи, привидится же. Бессонная ночь сказалась», – подумала Саша. В зеркале снова отражалась ванная комната.

Она спустила горячую воду. Ночная рубашка полетела на кафельный пол. Встала в ванну и открыла кран с ледяной водой. Через десять минут зубы выбивали дробь от холода. Голова просветлела. Саша закуталась в мягкий махровый халат и отправилась на кухню. Травяной чай с мятой показался необычайно вкусным. Первые лучи солнца окрасили небо в розовый цвет. Саша сонно потянулась.

В спальне, лежа в кровати, глянула на снимок Стасова, с которым не расставалась последний час.

«Даже сейчас ты спасаешь меня, – она прижала фотографию к губам. – Если бы я могла изменить прошлое. Клянусь, поступила бы по-другому!»

Чуть повернув голову, посмотрела на подарок Никиты. От холста веяло покоем. Поверхность картины пошла рябью. Саша находилась в состоянии полусна, полуяви, ей показалось, что с полотна к ней наклонился ангел, и коснулся её головы. Сквозь ресницы успела заметить: картина стала прозрачной, будто открылось окно в неведомый мир. Саша вздохнула и счастливо улыбнулась: «Какой прекрасный сон».

ГЛАВА 7

В субботу ему пришлось работать до шестнадцати часов. Хорошо, что ненужно долго добираться домой, перебрался через дорогу и уже в своей квартире. Когда десять лет назад Стасов поменял квартиру в Ремезове на похожую по площади трешку в Новочеркасске, это была окраина города. Спустя время здесь вырос новый микрорайон, но пустырь напротив дома остался. Строительная фирма, в которой Иван трудился инженером, начала на этом месте возводить девятиэтажный дом.

После работы он еле успел сбегать в магазин за шампанским и принять душ. В дверь позвонили. Марина выглядела замечательно: яркая брюнетка с хорошей фигурой и немного капризным выражением на лице. Они встречались уже два месяца и Стасов начал подумывать о расставании. Девушка потихоньку стала обживать в его квартире: снача-

ла в ванной появился её халатик и зубная щетка, потом любимая кружка Марины заняла местечко на кухонном столе, косметика разместилась на трюмо в спальне, розовые тапочки с помпонами поселились в прихожей. Всё происходило по уже обычному сценарию, который Иван наблюдал не раз. Для него это становилось сигналом к прекращению отношений. Какое-то время он не задумывался, почему все его связи коротки? Почему ему быстро надоедают девушки? Потом осознал: у каждой он искал хотя бы отдалённое сходство с Сашей и не находил. Иван успокаивал себя: однажды снова встретит девушку, с которой ему захочется связать свою жизнь. Понял, почему его раздражают девушки. Сам себе ответил словами другой Марины.

Как живется вам с товаром²
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой?

Как живется вам с стотысячной –
Вам, познавшему Лилит³!

Плохо жилось ему со стотысячными женщинами, обыкновенная плотская страсть не могла убить воспоминаний и восторга настоящей любви. Просто прикосновение к Сашиней руке по накалу эмоций было больше целой ночи, прове-

денной с другой девушкой. Когда Стасов разобрался в своих чувствах, перестал испытывать вину, расставаясь с женщинами. Ни одну он не хотел пускать в свою жизнь надолго.

В девять вечера после бурного объяснения Марина хлопнула дверь, обозвав Ивана сволочью. Он облегчённо выдохнул и вышел на балкон подышать свежим воздухом. Звонok телефона заставил его вздрогнуть. На дисплее высветился номер Игнатова.

– Привет, давно не виделись!

– Это точно. Лет пять, если не ошибаюсь, – уточнил Стасов.

– Хорошо, что не поменял номер. Я звоню, чтобы сообщить: ваш класс собирается у Ирины Ивановны тридцатого октября. Не хочешь повидать одноклассников? Я случайно узнал об этой встрече. Никто не знает ни твоего нового адреса, ни номера телефона.

– Я подумаю. – Голос Ивана звучал спокойно, но руки похолодели, а сердце вдруг заработало с перебоями.

Они перекинулись ничего не значащими фразами. Никита отключился.

Стасову нестерпимо захотелось курить. Он сел в кресло, стоящее на балконе.

«Ау, прошлое, ты когда оставишь меня в покое?»

Тогда после школы он еле отыскал в себе силы уехать и не умолять Сашу не бросать его. Он умирал от душевной боли, но уважал её выбор. В конце сентября Ивана забрали в Мор-

флот на два года. За время службы Стасов написал и сжёг девяносто шесть писем, по одному в неделю. Демобилизовался в начале октября. Его часть находилась в Североморске, когда он уезжал, город начало заносить снегом. По утрам температура опускалась до десяти градусов мороза. Ростов порадовал тёплой погодой и золотым убранством деревьев в парках и скверах. Где-то в этом городе училась Саша, он обязательно повидает её, а сейчас нужно съездить домой. Иван отслужил год, когда в часть пришло сообщение о смерти родителей. Бремя похорон и поминок легло на плечи тёти и дяди. Подлодка, на которой служил Стасов, участвовала в учениях на Северном море. Спустя месяц они вернулись на базу, Ивану вручили телеграмму. Он тупо смотрел на белый листок бумаги и ничего, кроме сожаления, не чувствовал. Родители отравились палёной водкой. Жалкая участь. А ещё через полгода тётя Катя написала о смерти Захара. Брат во время очередной отсидки, пытался совершить побег, и был застрелен тюремным охранником. Старшего брата похоронили под номером в безымянной могиле. И снова Иван испытал лишь сожаление и досаду. Так глупо оборвались жизни его родных.

«Тёте и дяде досталось, а ведь они оба инвалиды», – волновался Иван.

В Ремезов Ваня приехал к полудню. Ключ от квартиры взял у соседей. Отомкнул дверь. Из комнат пахло застарелым запахом грязного белья, гнили и спиртного. Он щелк-

нул выключателем. Тусклая лампочка осветила обшарпанные стены и закопченный потолок коридора. Иван прошёл в общую совершенно пустую комнату. Грязные обои клоунами свисали со стен, окно сиротливо отсвечивало серыми от пыли стеклами. Тётя, видимо, попросила грузчиков выбросить из квартиры всю жуткую мебель и вещи. На полу там, где раньше лежал ковер, теперь виднелся неплохой паркет. Этот чистый квадрат, окружала кайма из толстого слоя грязи. Иван заглянул в комнату родителей – та же пустота. Прошел в свою. Здесь мебель осталась. Ранее аккуратная комната выглядела замызганной: платяной шкаф в саленных пятнах, стол припален сигаретными окурками, матрасы на кроватях в многочисленных желтых кругах. На окне висела разорванная пополам пожелтевшая тюлевая занавеска. Иван открыл шкаф – на полках лежало несколько его грязных футболок и джинсы. Постояв в раздумье, принялся отворять окна настежь.

«Придется переночевать у тётки».

Запер дверь, подхватив рюкзак, отправился к родственникам.

Тётя жила в пригородном поселке в двадцати километрах от Ремезова. Старый дом, достался ей от родителей. Светлана, мать Вани, в двадцать лет вышла замуж за красивого городского парня. Она познакомилась с ним на заводе. Катя завидовала младшей сестре. Молодая семья через год получила квартиру. Света родила первенца – Захара. Светла-

на приезжала в гости к родителям с мужем и ребенком, веселая, нарядная. Всё у неё сложилось хорошо. Катерина же могла только мечтать о семье. Она родилась с врождённым пороком сердца и с физическим увечьем: одна нога короче другой на четыре сантиметра. Сколько Катя себя помнила – всегда ходила медленно, чтобы не задыхаться и, сильно припадая на левую ногу. Но она не могла пожаловаться на родителей, нет. Они любили дочерей почти одинаково, болезненную Катю даже чуточку сильнее. А ей так хотелось любви, счастья, детей, ночами женщина плакала от безысходности. К её беде она полюбила мужа сестры, это нечаянное чувство приходилось прятать от всех.

Ивану исполнилось три года, когда закрыли завод. Потеря работы стала крахом для прежде счастливой семьи. Света стала приезжать в поселок навеселе, детей забросила, на укору родителей огрызалась. Илья поддерживал жену во всём, часто они напивались вместе. Их приезд погостить, превращался в затяжную пьянку. Старенькие родители, не имея сил и возможности повлиять на дочь и зятя, горстями глотали лекарство. Любовь Кати к Илье переросла в ненависть. А ещё через полгода старшие Стасовы превратились в запойных алкоголиков. Свою квартиру теперь они покидали редко.

Катерине исполнилось тридцать шесть, когда на неё обратил внимание мужчина, купивший дом у соседей. Егор стал инвалидом в первую чеченскую войну. Взрывом гранаты ему оторвало ноги до колена. Выйдя из госпиталя, бывший май-

ор, решил поселиться в деревне, недалеко от моря. В соседнем дворе тридцатилетний парень заметил тихую, робкую, застенчивую женщину. Прыгающей, неровной походкой незнакомка сновала по участку. Она то поливала огород, то собирала овощи, то пропалывала траву. Похожая на подбитую взъерошенную птицу, женщина ухитрилась на скудной песчаной почве вырастить замечательный урожай. Они познакомились, и через полгода поженились. На их скромной свадьбе младшая сестра невесты Светлана испортила всем настроение, заявив:

– Двум инвалидам не стоило жениться. Если вы думаете, что я буду за вами присматривать в старости, то ошибаетесь. У меня на калек нет времени.

Егор заметил, что не только Светлана злоупотребляет спиртным,пил её муж и даже подросток Захар. Этот сигнал стал предвестником грядущего несчастья. Вскоре пьянки новоявленных родственников стали беспробудными. Третьего сына Ромку Светлана привезла в посёлок и оставила сестре. Родителей к тому времени уже не было в живых. Дыша перегаром, женщина сказала:

– В этом доме есть и моя доля наследства. Поэтому пусть мелкий живёт здесь. Мне некогда им заниматься.

Она положила сверток на кровать и, шатаясь, пошла к выходу.

Екатерина в ужасе побежала за ней. Сестра, не слушая возражений, с силой оттолкнула её и направилась к автобус-

ной остановке. Потрясенная Катя вернулась в дом. Егор, развернув грязное одеяльце, рассматривал на удивление крепкого младенца. Голубые глаза трёхмесячного ребенка спокойно и серьёзно глядели на новые для него лица. Малыш не плакал.

Так Ромка остался жить у тётки. Через год Катя официально оформила опеку на себя. Егору пришлось задействовать все связи, чтобы двум инвалидам отдали малыша. Мальчик рос тихим и спокойным ребенком, никогда не плакал. До двух лет Рома не произнёс ни слова. Они переживали, пьянство родителей могло сказаться на развитии малыша. Врачи не делали никаких прогнозов. В три года он сказал первое слово. Екатерина не отдала мальчика в детский сад: он с трудом общался с другими детьми. Доктора, наблюдавшие ребенка, в один голос твердили: Роман никогда не сможет догнать сверстников. В четыре года мальчик произносил с десятков слов, но производил впечатление смышленного ребенка. Он всё понимал и быстро выполнял просьбы родителей – это обнадеживало. Изредка проведать брата приезжал Иван, но Катерина не поощряла общение братьев. Она не любила подростка, Ваня всё больше становился похожим на ненавистного Илью. Женщина даже не догадывалась, что Рома выжил только благодаря брату – это он три месяца кормил его дешевыми смесями, воруя деньги у родителей и их собутыльников. Ромке повезло, что он родился летом в теплое время года. Ивану исполнилось одиннадцать лет, когда

брат появился на свет. Подросток радовался, что Ромка находится у тётки, и старался навещать его. Если он и обижался на холодный приём родственницы, то не показывал вида. Начав работать, Ваня стал помогать деньгами.

Стасов шёл по улице поселка. Здесь ничего не изменилось: те же колдобины на дороге, серый от пыли бурьян на обочине. Дом тёти Кати отличался от соседних домов: обилием цветов на клумбах, ухоженным садом и огородом. Железный забор сверкал голубой эмалевой краской. Фронтон дома и оконные переплеты видимо тоже недавно покрасили, они радовали глаз сочетанием жёлтого и голубого цвета.

– Иван вернулся! – Тётя всплеснула руками, открывая дверь на стук.

– Я смогу у вас переночевать. В квартире не на чем спать, нет постельного белья, – поинтересовался он, обнимая женщину.

На звук его голоса из комнаты выскочил Ромка и бросился на шею брату.

– Какой ты вымахал! – обрадовался Иван.

– Ну, до тебя мне ещё расти, и расти, – чётко произнёс мальчик.

Старший брат покосился на довольное лицо тёти Кати. Только благодаря её усилиям и старанию к шести годам Рома начал хорошо говорить и в восемь лет отправился в обычную школу. Брат цеплялся за руки и заглядывал Ивану в глаза.

– Где вы там? Проходите! – раздался голос дяди Егора.

– Да, Ваня, не стой на пороге. Сейчас накрою на стол и позову всех на кухню.

Иван взъерошил волосы на голове брата.

– Как я рад тебя видеть и спасибо за письма.

Рома начал писать раньше, чем говорить и два года посылал старшему брату короткие трогательные весточки.

Он давно сидел в сквере напротив института, где училась Саша. Сегодня был день её рождения. Стасов встретился с Никитой и попытался расспросить его о девушке.

– Вань, я редко вижу Сашку. Она, как и я в Ремезове бывает редко. Ты не забыл, мы с ней учимся в разных городах. Вам нужно встретиться и поговорить.

Остаток денег Иван потратил на новый матрас, постельное белье и крохотный холодильник. За десять дней он успел содрать со стен старые обои, прошпаклевать потолок, стены и отциклевать паркет. Вымытые окна блестели, пахло лаком и свежей краской. Квартира приобрела нарядный вид. Прохаживаясь по гулким пустым комнатам, он испытывал двойственные чувства: горечи, досады, вкупе с удовольствием от проделанной работы и болью, что все это некому оценить.

Стасов встрепенулся: на ступеньки института вывалила толпа. Молодежь расступилась, и он увидел Сашу. Она держала в руках воздушные шарики на длинных ленточках.

Смеясь от удовольствия, стала по одному отпускать шары в небо. Иван замер. Саша почти не изменилась, только её волосы, уложенные в причудливую прическу, стали длиннее. Римма и Элина стояли рядом, держа букеты цветов. Потом все стали поздравлять именинницу, она улыбалась друзьям, такой знакомой ему, необыкновенной улыбкой.

«Значит, закадычные подруги все ещё вместе», – понял Иван.

Студенты стайкой побежали через дорогу к кафе.

Стасов не сдвинулся с места. Просто не мог.

«Она весела и счастлива. Убедился! Теперь можешь навсегда исчезнуть. Не стоит отравлять её жизнь своим появлением», – уверял он себя и продолжал сидеть.

Спустя время стеклянные двери кафе открылись. Чуть подвыпившие студенты, громко разговаривая, вышли на улицу. Стали прощаться. Саша с подругами остались втроем. К кафе подъехала черная «Ауди», из неё вышел молодой мужчина с букетом белых роз. Направился к Саше. Иван видел, как радостно вспыхнули её глаза. Незнакомец что-то сказал девушкам, они уселись в машину. «Ауди» тронулась с места.

«А вот и принц! Хорошо, что не поперся! Оказался бы третьим лишним», – разозлился Стасов и только теперь осознал, что уповал на чудо.

Иван не знал, что знакомство Олега Андриади и Саши произошло на его глазах.

Стасов не помнил, как вернулся в Ремезов, как добрался до своего двора. Очнулся, когда его окликнул мужской голос.

– Ванька! Отслужил!

Стасов обернулся. Веселая компания, сидящая под детским грибком, махала ему руками.

– Кирюха, ты! – удивился Иван, с трудом узнавая в рыхлом увальне товарища по детским играм.

– Привет, Морфлоту! Дембельнулся? Давай с нами по пять капель. – Кирилл протянул Стасову полный стакан чего-то красного. – Портвейн, – протянул парень, заметив недоумевающий взгляд Ивана. Всунув стакан ему в руку, произнёс с придыханием: – Дай Бог – не последняя! А если последняя – не дай Бог!

Стасов молча взял стакан и тремя глотками осушил его. Через полчаса настроение поднялось, тоска утихла и появилась весёлая злость.

«Думает, не проживу без неё! Проживу!»

Утром голова Ивана раскалывалась от боли. Тошнота подкатывала к горлу. Он обнаружил себя лежащим у порога. Как открывал дверь квартиры, напрочь стерлось из памяти. Стасов с трудом поднялся, побрел на кухню и жадно припал к струе воды из кухонного крана. Потом пересчитал деньги. В ларьке за углом дома купил четыре бутылки водки, булку хлеба и батон копченой колбасы.

Дома Иван налил стопку водки, закусил кружочком кол-

басы и ломтиком хлеба. Постоял, прислушиваясь к себе, и отправился в кровать. Сон одолевал его. Он просыпался пил грамм пятьдесят и снова засыпал. Иван ни как не мог выспаться. Ему стало казаться, что он один из воздушных шаров, отпущенных Сашей на волю. Тело стало лёгким, воздушным, оно всё выше и выше поднималось в небо. Громкий стук в дверь разрушил эйфорию полёта.

Он не хотел вставать, но в дверь барабанили всё громче и громче. Иван с трудом встал. Ноги тряслись, перед глазами мелькали чёрные мушки. Он с трудом отомкнул дверь. В квартиру ворвался Никита Игнатов.

– Ты совсем чокнулся?

– Уточни вопрос, – прохрипел Стасов. Горло с трудом проталкивало звуки. – Неужели можно чокнуться чуть-чуть?

– Сколько дней ты пьёшь?

Иван опёрся о стену. Комната плыла перед глазами.

– Какое сегодня число?

Никита удивлённо округлил глаза.

– Пятое ноября!

– Шесть дней, – подсчитал Стасов и, держась руками за стены, поплёлся на кухню.

Игнатов обошёл его и первым попал в комнату. На кухонном столе лежала почти целая засохшая булка хлеба, начатая палка колбасы, три пустых бутылки водки, четвертая опорожненная наполовину.

– Не понял, ты шесть дней пил три бутылки? Растягивал

удовольствие? Стасов, с чего ты такой пьяный? С дозы двести пятьдесят грамм в сутки не опьянеешь? Хватит сходить с ума! Приведи себя в порядок, а я заварю чай.

– А не пошел бы ты, Игнатов, подальше! – огрызнулся Иван.

Никита собрал бутылки, хлеб, засохшую колбасу в пакет и направился к входной двери.

– Я вернусь, а ты хотя бы умойся!

Стасов от души выругался ему в след. Мысли разбегались в пустой голове, не давая сосредоточиться. Звон в ушах добавлял неприятных ощущений. В ванной комнате из зеркала на Ивана смотрел отец.

«Глюки!» – вздрогнул Стасов, не сразу узнавая своё лицо.

Он судорожно ощупал впалые щеки, заросшие щетиной, пригладил свалывшиеся волосы на голове.

«Господи и, правда, нужно завязывать! Противно смотреть!»

Иван побрился, ухитрившись не порезаться. Принял душ, переоделся. Хлопнула дверь. Игнатов, не обращая внимания на хозяина квартиры, прошествовал на кухню. Зашуршали пакеты. Поплыл запах жареной курицы. Рот Стасова наполнился слюной.

– Ну вот, совсем другой вид! – оглядел его Никита. – Я поставил на плиту бульон с куриной грудкой. После твоего добровольного поста тебе жареную курочку нельзя, – сказал он, заметив голодный взгляд, брошенный Стасовым на

стол. – Объясни, чего ты с цепи сорвался?

– Тебе какое дело?

– Значит, есть дело! Прекращай, Стасов. Этим ты только докажешь, что она не зря опасалась!

– Что ты понимаешь? Мне плохо! – озлился Иван.

– Я что понимаю?! Целых пять лет ты находился рядом с ней! Касался её рук, обнимал. Она любила тебя! А знаешь ли ты, что это такое, всегда быть только другом и не больше?

«Дружба! – последняя казнь недоказанного тела»⁴.

Стасов удивлённо уставился на него.

– Что смотришь? Неизвестно, кому хуже? – буркнул Игнатов.

Иван сидел в кресле на балконе и не мог принять решение: ехать на встречу в Ремезов или нет. Тогда во время его первого и последнего запоя Никита основательно встряхнул его. Он устроился на работу и стал готовиться к поступлению в институт. Стасов не хотел учиться в Ростове, боялся столкнуться с Сашей. Подвернулся удачный обмен с квартирой, и он уехал из города детства. К тридцати годам у Ивана имелась интересная работа, неплохая зарплата и пустота в сердце. Он всё чаще задумывался, а правильно ли он поступил, отказавшись от Александры. Даже не попробовал побороться за свою любовь. И кто из них оказался большим трусом?

Стасов очнулся от дум, когда первые лучи солнца пронзили облака.

«Неужели я просидел на балконе всю ночь?»

Его охватило сумасшедшее желание посмотреть на восход солнца. Он вышел из квартиры. Потревожив охранника на стройке, полез на башенный кран. Иван стоял на площадке и любовался встающим солнцем. В какой-то миг перед глазами возникло изображение какой-то комнаты, заплаканная Саша держала в руке лезвие бритвы. Он понял, что она собирается сделать, и дико закричал: «Нет!!!»

Картинка пропала.

«Бессонная ночь до добра не доводит», – подумал Стасов. Любоваться солнцем перехотелось.

«Если бы я мог изменить прошлое!»

Иван вернулся в квартиру. Умылся. Руки тряслись от пережитого страха. Солнце вставало над городом, когда он лёг в кровать и тотчас заснул.

ГЛАВА 8

Сквозь плотно сомкнутые веки Саша почувствовала, лицу жарко от настырных солнечных лучей, вероятно, давно наступил день.

«Хорошо, что сегодня воскресенье, на работу идти не нужно. После вчерашней ночи воспоминаний и слёз лицо, скорее всего, опухло? Я пойду на встречу с учительницей», –

решила она и сладко потянулась.

И тут же испуганно съёжилась в кровати. Солнце не могло светить ей в глаза. Спальня находилась на северной стороне квартиры. Недоумевая, оглядела комнату – невесомую капроновую занавеску трепал тёплый ветерок. В широко открытое окно вливался свежий воздух. Взгляд уперся в стену оливкового цвета, в обои в белых веточках ландышей. Она выбирала их, когда училась в десятом классе. Саша встала с кровати, удивляясь лёгкости во всём теле, и оглянулась во круг. Множество мягких разноцветных игрушек расположились повсюду.

«Что за метаморфозы?»

Она узнала свою девичью комнату в родительской квартире.

«Я что не уходила с альбомом домой и осталась тут ночевать? – Саша ущипнула себя за руку. Ой, больно!»

Окончательно запутавшись, выглянула в окно. Во дворе бегала малышня, сопровождаемая сонными молодыми мамами.

«Весна?!»

Мозг отказывался признавать очевидное. Она заснула в квартире мужа осенью, а проснулась в квартире родителей весной. Перевела взгляд на стену над кроватью. Конечно же, никакого полотна не оказалось. Картина! Мысль зацепилась за подарок Никиты. Это его необыкновенная картина стала проходом в прошлое. Саша снова выглянула в окно. По до-

рожке, пересекающей двор по диагонали, шла Элина. Увидев её, подруга помахала рукой. Машинально Саша ответила на приветствие.

Юная Элина, не тридцатилетняя, чуть располневшая женщина, а именно юная девушка семнадцати лет.

Саша вышла из комнаты и побрела на кухню. За столом обедали родители. Мать строго блюла воскресные обеды и только в выходной готовила курицу в духовке. На половину съеденная птица лежала на овальном блюде.

– Наконец-то! Мы не могли тебя добудиться. Двенадцать часов дня. Я понимаю, полночи готовилась к экзаменам, но больше так не засиживайся! – возмутилась сердитая мать.

По выходным они всегда завтракали вместе – правило семейного обеда соблюдалось свято. Ольга Вадимовна обожала за совместными трапезами советоваться с мужем и намечать планы на будущее.

Саша снова метнулась в спальню.

– Дочь, с тобой всё в порядке?

– Нет! – хотелось ей крикнуть в ответ, она пробормотала что-то неразборчивое и подбежала к зеркалу. В нём отразилось молодое лицо. Сердце колотилось, сознание бунтовало. Саша замерла в догадке.

«Я получила второй шанс!»

Ум ещё не принимал очевидное, а душа уже ликовала: «Я увижу Ивана!»

Саша взглянула на календарь.

«Что я собиралась делать в этот день?»

Память услужливо подсказала: она хотела с подругами пройтись по магазинам и подобрать аксессуары к бальному платью для выпускного бала.

Раздалась трель дверного звонка. Саша как была, в пижаме, помчалась открывать.

– Ты почему не готова? Мы же договорились, – Римма обиженно надула губы.

«Интересно, она всегда строила из себя капризную девочку», – промелькнула в голове у Саши.

– Придётся вам отправиться без меня. Извините, я себя плохо чувствую.

– А по тебе не видно, – укорила Элина.

«Бродить по магазинам с Риммой ещё то удовольствие», – вспомнила Саша.

– Может, по мне и не видно, но это так! – Ей хотелось быстрее отделаться от подружек.

– Девочки, проходите, попейте с нами чаю, – послышался голос Ольги Вадимовны.

Подружки замахали руками, зная, что мать Саши замучает расспросами, если они согласятся разделить с ней чаепитие.

– Ольга Вадимовна, мы торопимся! – громко ответила Элина.

Подруги ушли. Саша отправилась в ванную умываться и чистить зубы. После с удовольствием поела. Она давно не

чувствовала себя такой живой. Чувства переполняли. Саша открыла шкаф, рассматривая подзабытые девичьи вещи. Выбрала белые джинсы и белую рубашку поло. Ей хотелось бежать к Ивану Долгие тринадцать лет разлуки съезжались в тугой ком и рвали сердце своей тяжестью.

Судьба дала ей второй шанс. Она всё исправит. И никогда больше не будет жить, как во сне, без радости и желания. Теперь она знает, как дорого обходится комфортное существование и обеспеченная жизнь с подходящим, но не любимым человеком. Больше она не будет мямлей! Не станет бояться трудностей – лишь бы Стасов находился рядом. Этот Иван не знает о её предательстве, она постарается не сделать ему больно.

Машинально Саша наводила порядок в своей комнате, размышляя, что предпринять дальше.

– Чего ты взялась за уборку? – мать отвлекла её от мыслей. Ольга Вадимовна стояла на пороге, с удивлением глядя на опустевшую комнату. Ещё вчера вечером мягкие игрушки сидели на столе, трюмо, тумбочке, кровати. Этими цветными зверюшками заполнялось всё свободное пространство. Они жутко раздражали её.

– Куда ты дела игрушки?

Саша огляделась вокруг, она не заметила, как убрала мягкие игрушки. Комната приобрела строгий вид.

– В шкаф.

– Ты даже стол очистила от глупых анкет? – изумилась

мать и стала поправлять причёску. Она всегда так делала, когда её что-то ставило в тупик.

Саша посмотрела на родительницу новым взглядом. Перед ней стояла стройная сорокалетняя женщина с гладкими чёрными волосами и жёсткими складками у рта.

– Мама, не волнуйся, всё в порядке. До окончания школы два месяца, пора взрослеть. – Саша поправила покрывало на кровати. – Пойдём пить чай.

Она допивала чай, удивив Ольгу Вадимовну ещё раз, своим нежеланием класть сахар в кружку.

– Ты же любишь сладкий! – поразилась мать изменившимся за ночь вкусовым предпочтениям дочери.

Саша чертыхнулась про себя. Нужно быть внимательнее. «Была бы шпионкой, уже бы прокололась».

– Мне нужно в библиотеку, вернусь не скоро, поищу материал для реферата.

– Ты же собиралась с девочками в магазины, а потом на примерку платья, – напомнила мать.

Точно. В тот день она ходила в ателье.

– Я зайду, примерю платье, – успокоила её дочь.

Конец марта в тот год выдался тёплым. Она вышла во двор, вдохнула весенний воздух, расстегнула лёгкую куртку. Сердце пело от радости. Саша не заметила, как добралась до швейной мастерской.

– Ну как, понравилось? – спросила портниха. – Это, ко-

нечно, первая примерка. Ещё нет рюшей и должной пышности, но обещаю, ты будешь, как золушка.

Саша в ужасе смотрела на платье: она будет похожа на шапку торта, обильно украшенного сливками и кремом.

– Скажите, вы уже раскроили материал на рюши и оборки?

– Ещё нет.

– Слава Богу, – вырвалось у неё. – А можно сделать так и так. – Она взяла лист бумаги и быстро нарисовала классическое платье строгих линий с расклешенной юбкой.

– Зачем тогда розовый шелк? – удивилась швея.

– А не надо никакого розового шелка. Платье будет просто белым. Для вставки на груди я принесу кружева.

– Хорошо, что я раскроила только силуэт, основу, – пробурчала мастер. – Ещё раз не передумаешь?

– Нет.

«На выпускном балу я выглядела, как пирожное», – усмехнулась Саша и вспомнила: кто старательно убеждал шить платье именно такого фасона, а потом уверял, что она самая красивая. Римма! Тогда она послушалась мнения подруги, хотя считала иначе.

«Завтра я увижу Стасова!», – вспомнила Саша.

Ей хотелось скакать от радости. И тут она похолодела: именно сегодня вечером старший брат изобьет Ивана. Саша в ужасе прижала ладонь ко рту.

«Нужно предотвратить избиение любым способом!»

Иван тем вечером работал допоздна. Они собирались встретиться только в понедельник. Она посмотрела на часы – четырнадцать сорок.

«Что же делать?»

Нервно переступила с пятки на носок. Повздохала и решительно устремилась к остановке маршрутного такси. Саша помнила адрес, он врезался ей в память: Лесная шесть. Вышла на остановке у завода и направилась знакомым маршрутом к квартире Стасовых.

«Надо же, ничего не изменилось, – подумала она и одернула себя: – Здесь не прошли тринадцать лет, пролетевших в прошлой жизни».

И тут Саша замерла. Ей показалось: сном была та жизнь, она приснилась ей ночью. Приснилось, что она расставалась со Стасовым, выходила замуж, училась на экономиста. Саша тряхнула головой, разум играл с ней в странные игры.

«Так, спокойно! Если прошлая жизнь только сон... Я не знаю семью Стасовых, поскольку не была у них дома. И если сейчас будет всё, как я помню – значит, действительно меня вернули в прошлое».

Она поднялась по грязным ступенькам лестницы и постучала в приоткрытую дверь. Нестройное пение доносилось из глубины квартиры.

«Пьют и к вечеру, когда закончится водка, начнут ломать дверь в комнату Ивана».

Страх вдруг накрыл с головой, она не забыла, как бросил

её на пол старший брат Ивана. Захотелось бежать сломя голову от этой жуткой квартиры. Саша с трудом заставила себя стоять на месте.

– Хозяева! – сдавленно пискнула гостья.

– Чё надо? – в коридоре, шатаясь, показалась мамаша семейства. – Ты кто такая?

– Неважно. Вот деньги. Это зарплата Ивана, передайте деньги сыну, – Саша вложила купюры в руку обрадованной женщины.

– Передам, не сомневайся! – хозяйка облизнула сухие губы и крепко сжала в кулак смятые бумажки.

Саша молча отправилась к выходу. Надеюсь, им хватит на пропой. Эти деньги мать дала ей на аксессуары к платью.

«Придется соврать, что украли в маршрутке или потеряла, – подумала она, ничуть не стыдясь своего обмана. – Если эти скоты напьются так, что не тронут Ваню, может, смогу изменить дальнейшую судьбу».

Поздно вечером, не выдержав переживаний, позвонила Стасову.

– Привет! – раздался в трубке его мягкий басок. – Что-то случилось?

– Нет! Просто я соскучилась и захотела услышать твой голос. Спокойной ночи, – дрожащим от волнения голосом произнесла Саша.

– Я тоже соскучился и рад тебя слышать. Отдыхай, моя маленькая! – ласково сказал Иван и отключился.

Остаток дня Саша потратила на усердное перелистывание учебников. В комнату несколько раз заходила мать, увидев дочь, обложенную книгами, удалялась, бормоча под нос: «Какая муха её укусила?» Забежали Римма с Элиной похвастаться покупками. Перебивая друг друга, рассказывали о походе по магазинам, демонстрировали сережки, кольцо, заколки. Саша осмотрела их приобретения, нехотя похвалила.

«Когда же они выдохнуться и перестанут болтать? – злилась она. – Элина во всём полагается на Римму. Интересно, какая она на самом деле? Я не обращала на неё внимания потому, что Эля никогда не высказывала своего мнения и всегда служила тенью Петровой. Она для меня осталась безликой, а я не замечала этого».

– А что ты купила? С нами не пошла, хочешь отличиться? – ревниво заметила Римма.

– Я или потеряла деньги, или их вытащили в маршрутке, – сообщила Саша, глядя честными глазами на стоящую в дверях мать.

– Как ты могла?! Любовалась каким-нибудь облачком в небе, разинув рот! – рассердилась Ольга Вадимовна. – Я не миллионерша, если ты думаешь, что снова дам денег, то ошибаешься!

– Мама не волнуйся, моя вина и я готова пойти без украшений, – спокойно ответила дочь.

Ольга Вадимовна остолбенела, не зная, как реагировать. Потом недоверчиво хмыкнула:

– Это что-то новенькое. Ну-ну...

Саша проводила взглядом растерянную мать и повернулась к подругам.

– Девочки, у меня голова раскалывается. Хочу пораньше лечь спать.

– Правда, пойдешь без бижутерии, просто в платье? – удивилась Римма.

– Ты это сказала так, будто я собираюсь отправиться на выпускной голой, – улыбнулась Саша.

– С тобой всё в порядке? Что-то в тебе изменилось? – Элина заинтересованно посмотрела на неё.

– Ничего не изменилось. Давайте я провожу вас, – она недвусмысленно выпроваживала подруг.

«Наконец-то они ушли, – облегченно выдохнула Саша и отправилась в ванную комнату готовиться ко сну.

Поздно ночью по привычке протянула руку в сторону прикроватной тумбочки за стаканом воды. Провела по чему-то прохладному и лохматому. В ужасе подпрыгнула на кровати. Ночника на месте тоже не оказалось. Зажмурила глаза и медленно открыла их, привыкая к полумраку. В окно, не задернутое ночными шторами, светила луна.

«Бог мой! Я забыла, это же моя спальня в родительском доме».

На тумбочке стоял её любимый цветок – розовый «бальзамин». Ночника в этой комнате просто не существовало. Для чтения вечером служила настольная лампа.

Саша отправилась на кухню, попила воды. Из приоткрытой двери родительской спальни доносился громкий сердитый шепот матери.

«Дежавю. Я уже слышала их разговор однажды ночью»

– Сережа, с дочерью что-то случилось! Ты заметил, она кардинально изменилась за одну ночь? Будто стала другим человеком. Спрятала мягкие игрушки в шкаф, не пошла в магазин с подругами. А ещё я видела: ей не хотелось с нами разговаривать. Только позавчера я еле разогнала их по домам, не могли наговориться, а сегодня Сашка откровенно скучала. Дочь что-то скрывает!

– Не выдумывай, девочка стала взрослой, а мы не заметили.

– Объяснила: мол потеряла или украли деньги. Боюсь всё серьезнее. По-моему, что-то случилось, и виноват в этом Стасов! Думаю, наша дочь беременна. Он все-таки сломал ей жизнь! Говорила я тебе: нужно гнать его поганой метлой от нашего дома!

Саша усмехнулась, дальше не стала слушать стенания матери, пошла досыпать.

Утром за завтраком Ольга Вадимовна выглядела плохо. Красные глаза, усталый вид выдавали бессонную ночь. Она не собиралась разводить дипломатию с дочерью, спросила её в лоб:

– Ты беременна?

Саша, ожидавшая сначала упреков, потом примеров, ка-

кая жизнь ожидает рано родивших девушек, без профессии и образования, поперхнулась чаем. Откашлявшись, с трудом произнесла:

– Насчет беременности не волнуйтесь – я девственница.

Теперь пришла очередь поперхнуться матери. Красный, как рак отец похлопал её по спине.

«Опытная девственница», – развеселилась Саша.

Она встала раньше родителей, вымыла голову, подсушила волосы феном и еле удержалась от макияжа: раньше в школу не красилась.

«Неужели я увижу Стасова?»

В классе с удовольствием разглядывала одноклассников. Немного подзабыла, как они выглядели. Пыталась унять волнение и не могла. Ладони вспотели, сердце выпрыгивало из грудной клетки. Наконец Иван появился на пороге класса. Саша забыла: какое ошеломляющее впечатление он производил на неё! Она не отрывала от него влюблённых глаз.

«Я вытерплю всё, ни за что больше с ним не расстанусь!»

Стасов остановился возле неё, наклонившись, чмокнул в щёку и прошептал:

– Кто это соскучился?

– Я! – ответила она охрипшим голосом. И не заметила, как удивлённо распахнулись его глаза: Иван впервые уловил в её голосе страсть.

После школы он, как всегда, пошел провожать её домой. В запасе у них был только один час, потом он отправлялся

на работу. Они говорили ни о чём. Саша еле выталкивала из себя слова, мечтая об одном: «Поцелуй меня! Я столько лет не касалась твоих губ».

В парке они присели на лавочку. Стасов наконец решил её поцеловать. Ответный взрыв эмоций с её стороны насто-рожил Ивана.

– Саша, что случилось? Ты как будто прощаешься со мной!

– Нет, не прощаюсь, а встретила. Я тебя никогда не отпущу. – Слезы покатались по щекам Саши

Иван нахмурился: она говорила и поступала непривычно для него. Принялся осторожно снимать слезинки с её щек губами, приговаривая:

– Это я тебя не отпущу, – бросил взгляд на часы. – Извини. Мне пора бежать. – На мгновение крепко прижал к себе любимую. – Будь умницей.

Дома её встретила злая мать.

– Почему ты не на работе? – удивилась Саша.

– В обеденный перерыв я зашла к портнихе и узнала: ты изменила фасон платья, не посоветовавшись со мной.

– И поэтому ты ушла с работы? – улыбнулась дочь.

– Домой я шла через парк и видела тебя со Стасовым...

– И... – невольно покраснела Саша.

– Вы целовались, как ненормальные, и ты ещё врешь родителям, что между вами ничего не было!

Саша молчала.

– Даже если и так – недолго осталось! Ты понимаешь, что гробишь свою жизнь? Это моё последнее предупреждение: или ты оставляешь этого сына алкоголиков или придёт к тебе поступать на заочное отделение и работать, голубушка!

«Понятно, время и место финального разговора поменялось», – вздохнула Саша.

– Нечего вздыхать и закатывать глазки! Всё серьёзно. Родители Стасова – алкаши, а брат – уголовник. Догадываешься, какая жизнь тебя ждет? Наши знакомые не пустят его даже на порог. Я не желаю внуков с испорченными генами! – кричала, уже не сдерживаясь, мать.

«Удивительно, но мне страшно, как раньше, и хочется уступить матери, – разозлилась на себя Саша. – Она волнуется за меня, хочет мне счастья. Но я-то знаю теперь, в чем это самое счастье заключается».

– Постой, ты не удивлена. Знала о его семье?

Саша кивнула.

– Чего улыбаешься, как придурочная? – Спокойствие дочери действовало на Ольгу Вадимовну, как красная тряпка на быка. – Ты слышала: никакой помощи, никаких денег, никакого платья и выпускного бала, – голос матери сорвался.

«А про выпускной бал раньше речи не велась», – отметила про себя Саша.

– Мама, перестань нервничать. Иван не похож на родителей. Он другой, чтобы выжить работает с шестого класса, кто ещё способен так поступать? Ваня держит слово, данное от-

цу, и он ответственнее многих в его годы!

– Ты поёшь ему дифирамбы, но от родословной не уйти. Уверена, что он не сопьется?

– Стасов натерпелся от всего, что связано со спиртным, и я уверена в нём.

Кожа на лице матери приобрела свекольный оттенок.

– Я тебе своё слово сказала. Стасова в моём доме не будет!

«Она доведет себя до инфаркта!» – перепугалась Саша и попыталась как можно спокойнее сказать:

– Дай ему шанс.

– Нет! А ты если не одумаешься – будешь всего сама добиваться! – пригрозила Ольга Вадимовна.

«Боже, как страшно произнести эти слова», – промелькнуло в голове Саши.

– Мама, я люблю его! А на выпускной бал могу пойти в школьной форме. И ещё я твердо решила на экономиста учиться не буду. Поеду в Ростов поступать на искусствоведа.

«Вот чем мне понравилось заниматься. Я поняла это, работая в антикварном магазине».

– Тебе, мама, придется смириться – это моя жизнь, не твоя!

– Ах, не моя! Не жди от нас с отцом помощи!

– Ты уже грозила этим, – разозлилась дочь. – Мама, ты ведь тоже была молодой, и сейчас ещё не старая, почему не хочешь понять меня? Не нужно ссориться.

– Ты не знаешь жизни и не разбираешься в людях. Мой

родительский долг подсказать, что для тебя лучше. – Она начала нервно поправлять волосы.

– Мне семнадцать лет! – Саша вздрогнула, вспомнив, что недавно ей было тридцать. – Да пойми ты меня. Без Ивана я буду несчастна!

– Ой, только вот этого не надо, таких, как он, вагон и маленькая тележка...

– Я все решила...

– Посмотрим, решила она. Соплячка! Поглядим, как ты будешь учиться и работать!

Ольга Вадимовна швырнула на стол кружку с недопитым чаем. Саша посмотрела на стол: коричневые лужицы растеклись по лакированной поверхности.

«Здорово мать расписывалась. С её аккуратностью так поступать с дорогой мебелью...»

На следующий день они снова гуляли в парке. Саша старалась держать себя в руках, она почти привыкла и уже ощущала себя юной девушкой. Ей хотелось сказать Стасову, что больше нет нужды скрывать от неё правду о семье. На соседней аллее она увидела Никиту. Тот стоял у мольберта.

– Давай подойдём, – обрадовалась она. – Посмотрим, что сейчас рисует.

При виде их Игнатов улыбнулся.

– Привет, ребята, гуляете. А у меня сегодня ничего не получается, – пожаловался Никита. – Я мазила и бездарь!

– Нет, Ники, ты хороший художник. Твои полотна будут

обладать волшебством. А ещё у тебя, со временем конечно, появится своя картинная галерея и мастерская с высокими стрельчатыми окнами.

– Ты так уверена во мне? – удивился Игнатов. – Даже мою мечту озвучила. Как только догадалась?

– Угадала. И да, я уверена в тебе. Считай это пророчеством, но твёрдо знаю, так и будет.

Повеселевший Никита взял кисть в руку.

Стасов как всегда спешил на работу. У дома Саши они попрощались.

– Маленькая моя, ты какая-то другая – второй день.

– Четвёртый, – поправила его Саша. – Я, наконец, повзрослела. И не волнуйся насчёт своих родителей, их и правда не выбирают. Тебе нечего стыдиться!

Иван побледнел.

– Никита сказал?

– Нет. Сама случайно узнала, но это не меняет моего отношения к тебе. Я тобой горжусь! – Она глядела ему в лицо, поэтому не просто увидела, а почувствовала, как в душе Ивана тает ледяной ком из боли и страха. А его глаза загораются радостью. – Я никогда не покину тебя! И ты пообещай мне, что всегда будешь рядом! – Саша смутилась: получилось немного пафосно, и спрятала вспыхнувшее лицо у него на груди.

– Ты для меня всё – обещаю быть с тобой отныне и навсегда! Дождёшься меня из армии? – прошептал он в ма-

кушку. Что-то странное промелькнуло в его глазах, неясное воспоминание или затаённая боль. Необычный, неприятный сон приснился ему ночью, будто он жил без Саши много лет. Воспоминание промелькнуло и пропало. Лицо Ивана осветилось счастьем.

Саша улыбнулась. На её щеках заиграли, так любимые им ямочки.

– Всего два года? Конечно! Впереди вся жизнь!

Второй шанс

ГЛАВА 1

Иванна медленно брела по утренне-суматошному, но уже умытому и чистому городу. После бессонной ночи тело налилось чугунной тяжестью, а голова наоборот стала невесомой и пустой, как барабан. Редкие мысли перекатывались в ней, отдаваясь в ушах непрерывным звоном. Однажды она услышала, что постоянные ночные смены называют гробовыми. Даже статистику посмотрела, действительно, у тех, кто всё время трудился в ночную смену, жизнь оказывалась короче, а болячек больше.

«Зато платят лучше», – утешила себя Ивка. – Санька ещё спит», – подумала она. При воспоминании о дочери на душе сразу потеплело. Вместе с мыслью о дочке ворвались другие, тяжелые, нежеланные, о муже.

«Сегодня воскресенье, значит, Дмитрий будет злым и придирчивым. Вряд ли уже успел похмелиться».

Муж начинал пить с вечера пятницы и до вечера субботы, длилось это уже четыре года и, кажется, совсем не беспокоило его. Дима не считал себя алкоголиком: он не валялся пьяный под забором, пять дней в неделю работал, расслаблялся только в выходные.

«Что бы такое быстро приготовить на завтрак и обед? И, наконец, лечь в кровать. И спать, спать».

Лифт опять не работал. Иванна поднялась на шестой этаж, отдышалась и нажала на кнопку звонка. Послышался быстрый топот. Дверь распахнулась.

– Мамуля вернулась! – В дверном проёме стояла худенькая девочка. Её чудесные тёмно-карие глаза на овальном личике светились радостью.

Иванна обняла дочь, чмокнула в щёку. Саньке-Шурочке в августе исполнилось девять лет, в сентябре она отправится в третий класс. Ивка всё никак не могла поверить, что её малышка выросла. Девочка выглядела младше, и матери казалось – это какая-то ошибка, она совсем ещё ребенок. Ивка прошла на кухню, дочь хвостиком потянулась следом. Санька села на стул, примостившись между холодильником и столом, – это было её любимое место. Иванна оглядела кухню – понятно: дочь убрала, как могла. Всю субботу Дмитрий понемногу пил, закусывая на кухне, а потом отправлялся в зал, и либо смотрел телевизор, бесцельно переключая каналы, либо играл на компьютере в стрелялки. Это давно стало его любимым времяпровождением. Он отдыхал. Изредка глава семьи уходил в гаражи и там с друзьями резался в карты. Санька весь день наводила порядок за отцом, стараясь помочь матери. Дмитрий не считал нужным убирать за собой. Позавтракав, а потом, пообедав, ставил использованную тарелку в раковину и брал следующую, чистую. После

его отдыха накапливалась гора грязной посуды, крошки на столе и заляпанный пол. К её приходу дочь вымыла посуду, подмела полы. Ивка, привычно успокаивая, поднимающееся в ней раздражение, навела порядок в ванной и туалете. После купания муж бросал мокрое полотенце на вешалке, и оно не высыхало, грязную одежду сваливал в угол, хотя рядом стояла корзина для белья. Уборка за Дмитрием в последнее время стала невероятно раздражать её.

«Почему всегда нужно за ним убирать, словно он маленький ребенок или я у него домработница. Неужели так трудно вымыть тарелку, кружку за собой, сложить белье и аккуратно быть в туалете».

Они прожили вместе десять лет, последние три года Ивана чувствовала нарастающее отчуждение к мужу. Выполняя привычную работу, немного успокоилась. Сашка помогла начистить картошки на суп, нарезала лук, натерла морковь для жарки. Рассказала свои детские новости. Закончив готовить, Ивка пошла в ванную выкупаться перед сном. Приняв душ, поинтересовалась у дочери:

– Саня, я посплю часика три, а потом сходим с тобой в кино. Ты найдёшь, чем заняться? – Она промокнула полотенцем влажные волосы. В голове стоял лёгкий звон от недосыпания и усталости.

– Я посмотрю мультики и пойду во двор. Можно? – вздохнула Саша. Она не призналась матери, что ей надоело сидеть в квартире с нетрезвым отцом.

Дмитрий никогда не обижал дочь и по-своему её любил, но не находил времени или желания с ней общаться. Он мог весь день пролежать на диване, вставая лишь перекусить и выпить очередной стакан пива. Ивка задёрнула ночные шторы. Глаза горели, словно в них насыпали песок. Прошли пять минут, десять – сон бежал от неё. Мысли снова перескочили на мужа. Вспомнила, как она познакомилась с Дмитрием.

Иванна с подругой Таисией сидели за одной партой все десять лет учебы в школе. Вместе они поступили и окончили медицинское училище. Ивка устроилась на работу в областную больницу, а Тая все не могла решить, чем ей заняться. На выходные они поехали к тётке Таи в Азов. В первый же день подружки обгорели на солнце, поэтому на следующий день лежали на пляже в тени, дыша свежим морским воздухом.

– Девушки, подскажите, в какой стороне море? – послышался весёлый голос.

Подруги подняли головы и посмотрели на нахала, задавшего столь глупый вопрос. В десяти метрах от них монотонно перекачивались морские волны, ритм нарушался лишь плюхающимися в воду купальщиками. Симпатичный, высокий парень, с коротко стриженными волосами, улыбался во весь рот. Его спутник ниже среднего роста, какой-то квадратный, сплошь состоящий из мускулов, серьёзно смотрел на девушек.

– Вы ослепли? – ехидно поинтересовалась Тая, приподнимаясь на локтях.

– Только он! – улыбочивый незнакомец кивнул на хмурого друга. – Я-то сразу разглядел таких красавиц.

Иванна усмехнулась: парень льстил, ни её, ни Тосю красавицами не назовешь – приятными и только. Таисия среднего роста, крепкая, с чуть более удлинённым, чем нужно, лицом, которое украшали большие светло-карие глаза. Самым главным плюсом подруги являлась хорошая фигура: тонкая талия, красивая грудь и ровные, но полноватые ноги. Сама Ивка не могла похвастаться фигурой. Да, у неё было пропорциональное сложение, но грудь маленькая, талия едва намечена, плечи чуть шире бедер и, как ей казалось, слишком тонкие ноги. Лицо тоже обыкновенное: прямой нос, голубые глаза, обычные губы. Без макияжа её лицо выглядело сонным и невыразительным. Как раз сейчас она и Тая находились не в лучшей форме.

– Передай своему слепому товарищу: море перед ним, – хмыкнула Тая.

– Видим. Когда ты показала нам, где оно, мы заметили. Правда, Лёва? – обратился к спутнику высокий парень.

Тот спокойно оглядел девушек и снова промолчал.

– Твой друг не только слепой, но и немой? – Тая встала с полотенца и отряхнула руки от песка.

Иванна тоже поднялась: неудобно лежать перед стоящими людьми.

– Пока не твой, но ведь всё ещё впереди, – скаламбурил весельчак. – Давайте знакомиться, меня Дмитрием зовут, а его Львом. А вас как, красавицы?

– Таисия Танеева, – официально представилась Тося, обожаящая свою фамилию.

Дмитрий засмеялся:

– Точно Лёва будет твоим: у него фамилия Тонев.

Улыбка тронула губы неразговорчивого Лёвы. Подруга зарделась, как маков цвет.

– А у вас, девушка, есть имя? – Дмитрий пристально рассматривал Ивку, от чего той стало неловко.

– Меня зовут Иванна, – представилась она и с вызовом посмотрела парню в глаза.

– Ничего себе имечко! И как же вас, мадам, кличут простые люди? – озадачился Дмитрий.

– Ива, Ивка.

– Ну, вот и познакомились, – сказал он и поставил свою сумку рядом с их вещами. – Надеюсь, не возражаете, если мы составим вам компанию.

– Ничуть, песок не купленный. – Тося уселась на покрывало.

Иванна опустилась рядом с ней. По-прежнему молчащий Лёва расстелил плед, выложил на салфетки одноразовые тарелки с нарезанной колбасой, сыром, гренками, крохотными огурчиками. Рядом поставил бутылку с красным вином и четыре пластиковых стаканчика.

– Девушки, давайте выпьем по капельке за знакомство, – предложил Дмитрий, откупоривая бутылку.

– Я не буду, – отказалась Ивка, ей не понравился какой-то хозяйский взгляд, которым окинул её парень. Он словно оценил и решил: девушка для развлечения вполне подходит.

– А я буду, – сообщила Тося и взяла стакан. Она скучала, а эти ребята могли отвлечь от дум. Окончив медучилище, Тося не жаждала работать по профессии, поэтому стояла на перепутье: остаться в городе или вернуться в деревню.

– Ива, это сухое, очень лёгкое, хорошее вино. Просто попробуй, – вдруг низким басом прогудел Лев.

От неожиданности девушки вздрогнули и засмеялись.

– Надо же, ты умеешь говорить! – восхитилась Тая. Она сидела, кокетливо изогнувшись. Крутое бедро подчеркивало тонкую талию.

Ивка пригубила вино. Действительно, оно оказалось ароматным, терпким и легонько покалывало язык. Она взяла бутылку в руку и прочла этикетку:

– «Монастырская изба». И правда, хорошее вино.

От воспоминаний на языке почудился вкус винограда. С того чудесного дня на море Иванна на любой праздник старалась купить бутылку «Монастырской избы», но или вкус вина изменился, или его стали делать по-другому, того аромата она больше не чувствовала. Она вздохнула и перевернулась на другой бок.

«Не сплю, так хоть тело отдохнет».

Они тогда провели замечательный день. Рискуя обгореть сильнее, купались в тёплом море, прыгали на больших волнах. Пили вино, играли в карты и лото, взятое предусмотрительным Лёвой. Парни не приставали, не говорили двусмысленных шуток, просто шутили, рассказывая анекдоты и смешные истории. Молчаливый Лёва под влиянием вина раскрепостился и начал остроумно показывать пародии на известных артистов и ведущих на телевидении. Вечером никому не хотелось расставаться.

– Как жаль, девчонки, что мы сегодня уезжаем, – загрустил Дмитрий и посмотрел на Ивку.

– Мы тоже. Вечером наш поезд, – с не меньшей грустью в голосе проговорила Тая.

– Вы не местные? – удивился Лёва.

– Нет, конечно. На два дня приезжали к тётке на море. Сказка кончилась. Ивке в понедельник на работу, а мне определяться, чем займусь дальше, – упавшим голосом сообщила Тося.

Иванна собрала мусор в пакет. Лёва забрал и отнёс его в урну, стоящую неподалёку.

– Девочки, на каком поезде вы отправляетесь домой? – полюбопытствовал Дима.

– Ростов – Майкоп, – ответила Тая, укладывая вещи в сумку.

– Вы не поверите, но мы тоже на нём поедem, – присвистнул Дмитрий. – А где вы живете?

– В Излучинске. – Тая замерла в ожидании, не веря в чудо.

– Здорово! Это надо же быть из одного города, а встретиться на море, – засмеялся Дмитрий и, схватив на руки оторопевшую Ивку, закружил её.

Вот так они познакомились. Тая через полгода вышла замуж за Лёву. Удивительно, но неповоротливый, как медведь, парень оказался промышленным альпинистом. Балагур и весельчак Димка работал таксистом. Иванна встречалась с ним год, прежде чем он сделал ей предложение. Она ждала этого, ей надоело мыкаться по квартирам, встречаться в кино и мёрзнуть зимой на лавочках и подъездах. Дмитрий нравился Ивке лёгким характером, обязательностью и щедростью. Он обожал делать подарки и сюрпризы. По её меркам он был обеспеченным: у него имелась своя отдельная от родителей трёхкомнатная квартира, машина и неплохой заработок. Это тоже сыграло значительную роль в желании выйти за него замуж. Она отдавала себе отчёт, что большой любви не испытывает, но он приглянулся ей. Иванна получила красивую фамилию – Солей.

«А вдруг я не способна на высокие чувства? Очереди из поклонников что-то не наблюдается, хочется стабильности, а ещё больше остаться в городе», – размышляла она тогда.

Ивка и Тая выросли в маленьком селе Потапово, в котором проживали преимущественно пенсионеры. Молодежь разъехалась по городам из-за отсутствия в деревне работы. Колхоз давно развалился. Клуб закрыли, библиотеку тоже.

Из цивилизации остался только магазин и фельдшерский пункт, работающий два раза в неделю. Два расположенных рядом хутора совсем обезлюдели. Поля заросли сорняками и кустарником. Ивка, Тая и ещё двое одноклассников ходили в школу, расположенную в соседнем селе. Школьный автобус, крохотный «пазик», собирал детей ещё с трёх хуторов и всегда оказывался переполненным. В хорошую погоду потаповцы предпочитали четыре километра пройти пешком, чем трястись по бездорожью в душном «пазике». Подруги мечтали быстрее вырасти и покинуть село. Отцы Ивки и Тоси, потеряв работу в перестройку, начали пить по-чёрному. Иванна не помнила отца трезвым. При его появлении с очередной шабашки, она исчезала из дому. Появлялась только, когда он спал или в пьяном забытии сидел за столом. Она не раз говорила матери: «Как ты можешь жить с этим уродом. Давай уйдём от него!»

«Куда?» – тоскливо спрашивала мать. – Где мы будем жить и на какие деньги. – Потом добавляла: – Он не такой уж плохой. Просто ему не везет с работой. Тебе его совсем не жалко? Без нас он пропадёт! Да и не всегда Лёня был таким. Постарайся его не злить и всё будет хорошо».

Иванна не понимала материнской жалости и ненавидела отца всей душой. Она запомнила день и час, когда её впервые опалило этой ненавистью. Ей стукнуло девять лет, отец взял с собой в дальнюю поездку к родным. Теперь, в свои тридцать один, она осознает, что родителю не исполнилось и

сорока лет. Почему-то перед глазами Ивки всегда возникает образ лысоватого мужчины с характерным землистым цветом лица, какой бывает только у сильно пьющих или больных людей. В поезде мучающийся с похмелья отец три дня придирался к ней по поводу и без повода. Он так измучил её своими насмешками, одергиванием и уничижительными словами, что на очередной стоянке поезда Ивка выскочила из вагона. Она села на привокзальную скамью и, не шевелясь, стала наслаждаться покоем. Из соседнего вагона вышли две девочки, её ровесницы, одетые в симпатичные розовые пуловеры и джинсы со стразами. Следом на перроне показался их отец – стройный красивый мужчина в военной форме. Он обнял дочерей, что-то тихо им сказал и направился к киоску. Иванна с завистью смотрела на попутчиц и только теперь обратила внимание на свою невзрачную кофточку, серые от пыли шлепки и немодную юбку. Военный принёс дочерям мороженое. Они ели его и переговаривались между собой.

«Почему именно мне не повезло с папашей? Чем эти девочки заслужили счастье родиться в дружной семье?» – злилась Ивка.

– Ты долго там будешь греть задницу! – закричал отец, высунувшись в окно. – Сбегай, купи мне минералки!

Она направилась к вагону. Отец протянул деньги в открытое окно. Купив в киоске бутылку «Нарзана», подала родителю.

– Иди на своё место! – скомандовал он.

– Но ещё рано, поезд стоит, – возразила Ивка.

– Я сказал, заходи!

Она обожгла его сердитым взглядом и не сдвинулась с места. Через несколько секунд отец вышел из вагона и, сжав рукой хрупкое плечо дочери, прошипел:

– Ты такая же упёртая, как твоя безмозглая мать!

В ту минуту Ивка поняла: ненавидит этого человека, который, мучаясь желанием выпить, вымещает на ней плохое настроение. Издевается над своей дочерью, полностью зависящей от него. Именно тогда она испытала глубочайшее разочарование в отце.

Пока Иванна подрастала и училась в младших классах, любила своё Потапово, утопающее в садах. За селом бежала неглубокая речка, в ней водились караси, плотва и другая мелкая рыбешка. Всё лето немногочисленная детвора купалась на речке, удила рыбу, варила уху на костре. Эти воспоминания долгие годы грели душу Ивки.

Дома же ничего не менялось. Выполнив какую-нибудь работу, отец покупал бутылку самогона. Употребив зелье, начинал воспитывать жену и дочь, пока не забывался тяжёлым сном. Со временем Иванна перенесла ненависть к отцу и на место, где жила. Она твердила матери:

– Уеду в город. Там люди, приходя с работы, не бегут на огород, чтобы полить рассаду или прополоть картошку. Не чистят через день сарай после уток и кур, не рвут траву кроликам, не выполняют тысячу других дел. Горожане идут в

магазин и покупают всё, что нужно. Свободное время тратят на театр, кино и культурный отдых.

Мать, Елизавета Павловна, только вздыхала, утешая дочь.

– Разве я против. Окончишь школу и уедешь в город учиться. Я буду рада, если тебе не придется, как мне горбатиться в поле.

Ивка и Тая с седьмого класса начали строить планы переезда в город. Ни у родителей Таисии, ни у Ивкиных денег на платное обучение не имелось. Девочки старательно учились, надеясь поступить в Медицинский институт. Ивке легче давалась физика и математика, Тае – биология с химией. Поступить удалось только в медучилище, но подруги были счастливы. Лишь одно занозой сидело в душе и мешало радоваться по–настоящему: влюбленность Иванны в друга детства Данилу. Она скрывала это чувство от всех. Запрещала себе даже думать о нём. Прячала робкие ростки первой любви глубоко под ворохом сомнений, яростной неприязни деревенской жизни и неистового желания жить в городе.

«Чувство это быстро забудется, – размышляла Ивка. – Моя судьба ждёт меня впереди».

И действительно она всё меньше вспоминала Даньку, и только ночами он изредка снился ей. Утром сон забывался, оставляя в душе беспокойную маету и печаль на весь день.

Иванна проснулась с тяжёлой головой, будто не проспала три часа, а только прилегла.

«Лезло всякое в голову. Не такая уж я и старая, чтобы предаваться грёзам о прошлом. Да и что хорошего я видела в том прошлом», – поморщилась она.

Дневной сон вернул силы, но не бодрость духа. Она умылась холодной водой и зашла в зал.

– Привет, – она улыбнулась мужу, сидящему в кресле. Когда вернулась с работы и готовила еду, он ещё спал.

– Дай пожрать, – поприветствовал её Дмитрий.

Ивка удивилась:

– Я же сварила суп, разве ты не обедал?

– Это ты о той бурде в кастрюле? Приготовь что-нибудь посущественнее.

Она достала из аптечки таблетку. Голова раскальвалась.

– Санька приходила?

– Да. Она сейчас у подруги. Сказала, что тётя Оля сошьёт их куклам платья, – хмыкнул Дмитрий.

Иванна испытала стыд: она давно обещала сшить новые платья для Санькиной «Барби», а Оля вот выкроила время.

– Что приготовить?

– Мясо. – Муж зевнул и переключил канал. – Завтра снова на эту чёртову работу. Надоело!

«А уж как мне надоело! – вспыхнула она. – Где кино, театры, о которых я мечтала. Димку невозможно вытащить из дому».

В холодильнике лежал небольшой кусок свинины.

«Мужу хватит. Саше сделаю три-четыре котлеты, а я доем вчерашний плов», – решила Иванна.

Как-то так получалось, что она всегда отдавала лучшие куски Дмитрию. Нет, она никогда не оставалась голодной, но привыкла сначала кормить мужа, потом дочь и в последнюю очередь думала о себе. Он или не замечал, что жена обделяет себя или считал это правильным. Так же дело обстояло и с покупкой вещей, если Дима полагал, что ему нужен новый свитер, куртка или обувь, покупал, не раздумывая. Он не подсчитывал, дотянут ли они до зарплаты. А Ивка покупала себе обновы, когда уже нельзя было не купить. Их семья не бедствовала, но её заработка и зарплаты мужа едва хватало, чтобы заплатить коммуналку, купить продукты и кое-что по мелочи. На еду уходила основная часть денег. Она приготовила отбивные и позвала Дмитрия к столу. Села рядом пить чай. Головная боль прошла.

– Вот другое дело! Очень вкусно. Спасибо. – Довольный супруг погладил свой живот и ущипнул жену за бок.

Иванна машинально шлёпнула его по руке.

– Толстеешь мать, – произнёс он, – вон, сколько сала на боках.

– Спасибо за комплимент. На себя посмотри, – разозлилась Ивка.

Дмитрий к тридцати пяти годам обзавелся приличным животиком и выглядел обрюзгшим.

– Мужчине достаточно выглядеть чуть лучше обезьяны, и он будет востребован, а женщине, утратившей обаяние, ничего не светит, – изрёк муж избитую фразу с глубокомысленным видом.

«Как ни странно – он прав. У нас в больнице каждая третья сотрудница либо разведёнка, либо никогда не выходила замуж. Не считать же за брак нынешнюю моду на сожительство», – подумала Иванна и набрала на телефоне номер дочери.

– Сашуль, мы же в кино собирались, уже почти шесть вечера?

– Мамочка, буду через полчаса, пойдём в семь часов на «Хроники Нарнии».

Дмитрий отправился в зал смотреть любимый сериал. Она навела порядок на кухне и прилегла в ожидании дочери на кровать.

Муж задел за живое. Вспомнился давний разговор матери с соседкой тётёй Катей.

Иванна училась тогда в десятом классе. Она делала уроки в своей комнате. Дверь на кухню осталась открытой – Ивка хорошо слышала собеседниц.

– Семка-то бросил Клавку и смылся с докторшей. Она проплакала три дня и порешила вернуть Семёна во что бы то ни стало, – сообщила новость тётя Катя.

– Клава сама виновата. Распустила себя. Растолстела. Ни причёски, ни макияжа, а эта фельдшерица Анна ладная, то-

ленькая, как девочка и ласковая, как котёнок. Мужик ведь большой ребенок: вкусное любит, да что б его по головке гладили, – рассуждала мать.

Ивка не верила своим ушам – это говорила её мама, которая одевалась, как серая мышка и была не раз бита пьяным мужем. Господи, какая ласка! О чём она? Видимо, мать рассуждала абстрактно, не примеряя это к себе. Отцу, постоянно находящемуся под хмельком, всё равно во что одета и как выглядит жена.

– Клава неделю голодала, – рассказывала дальше тётя Катя. – Десять кило скинула. В городе купила на все деньги нарядов. Причёску в парикмахерской забабахала. Красивая стала – не узнать! – с восхищением повествовала соседка. – Собралась она и поехала за любовниками в Анапу.

«Клаве, чтобы похудеть, полгода надо, а не семь дней», – ехидно подумала Иванна.

– Дай-ка, чайку подолью. – Послышался звук льющейся воды и тихий голос матери. – И что дальше? Клава тебе сама рассказывала?

– Не мне одной. Всем бабам. На работе. Как только вернулась с Анапы, так и рассказала. Так вот, Клавка узнала у тёти Глаши, в какой санаторий дали фельдшернице путевку, и отправилась в путь. Купила путевку туда же, где находилась разлучница и сбежавший муж. Надела новый купальник и вышла на пляж. Вокруг белые, не загорелые люди, а Клава, будто на морях уже побывала. Все интересуются: «Женщи-

на, где вы так успели хорошо загореть? Подскажите, на каком море?»

И тут Иванна поняла: Клава вдохновенно сочинила своим подругам сказку. Никто в здравом уме не спутает грязно-коричневый деревенский загар с морским, ровным и шоколадным. А главное, женщины словно забыли, что загорелыми до черноты у Клавы были только руки до плеч, ноги до колен, декольте и лицо. Всё что обжигало палящее солнце во время прополки в поле. Так загорела и тетя Катя, и мама, и даже Ивка. Ей стало жаль Клаву, которая потратила последние деньги и испытала жуткое унижение, пытаясь вернуть непутёвого мужа. Возвратившись в деревню, она придумала байку и для любопытных подруг, и для своего успокоения.

– И вот сидит Клавка на пляже, а мужики заглядываются. У похудевшей Клавы фигура нечета плоским городским доскам, – хихикнула тётя Катя.

«Как же похудела! Для стокилограммовой Клавы потерять десять кило, как слону дробина», – усмехнулась Ивка. И представила на пляже полную, с большой грудью девушку с деревенским загаром, растерянно ищущую взглядом сбегавшего Семена.

– Вечером Клавка снова сходила в парикмахерскую, сделала причёску, накрасилась, надела шикарный костюм и пошла в ресторан санатория, – повествовала тётя Катя.

– Погоди-ка, проверю, спит ли Лёня? – Мать показалась из кухни.

Иванна притаилась за дверью, сгорая от стыда. Она подслушивала! Вскоре мать вернулась на кухню, и соседка продолжила рассказ.

– Входит Клава в ресторан, посетители повернули головы в её сторону. А Сёмка, увидев такую красивую жену, встал и кинулся к ней.

– Прости, Клава, не ценил тебя! Вижу теперь, нет никого краше тебя! Прости и прими обратно.

– А что же она отвечает? – поторопила замолчавшую соседку мать.

Тётя Катя, как хороший актёр, держала паузу.

– А Клава отвечает: нет, не прощу! Смотри теперь и жалей, кого потерял! И гордо вышла из зала ресторана. Заплакал Семка, но поздно. Посмотрел он на фельдшерицу и плюнул.

– Не простила! – ахнула мать. – Может, не стоило так гордиться? Мужик осознал, что натворил, пусть домой возвращается.

– Мы тоже так сказали Клаве. Но она твердит: лучше одной жить, чем с предателем, – закончила рассказ соседка.

Иванна ясно представила на пороге ресторана наряженную, как новогодняя ёлка, Клаву. Молодая женщина обожала ярко-синие тени и мазала их до бровей, а брови красила в жгуче чёрный цвет. Довершала боевую раскраску алая губная помада с блеском. Новое платье Клава, как пить дать, купила блестящее с люрексом. И скорее всего, не сдержав-

шись, плакала возле столика коварного Семки и просила его вернуться.

«Никогда не буду толстеть и становиться бесформенной коровой, – поклялась она тогда себе. – И не позволю мужчинам унижать меня и выставять на посмешище».

Ивка встала с кровати и посмотрела на свое отражение в зеркале: тусклые неухоженные волосы собраны в хвост, мешковатая одежда, попытка скрыть полноту, и взгляд уставшей, разочарованной женщины.

«Куда делась веселая, тоненькая девушка, мечтающая о жизни в городе. Мечта исполнилась, но видимо, этого мало».

Она накинула свободную лёгкую кофточку, июльский вечер обещал быть тёплым.

– Мам, я дома! Идём в кино. Дай только водички, пить хочу, – кричала дочь, стоя на пороге квартиры.

– Дима, мы пошли, – сообщила она мужу, заглянув в зал.

– Делать тебе нечего! Лучше бы легла спать пораньше. Жалуешься, что устала, а сама тащишься в кино, – буркнул муж, не отрывая взгляда от экрана телевизора. Дмитрий покосился на жену. Уже два года она перестала волновать его, как женщина. Изредка он спал с ней, снимая напряжение, но всё чаще Ивка вызывала у него глухое раздражение. Покорное, тупое выражение на лице жены иногда бесило его до зубного скрежета. Правда, она была удобным сожителем по квартире: безропотно готовила, убирала, обслуживала его.

«Для чего ещё нужна жена, как не для удобства, – раз-

мышлял он. – Для удовольствия я всегда себе найду кого-нибудь».

И находил, правда, изредка. Он любил свою уютную квартиру, дочку, тихую и ласковую девочку, и даже Ивку ценил за незаметность, за то, что не мешала жить так, как ему нравится. Жаль: нервировала иногда. Дмитрий единственный ребёнок у родителей. Из ласковых рук матери плавно перебрался в руки жены, поначалу не такие умелые, как мамыны, но со временем ставшие более опытными. Еда по возможности готовилась только та, что он любит, передачи по телевизору смотрелись только те, что он хотел. Мужчине не приходило в голову, как эгоистична его натура, замыкающаяся на себе любимом.

Он искренне считал: «Смотрите любимые передачи днём, пока он, глава семьи, на работе. Жена возмущалась: стал много пить! А попробовала бы эта клуша, поездить весь день по забитым транспортом улицам, выслушивая нытье клиентов. Я имею полное право расслабиться после рабочей недели. Могу в любое время бросить пить, когда захочу. Я не алкаш какой-то».

Дмитрий поморщился, некстати вспомнив, что проиграл деньги, играя на тотализаторе. Деньги небольшие, но обидно, что любимая команда волейболистов, так позорно продула. Ивка второй вечер нудит, что дочке нужно покупать к школе всё новое: выросла из прошлогодней формы.

«Гляди-ка, а малявка-то вытянулась. Ладно, вытащу из за-

начки, пусть купит Саньке обновки».

Иванна собиралась на рынок и по магазинам, Дима наконец-то выделил деньги.

«Лучше не ждать школьных базаров. Тогда цены подскочат чуть ли не в два раза», – размышляла она.

Ива расчесывала волосы, Санька крутилась рядом, поглядывая на неё странным обеспокоенным взглядом.

– Мам, сними эту юбку, ты в ней выглядишь старой бабкой. И туфли у тебя со стоптанными каблуками – некрасиво же. Пожалуйста, переоденься, – краснея, попросила дочь.

Иванна посмотрела в зеркало. Неудачный фасон юбки добавлял лишние килограммы и делал фигуру более приземистой и тяжёлой. Она хотела возмутиться и накричать на дочь, но вспомнила себя.

Пятнадцатилетняя Ивка поехала с матерью в город. Елизавета Павловна собиралась приобрести дочери зимнее пальто и сапожки. Мама в старенькой куртке и немодных ботиках весело шла по улице, разглядывая витрины магазинов. Ивка остро воспринимала любые взгляды, брошенные на них прохожими, читала в них насмешку и любопытство. Весь облик матери буквально кричал: она из деревни, от пахоты и нищеты. Хорошо одетые люди шли навстречу. Сама Ивка, наряженная в симпатичную курточку, джинсы,

несильно отличалась от городской молодежи. А вот мама маленькая, аккуратная, но такая лапотно-деревенская её смущала. Она злилась на мать и дала себе слово: «Если у меня будет дочь, я буду хорошо и модно одеваться, чтобы ей не пришлось меня стыдиться».

Иванна вспомнила эту давнюю поездку в город, и у неё закололо сердце от острой жалости к матери. Та старалась, как могла, одевала её, почти ничего не покупая себе. С их доходами по другому не получалось. С болью Ивке припомнилось своё раздражение в магазине, когда она примеряла пальто. А ведь тогда мать отдала за обновку все деньги, накопленные за тяжелую работу летом. Себе мама купила только платок и радовалась ему, как ребёнок. Она была счастлива, что сумела одеть дочь не хуже других и терпела её раздражение и плохое настроение. Ивка отошла душой и повеселела только в селе, в нём не приходилось краснеть за мать. А мама украдкой вздыхала и косилась на неё, но ни разу не упрекнула.

Иванна сняла уродливую юбку, открыла шкаф и стала перебирать вещи. Слёзы капали на кофты и платья. Она плакала от жалости к матери и своей повторяющейся судьбе.

– Мама, не плачь! Да ну её эту юбку – одевай, только не плач, – услышала она дрожащий голос дочери.

– Нет, малышка, ты не должна меня стыдиться. Если я не люблю себя, то кто же ещё будет меня любить.

– Я, мама, я люблю тебя. – Саша прижалась к ней всем

телом.

Ивка вытащила летний костюм, который одевала только по праздникам.

– Санечка, дай мне пять минут.

Она нарядилась в костюм и почувствовала себя лучше. Нанесла макияж, улыбнулась своему отражению.

«А всё не так уж и плохо! Нужно сесть на диету. Выкроить деньги на брюки и пару блузок. Начну с понедельника».

Дочь оглядела её и счастливо улыбнулась.

Они потратили полдня на покупки, но эти часы провели с обоюдным удовольствием.

Иванна очнулась на жёсткой кушетке. В виски словно вонзили раскалённые гвозди. Она недоумённо приподнялась на локте.

«Что случилось? Почему я здесь лежу?»

Оглядела комнату. Процедурная. Открылась дверь, вошла медсестра, работающая с ней в одну смену.

– Пришла в себя? Здорово же ты нас напугала!

Ивка потрогала голову. На затылке нащупала большую шишку.

– Я упала?

– В обморок. Прямо возле больного в палате, напугала мужика до смерти. Он прибежал в кабинет лечащего врача и,

заикаясь, ляпнул, что ты откинула копыта.

– Прямо так и сказал? – не поверила Иванна.

– Ага. Ты ставила градусник дяде Коле.

– Точно. Хорошо, что мужчина говорил без мата.

– Я бы так не думала, эти слова стояли внутри цветистого оборота из отборного мата.

– Бедный Алексей Валерьевич, – усмехнулась Ивка.

Дежурным врачом в их смену работал застенчивый, только что окончивший институт молодой врач. Он краснел и терялся от любого грубого слова.

Алексей Валерьевич направил Иванну на обследование. Больших проблем со здоровьем коллеги у неё не выявили. Второй более глубокий обморок случился ночью. Она упала в коридоре, снова напугав больных. После этого Иванна решила перейти из ночных медсестер в дневной стационар. Ей предложили место медсестры, обслуживающей больных на дому. Иванна выполняла назначения участкового врача. Приходилось исписывать кучу бумаг и за день наматывать километры. В этом была и своя польза: женщина похудела и посвежела. Обмороки прекратились. Существовал здесь и дополнительный заработок: небольшие суммы платили за незапланированные уколы другим домочадцам больного, дарили коробки конфет и шоколадки. Однажды делая укол бабушке из элитного дома, она получила предложение: за шесть тысяч в месяц два раза в неделю убирать квартиру. Ивка хотела возмутиться, но потом осмотрела апартаменты

пожилой женщины и согласилась.

– Анжела Петровна, я буду наводить порядок после работы, по вторникам и пятницам.

– Хорошо деточка, – смиренно согласилась старушка.

Иванна еле сдержала смех. Бабуля не из неробкого десятка и по вредности превосходила бабу ягу. Анжела Петровна привыкла к лёгкой, обеспеченной жизни, будучи замужем за крупным чиновником из областной администрации. Женщина никогда не работала и привыкла, чтобы её капризы выполнялись, а слабостям потакали. После смерти отца сын, женившись, купил матери двухкомнатную квартиру в хорошем районе города и отселил её. Невестка не желала жить в одном доме с требовательной свекровью. Заботливый сын нанял в помощницы маме приходящую кухарку и домработницу. Кухарка суровая неразговорчивая женщина средних лет появлялась утром, готовила на день и исчезала. Она продержалась у взбалмошной Анжелы Петровны два года, а вот домработницы менялись каждые два месяца. Последняя устроила разборки с хозяйкой на глазах медсестры. Иванна заметила, что бабуля получала огромное удовольствие от скандала. Глаза Анжелы Петровны молодо сверкали, хотя она делала вид, будто потрясена поведением девушки, которую сама же и довела до истерики. Ивка поняла психологию старушки.

«Ну что ж, сколько сумею, столько и продержусь. Тем более что деньги хозяйка квартиры обещала платить исправ-

но».

Кроме уборки в её обязанности входили походы в магазин, расположенный на первом этаже дома. К зарплате медсестры дополнительные шесть тысяч – весомый довесок. Как-то закладывая в холодильник купленные по списку хозяйки продукты, она не смогла их вместить.

– Анжела Петровна, в холодильнике все полки заняты и морозилка переполнена. Что делать? Сказать кухарке?

– Нет, деточка, перебери и выкинь в мусорку те, у которых срок на исходе. Я кушаю только качественные продукты, слава Богу, не плебейка, могу себе позволить.

Иванну обдало жаром, но она стиснула зубы, понимая, что хозяйка нарочно её злит, разыгрывая спектакль.

– Конечно, Анжела Петровна, вы же особенная... – про себя добавила: – змея. – Она перебирала упаковки с мясом, рыбой, фаршем, морепродуктами и не знала, что делать. На всех стоял не истекший срок годности. Отобрала пакет с мясом месячной давности и сверток с морепродуктами.

– Вижу: тебе жалко выбрасывать. Дай. – Хозяйка забрала из рук Ивки крепкий целлофановый пакет и шустро наполнила всем, что попало под руку.

Иванна потеряла дар речи: бабуля собиралась выбросить качественные дорогие продукты.

– Послушайте, Анжела Петровна, если вам это не нужно, – она показала на пакет, – можно я заберу домой.

– Нет, деточка, я не позволю вам травить себя заморозкой.

Вынесите на мусорку. Сейчас же! Когда вернётесь, наведите порядок на балконе.

Ивка хотела возразить, но тут же заметила злорадный блеск глаз старой женщины. Она сообразила, эту изощрённую пытку бабуля применяла ко всем домработницам.

– Сейчас всё сделаю.

Иванна подняла тяжелый пакет и потащила к выходу. Она сейчас несла в руках продукты стоимостью две её зарплаты. Целлофан угрожающе затрещал, еле успела прислонить пакет к мусорному баку, как ручки оборвались.

Она навела порядок на балконе, убрала в комнатах, ванной и туалете. Прощаясь, хозяйка квартиры вручила ей семьсот пятьдесят рублей. Анжела Петровна предпочитала платить оговоренную сумму частями, за каждый день работы. Вручала так, будто медсестра не заработала эту сумму, а выпросила у неё доброй самаритянки. Иванна вышла из подъезда, на улице уже смеркалось. Она помнила о вынесенных на мусорку продуктах.

«Сегодня стояла прохладная погода, большой пакет полон заморозки – продукты не должны испортиться. По идее они не успели даже разморозиться».

Ивка зашла в магазин и купила два крепких пакета. Крадучись и оглядываясь по сторонам, как вор, подошла к мусорным бакам. От стыда, что её могут увидеть, горели уши и лицо. Продукты действительно только-только начали размораживаться, вокруг них образовалась грязная лужа. Мор-

щась от запаха из баков, она быстро переложила подтаявшие продукты в купленные пакеты. Выпрямившись, окинула взглядом окна дома и замерла. На балконе стояла Анжела Петровна и смотрела прямо на неё. Мусорные баки освещал только один тусклый фонарь, но его света оказалось вполне достаточно, чтобы разглядеть Иванну. Обе женщины какое-то время таращились друг на друга. Ивка вышла из ступора, от злости даже пропал стыд. Она помахала рукой старушке, подхватила ношу и отправилась домой.

В следующий вторник решила не появляться у Анжелы Петровны. Делать уколы старушке собиралась просить другую медсестру. Иванна уже поняла: у бабульки заготовлено много способов глумления над людьми. Видимо, она так развлекалась. Ивка подсчитала, какую сумму она сэкономит, не тратя деньги на питание, и повеселела. Теперь можно подумать и о новом платье, и о сумочке, даже останется на покупку нескольких пачек бисера. В редкие свободные часы она с дочерью из тонкой проволоки и бисера мастерила фигурки зверей, птиц, букетики цветов. В эти минуты Иванна отдыхала душой. Они неторопливо беседовали, Саша рассказывала о школе танцев, о подругах – это было их время. Необыкновенно красивые поделки из бисера дарились друзьям и знакомым на дни рождения.

Вечером Дмитрий с удивлением посмотрел на поданный ему ужин.

– Мы внезапно разбогатели, а я не в курсе? – На столе

красовались мидии с золотистым луком, грибы в сметане и три больших куса стейка с поджаренной корочкой.

– Ты же знаешь, я убираю квартиру, появился дополнительный заработок, – объяснила Иванна и покраснела, вспомнив мусорку.

Во вторник она передумала – решила посмотреть, как поведёт себя Анжела Петровна. Ивку подстегивала какая-то весёлая злость и желание поставить на место заносчивую бабку. Она уже догадалась, что повела себя так, как все её предшественницы.

Иванна сильно устала, ноги гудели, будто к ним подключили провода высокого напряжения. Ей пришлось взять дополнительных пациентов заболевшей медсестры, а потом выдержать, не сорвавшись, противостояние с Анжелой Петровной. Правда, тут она сама виновата, могла бы не приходить. При её появлении на пороге квартиры старушка на минуту потеряла дар речи, но быстро справилась с собой и проворчала:

– Вы, милочка, сегодня немного позже обычного.

– Пришлось подменять прихворнувшую коллегу, – ответила Ивка и, накинув халат, принялась за уборку.

Хозяйка не обмолвилась и словом об увиденном ею с балкона. Иванна тоже промолчала. Закончив уборку, собралась

уходить.

– Дорогая, простите, я уронила марганец в ванной, наведите, пожалуйста, там порядок.

Чертыхнувшись про себя, Ивка отправилась в ванную комнату. Старушка усердно постаралась насыпать марганец везде: в раковине, на кафельном белом полу, в ванне и даже на стеклянных полочках. Так поступить можно только нарочно.

«Бросить все к чёртовой матери», – негодовала Иванна. – Но руки уже поливали из душевого шланга ванну. Упрямство не позволяло ей так быстро сдаться. Когда она закончила уборку, то еле стояла на ногах. Анжела Петровна вручая деньги, усердно вглядывалась в её измученное лицо. Ивка молча взяла купюры, не глядя сунула их в кармашек сумки.

Открыв дверь своей квартиры, уже из коридора услышала звуки и шум выстрелов. Муж сидел за компьютером, играя в войну. Она прошла на кухню. В мойке горой лежала немытая посуда, на столе крошки и пятна от кофе. Раздражение острой горечью стало подниматься к горлу. В спальне валялась небрежно брошенная одежда. Иванна, стараясь взять себя в руки и не сорваться на крик, зашла к мужу в зал.

– Для меня наступил бы праздник, если бы ты хоть раз приготовил ужин.

– Привет. Ты уже дома, а я увлекся и не услышал. – Он на секунду оторвался от экрана.

Возле ножки стола стояла пустая пивная бутылка, а на сто-

ле бокал с недопитым пивом.

– Сегодня даже не пятница. – Она гневно показала на бутылку.

– Не гунди и не начинай, это живое пиво. Должен же я как-то расслабиться, – взвился муж. – Знаешь, сколько проблем на работе!

Иванна поправила на диване покрывало, собрала с журнального столика остатки сухой рыбы. Забрав со стула полотенце, вернулась на кухню. Постояла у окна, прижимая ладони к горящим щекам.

«Если начну ругаться, будет очередной скандал, а он всё равно поступит по-своему».

– Кстати, где наша дочь? – крикнул Дмитрий. – Это она не помыла посуду.

– У Саньки сегодня танцевальный кружок, – ответила Иванна, включая горячую воду. Третья трудовая смена началась.

– А почему я ничего не знаю об этом?

– Потому, что ты утром не слушал меня, а я говорила.

– Болтаешь много лишнего, вот и не слышал, – повысил Дмитрий голос.

«Ну да, ваше величество критиковать непозволительно», – разозлилась она, с грохотом устанавливая вымытую посуду в сушилку.

Звякнул дверной замок, вернулась Саша. Два раза в неделю она занималась в студии бального танца.

– Мамуль, приветик, а мы новый танец разучили. В сентябре наша студия выступит на дне города. А что ты готовишь на ужин? А у меня не получается чечетка. А ты купила мне книгу? – засыпала новостями и вопросами дочь.

– Книгу купила. На ужин макароны по-флотски и салат с капустой, – улыбнулась Иванна и подумала: «Самое быстрое, что смогла приготовить».

Санька побежала переодеваться и звать к столу отца. Минуты вечернего ужина были самым счастливым временем для семьи Солей. Подвыпивший, но не пьяный, муж весело шутил, подтрунивал над дочерью, а она щебетала, рассказывая ему свои новости. Потом Саша побежала вырезать бумажные платья для куклы из детской книжки, а Дмитрий вернулся в зал, смотреть очередной сериал про доблестную полицию. Ивка навела порядок в кухне и пошла в душ. Тёплая вода освежала и даже, кажется, смыла дневное напряжение.

Дочь закончила вырезать и начала раскрашивать кукольные наряды. Протянула вошедшей в комнату матери несколько готовых раскрасок. Иванна одобрила такую красоту.

– В студии не обижают?

– Нет, – хмыкнула дочь. – Мам, забыла сказать: завтра у нас чаепитие и праздник для родителей. Придёшь?

– Постараюсь.

– Мам, – дочь замялась. – Не одевай своё синее платье,

оно старое.

– Саш, но оно же хорошо выглядит, – растерялась Ивка.

Санька покраснела.

– Нет, ты в нём хуже всех.

«Собиралась ведь купить обновки, только не успела, – до-
садовала Иванна. – А дочка-то выросла, раньше не замечала,
в чём я одета».

– Не волнуйся, не надену платье, – успокоила она Сашу. –
Завтра не забудь поесть первое, в холодильнике стоит ка-
стрюля с супом.

При слове суп дочь скривила смешную рожицу: аппети-
том Санька похвастаться не могла. Раздеваясь в спальне,
Ивка напомнила себе о желании сесть на диету, о которой
уже благополучно забыла. Втянув живот, встала на цыпоч-
ки. Как-то нужно отрегулировать питание: кофе утром, су-
хомятка в течение дня и плотный ужин. Так продолжается
уже девять лет. Сто раз давала себе обещание с понедельни-
ка начать новую жизнь. С тех пор прошел не один понедель-
ник, прошел и сгинул, а килограммы всё добавлялись. Глу-
боко в душе она знала, что стала непривлекательной для му-
жа, и это её устраивало. После того как Дмитрий стал выпи-
вать, она резко охладела к нему. Все интимные отношения с
ним свелись к удовлетворению его и терпеливой покорности
с её стороны. Чем меньше он проявлял к ней интерес, тем
лучше. Их нормальные отношения длились всего два года.
Как ни странно, Иванна не сопоставила резкое охлаждение к

мужу с его пьянством. А если бы дала себе труд немного подумать, поняла бы: натерпевшись от пьяницы отца, не могла не остыть к мужу. Но она, как улитка, пряталась в своей скорлупе и не хотела думать. Проще поверить в свою фригидность и поставить на себе крест. Иванна покосилась на спящего Дмитрия, в комнате витал пивной запах. Брезгливо поморщилась, потянулась за своим одеялом, намереваясь уйти в зал. Рука мужа перехватила одеяло.

– Я тебя ждал, – игриво произнёс он.

Она могла поклясться, что минуту назад Дмитрий спал. Вечером, пока гладила ему на работу брюки и рубашку, дочери кружевную блузку в студию, супруг выкупался и ушёл спать.

Ивка подавила стон разочарования, но муж уловил её недовольство.

– Вот только не надо делать мне одолжение, – он отпустил одеяло и пробормотал что-то неразборчиво.

«Ну вот, теперь утром придется терпеть его недовольство и обидные замечания», – расстроилась она. Пока в раздумье топталась у постели, послышалось сонное сопение Дмитрия. Ивка облегчённо выдохнула и отправилась спать на диван. Только от размышлений и мыслей сон опять убежал.

«Завтра выкрою время и куплю платье или лёгкие брюки с блузкой. А ещё постараюсь не злить Димку, все-таки у него есть мужские потребности...»

Заснула она под утро. Звонок будильника вырвал из сна.

Снилось ей родное Потапово, не то, которое Ивка возненавидела, а село детства. Когда речка выглядела глубокой и чистой. Лес вокруг деревни казался таинственным, а игры с друзьями интересными. Её ещё не тревожили перепады отцовского настроения, ещё не появилась досада на покорное терпение матери. Сон вернул в короткую пору счастливого детства. Потом она помнила только эту материнскую покорность.

Иванна приняла холодный душ, пытаясь проснуться. Покорность... теперь и она так живет. Это слово занозой ввинтилось в усталый мозг. Ивка подала мужу завтрак. Вихрем пронеслась по комнате, убирая постели, разбросанные вещи, наводя порядок. Кофе выпила на ходу, позавтракать снова не успела. Наступающий день уже втягивал её в свой круговорот.

– Мама, я забыла сказать! – дочь задержала родителей на пороге квартиры. – Сегодня нужно сдать на танцевальные костюмы – две пятьсот.

– А нельзя подождать до зарплаты? – заволновалась Ивка.

– Мам, пап, нельзя! Костюмы будут заказывать в театральном ателье.

– Дим, у тебя полторы тысячи есть? У меня в кошельке тысяча. Анжела Петровна заплатила и триста рублей ещё осталось.

– Я что, миллионер, каждый месяц платить за костюмы! – возмутился Дмитрий и торопливо добавил: – Выгоню маши-

ну из гаража, жду тебя внизу. – И пошёл по ступенькам вниз.

Иванна открыла кошелек, собираясь отдать дочери хотя бы тысячу рублей, и замерла, перебирая купюры. В кошельке лежали три тысячи. Анжела Петровна вместо оговоренной суммы вручила ей большую. Она, рассердившись на вредную бабуку, взяла деньги не глядя.

– Возьми, отдашь учительнице. И пожалуйста, Саша, не потеряй.

В полдень Ивка, запыхавшись, ворвалась в квартиру. Перерыла шифоньер, пересмотрела вещи на плечиках. Кофточки и платья стопкой ложились на кровать.

«Это на меня не налезет, это давно вышло из моды, это вообще старьё». Она отчаялась найти хоть что-то подходящее. На глаза попалась подзабытая ею шёлковая бирюзовая блузка. Ивка подпрыгнула от счастья. Кофточка была чуть тесновата, но выглядела неплохо. В фойе её поджидала дочь. Увидев нарядную мать, Санька обрадовалась. Дети показали четыре танца. Иванна с гордостью отметила: дочь выглядит и держится не хуже других детей. Праздник получился замечательным.

После чаепития Саша отправилась домой, а она побежала на участок довершать обход больных.

Во вторник Ивка направлялась к Анжеле Петровне в боевом настроении. Она ничего не сказала старушке про лишние деньги, догадавшись, что та так оплачивает неподвижную работу. На этот раз Иванна быстро справилась с

уборкой. Она ничего не заподозрила, когда в спальне возле тумбочки нашла несколько купюр по пятьдесят рублей, деньги положила на журнальный столик. На кухне под столом обнаружила сотенную – вот тогда задумалась. Дальше работала очень внимательно, в ванной, протирая полку, отыскала ещё триста рублей. Все найденные деньги сложила стопкой на столике.

– Анжела Петровна, тест пройден? Деньги я положила в спальне, – ехидно сообщила она старушке.

Бабулька шустро вкатилась в комнату, пересчитала купюры.

– Здесь не хватает пяти тысяч, – спокойно сказала Анжела Петровна, и издевательски улыбнулась.

Иванна растерялась. Кровь прихлынула к лицу.

– Больше денег я не находила!

– А если проверить твою сумку?

Ивка побежала в прихожую, схватила свою сумку и высыпала содержимое на журнальный стол. Показала кошелек, в котором сиротливо лежали сорок рублей. Анжела Петровна перебрала вещи на столе.

– Обыскивать будете? – осведомилась Ивка.

– Пылесос... – задумчиво протянула вредная бабка.

– Что пылесос? – удивилась Иванна.

– Мусор из пылесоса удаляла?

– Нет ещё.

– Пошли. – Анжела Петровна, довольно улыбаясь, забра-

ла у неё бумажный мешок. – Что стоишь? Пошли на хорошо знакомую тебе мусорку. Да не забудь захватить кухонные отходы!

Возле баков пожилая женщина разорвала бумажный мешок и карандашом, извлеченным из кармана, поковырялась в пыли. С торжеством выудила из мусора красную бумажку. – Как вы, милочка, невнимательны!

Иванна от возмущения потеряла дар речи. Она молча поднялась в квартиру, сложила в сумку косметичку, ключи, кошелек, пакет с влажными салфетками и пару пластинок жевательной резинки. В коридоре Анжела Петровна протянула ей деньги. Ивка взяла. Старушка снова заплатила три тысячи. Иванна подняла глаза. На неё безмятежно смотрели выцветшие голубые глаза бабушки-одуванчика. Глядя на интеллигентное, с желчно поджатыми губами лицо старушки, никогда не подумаешь, что она может издеваться над другим человеком. В лице Анжелы Петровны что-то дрогнуло и пропало. Иванна сквозь зубы попрощалась и вышла из квартиры.

С досады решила зайти в магазин одежды эконом класса. Ей повезло, она приобрела две пары летних брюк, три блузки и совсем дешёвые босоножки. Повеселев, Ивка направилась к остановке маршрутного такси. Внимание привлекло необычное объявление на углу дома. На синей бумаге в рамке из пистолетов и ножей красовалось:

«Приглашаем всех, кто любит загадки, головоломки, при-

ключения и тайны, в клуб «Детективов». Сбор в четырнадцать ноль-ноль по вторникам и субботам».

Иванна посмотрела на часы – почти пять вечера. В голове забрезжила идея. Она перехватила пакеты удобнее и зашагала по указанному адресу. Клуб располагался в подвале. Тщательно отремонтированное помещение теперь походило на кафе и библиотеку одновременно. За небольшими столиками сидели несколько человек и что-то писали. Негромко играла классическая музыка, в воздухе витал аромат хорошего кофе. Ивка, чувствуя себя неловко, переложила пакеты из рук в руки. На неё внимательно смотрели несколько пар глаз. Наконец из дальнего угла комнаты поднялся господин в серой тройке, его белоснежная рубашка буквально слепила глаза. В руке мужчина держал тяжелую трость. Элегантный господин подошел к Иванне.

– Вещи мы определим сюда. – Он забрал из её рук пакеты и поставил в угол. – Проходите. – Взяв гостью под локоть, провел к столику. – Вы хотели записаться к нам в клуб?

Иванна оглядела разношерстную публику. Здесь находились четверо подростков обоих полов, три старушки, две молодые девушки и семеро мужчин разного возраста.

– Я хотела бы узнать, чем вы занимаетесь в клубе и что нужно для вступления к вам.

– Мы разгадываем интересные детективные загадки, расследуем преступления... Не волнуйтесь, – успокоил он собеседницу, заметив её недоумение. – Мы увлекаемся исто-

рией, и теперешние преступления нас не интересуют: в них нет интриги и большого ума. У нас есть призы и награды для удачливых детективов. Даже звания присваиваем. Это клуб по интересам. Для вступления в него нужен небольшой взнос: две тысячи рублей в месяц. Деньги идут на покупку напитков, бумаги и кое-чего другого. Иногда выезжаем на экскурсии по интересным местам. Я ответил на ваш вопрос.

– Да. Спасибо. Я могу привести к вам свою знакомую? У неё куча свободного времени и множество идей. Правда, Анжеле Петровне уже семьдесят, но она очень шустрая дама.

– Приводите.

В субботу, после обеда, Ивка с Сашей появились на пороге квартиры Анжелы Петровны.

– Вы ничего не перепутали, милочка? Сегодня не ваш день. Или вы решили оставить девочку на моё попечение?

– Нет. Мы с Санькой идём в парк. А вас я хочу отвести в одно место, где ваша любовь к интригам и загадкам получит новое развитие.

Анжела Петровна возмущённо подняла подкрашенные брови, но глаза заинтересованно заблестели.

– С какой стати я пойду куда-то с вами!

– Я хочу познакомить вас с интересными людьми в одном детективном клубе. Решайтесь, Анжела Петровна, будете сидеть дома или посмотрите на что-то новенькое. В конце концов, если вам не понравится, вы всегда можете уйти. И возьмите две тысячи, нужно заплатить вступительный взнос.

– Делать мне больше нечего, как по забегаловкам шляться, – буркнула старушка и скрылась в спальне.

Они стояли на пороге уже пятнадцать минут. Саша нетерпеливо дёргала мать за руку.

– Чего мы ждём? Бабушка не хочет идти. Пошли отсюда.

– Ещё на минутку задержимся, – попросила Ивка.

Из комнаты вышла Анжела Петровна в элегантном голубом костюме и в белой шляпке. У Ивки и Саши от удивления открылись рты.

– Хватит хлопать глазами. Показывайте, где ваш клуб.

Старушка с видом герцогини шествовала по улице, не обращая внимания на взгляды прохожих. Анжела Петровна напоминала королеву Елизавету не только внешне, но и статью. Клуб находился в трёх кварталах от дома пожилой женщины. Иванна не решилась предложить царственной спутнице доехать на маршрутном такси.

У входа в клуб стояли трое мужчин. Знакомый Иванны, увидев её, улыбнулся.

– Рад видеть вас снова.

– Это моя протеже, о которой я вам говорила.

Старик учтиво поклонился Анжеле Петровне и поцеловал её руку. Потом открыл дверь и жестом пригласил женщину войти. Ивка облегченно выдохнула.

– Теперь в парк, на карусели, – скомандовала она дочери.

– Мам, а почему старик так странно одет?

– Косит под английского джентльмена, – пояснила она и

взяла Саньку за руку.

Ивка не сразу догадалась, что Анжела Петровна привыкла быть в центре внимания, а после выдворения её из семейной квартиры сыном – скучала по общению. Будучи замужем за большим чиновником по меркам провинциального города, она недополучала толику интриг и восхищения. А так, как была в какой-то мере снобом, то развлекалась, третируя домработниц.

Дмитрий ждал Алёну уже час. Наконец она появилась на аллее парка, его охватила радость.

«Надо же, испытываю восторг, как подросток», – удивился он.

Его связь с этой женщиной длилась уже третий месяц. Они встречались на квартирах неженатых друзей, выезжали за город на природу, пару раз снимали номер в гостинице. С Алёной он познакомился случайно. Симпатичная блондинка заказала такси, Дмитрий немного опоздал. У подъезда рядом с горой вещей его ждала разъярённая девушка. Фурия накинулась на него с криками.

– Я жду вас на солнцепеке уже двадцать минут!

Дмитрий покосился на хмурое небо, оглядел покрасневшее лицо незнакомки, попутно отметив её ладную фигурку, и поинтересовался:

– Солнце спряталось от вашего гнева?

– Из-за вас я опоздала на электричку, а следующая будет только через три часа.

– Куда, мадам, изволит ехать?

Девушка назвала дачный поселок в тридцати километрах от города.

– За задержку во времени наша фирма доставит вас бесплатно, – ляпнул он, удивляясь сам себе.

С того дня они начали встречаться. Дмитрий не испытывал угрызений совести, он давно заметил нежелание Иванны с ним спать. Сначала обижался и порывался выяснять отношения. Потом плюнул – решил она такая уродилась. Если честно, с ней было скучно. Её даже обижать неинтересно: опустит голову и молчит. Тогда на пляже, по сравнению с прежними жеманными подружками, она показалась ему живой, настоящей, искренней. Он колебался почти год, не решаясь сделать ей предложение. Не приводил на подаренную родителями квартиру, слонялся с ней как студент по улицам и подъездам. К принятию решения его подтолкнула мать. Дмитрий по-прежнему жил с родителями, а в своей квартире появлялся только с очередной подружкой. Он решил познакомить родителей с Ивкой. Мама на удивление оказалась в восторге от неё. Мария Николаевна почувствовала в ней доброту и силу, нужную в браке с её немного безалаберным сыном. Отзыв любимой мамы решил дело. Дмитрий сделал предложение. Он не знал тогда, что родительница с радостью

снимала заботу и опеку с себя и с облегчением передавала Иванне. Родители, выйдя на пенсию, собирались исполнить свою мечту: переехать к морю. Так из заботливых рук мамы он плавно перешел в руки жены. Почти ничего не изменилось: Ивка кормила его любимыми блюдами, подавала выглаженное и чистое белье, не мешала заниматься своими делами и увлечениями. Через год она родила дочь. Дмитрий привык не отказывать себе ни в чем. Без зазрения совести он отдавал только половину зарплаты – заметил, что жена как-то выкручивается. Будучи азартным человеком, играл на тотализаторе, делал ставки. От природы Дмитрий – обаятельный лентяй. Попустительство ещё никому не приносило пользы, и он научился виртуозно изображать тяжело работающего человека, которому в выходные надо набираться сил для новой трудовой недели. Стал прикладываться к бутылке, отдыха без пива уже не мыслил. Правда, терпеливая жена стала всё чаще возмущаться, вызывая у него приступы агрессии и злости.

После женитьбы четыре года он не изменял жене, а потом снова у него стали появляться подружки.

«А что делать, если со своей лахудрой чувствую себя кастратом», – оправдывал себя Дмитрий.

Встреча с Алёной изменила многое: он взглянул на себя со стороны. Увиденный им хамоватый лодырь, сильно ему не понравился.

«Жену упрекаю, а сам брюшко отпустил, постарела и

опухла рожа», – сетовал он.

Дмитрий собирался заняться собой, влюбившись по-настоящему.

Алёна, двигаясь лёгкой, летящей походкой, быстро преодолела разделяющее их расстояние. Обняла любимого за шею и прошептала:

– Куда поедем?

– За город. Я там классное местечко отыскал. Устроим пикник, провизия уже в машине. – В душе Дмитрия шевельнулась совесть: на костюме дочери отказал, а для этой красавицы не пожалел и пяти тысяч. Шевельнулась и отползла в дальний угол.

– Здорово! – обрадовалась Алена, предвкушая чудесную поездку на природу.

В конце июля Иванна заболела ангиной, неосторожно выпив холодного молока. Температура не сбивалась три дня. Она, шатаясь, готовила обед и падала в постель. Деньги, оставшиеся после зарплаты, таяли. Морозильная камера пуста. Муж не собирался экономить на себе. Бутылка пива стала ежевечерней. Она чувствовала, что стала раздражать его одним своим видом. За время болезни они несколько раз поссорились. Ивка заметила, что Дмитрий похудел, у него появились новые рубашки и джинсы. Утром муж уходил на

работу тщательно выбритый и благоухающий парфюмом. На её вопросы, откуда деньги, заявил: «Подвернулась шабашка, а у меня нет приличной одежды, вот и купил».

Иванна по привычке пыталась оправдать мужа и не могла.

«Он честно работает, и не его вина, что зарплата небольшая. Не все могут быть предпринимателями и коммерсантами. Ну, купил обновы, и я тоже купила. Чего придираюсь? – уговаривала она себя. – И все-таки, почему экономить приходится только мне, себя-то он не урезает в расходах? С самого начала семейной жизни я повела себя неправильно. Радовалась, что он женился на мне, и я смогла остаться в городе. Как идиотка безропотно взвалила на себя все домашние дела. Кто виноват, что стала серой мышкой, тихой домохозяйкой, замотанной и скучной. Как позволяю обращаться с собой – того и заслуживаю. Димка был весёлым и шепутным, а со мной стал домашним увальнем. Правильно говорит подруга Тая: «Есть женщины поднимающие мужей вверх к поставленным целям, есть тянущие вниз, в болото обыденности и скуки. Неужели я такая?»

Иванна вышла на работу, будучи ещё слабой. За семь дней болезни она скинула килограмма четыре, и теперь старая юбка то и дело перекручивалась на талии. Она обошла всех больных и добрела к дому Анжелы Петровны. Старушка открыла дверь, посмотрела в посеревшее лицо своей домработницы.

– Только косы не хватает, выглядишь, как пришедшая за

мно́й смерть, – заявила бабка.

– Я звонила вам, сообщала о болезни, сегодня мне лучше и смогу потихоньку прибраться у вас.

Хозяйка взяла её за руку и повела на кухню.

– Сейчас попьём чайку, а потом отправишься домой. Ещё не хватало, чтобы ты грохнулась тут у меня.

Ивке хотелось пить, она не отказалась и от бутербродов, сделанных Анжелой Петровной. В желудке с утра кроме кофе ничего не было. Она просто не успела пообедать. Старушка подождала, пока гостя насытится и смущенно сказала:

– Ты это... спасибо тебе за клуб детективов... Вот. Смотри. – Она с гордостью показала диплом. – Первое место и приз за раскрытие преступления.

– Какого преступления? – поперхнулась Иванна.

– Господи, темнота! Раз в неделю в клубе показывают улики с места преступления, называются действующие лица. Остаётся разгадать загадку. А ещё мы по очереди вынашиваем планы убийства.

– Надеюсь, только вынашиваете или уже перешли к совершению, – хмыкнула Иванна.

– Смейся, паяц! Думаешь легко придумать такое преступление, которое не раскроют сыщики клуба?

– Наверно, нелегко.

– То-то же.

– Спасибо, Анжела Петровна, накормили. В пятницу я приду, как обычно.

– Хорошо. Вот возьми запасной ключ от квартиры. Деньги за уборку положу в кухне на столе. Меня не будет дома. Я с Арсением собираюсь за город на шашлык.

– Арсений, это тот импозантный старичок с тросточкой? – поинтересовалась гостя, забирая ключ.

– Сама ты старушка! Арсений ещё ого-го.

Иванна шла по вечерней улице и остро жалела себя. Неужели ей всю жизнь придется терпеть пьяные ласки мужа, экономить копейки и задыхаться в каменной коробке на шестом этаже?

«Когда-то ты мечтала об этой коробке», – напомнила она себе.

Из маршрутки вышла в центре. В здешней муниципальной аптеке лекарства продавались чуть дешевле. Ивка купила таблетки и в раздумье постояла напротив парка.

«Немного поброжу по аллеям. Не хочется возвращаться в душную квартиру. Говорила Димке: нужно купить кондиционер. Так нет же, злится: сколько того лета? – Она вздохнула: – Нет, уже поздно. Нужно готовить ужин. В этом районе у меня пациент – завтра погуляю».

На следующий день Ивка почувствовала себя бодрее. Оставалось сделать уколы последнему пациенту, живущему рядом с парком.

«Быстро же я справилась, только три часа, а уже свободна», – радовалась она.

Купив мороженое, села на неприметную скамью, скрытую

от аллеи кустами жасмина. Ивка собиралась в полной мере насладиться отдыхом, съесть лакомство, а потом закрыть глаза и послушать шепот ветра и листвы. От раздумий её отвлек знакомый голос мужа.

– Я рад, что тебе понравились цветы.

Ивка приподнялась и сквозь листву увидела Дмитрия. Он разговаривал со стройной девушкой лет двадцати пяти.

Незнакомка понюхала лилии, счастливо улыбнулась и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала его в губы.

– Куда поедем? – Девушка коснулась пальцами нежных лепестков цветка.

– В то же кафе за городом, в котором были на прошлой неделе. Тебе там понравилось, я помню. – Дмитрий провел тыльной стороной руки по атласной щеке спутницы.

Ивка замерла, боясь себя обнаружить. Такое лицо у мужа она видела только один раз: девять лет назад. Дима пришёл на квартиру, которую она снимала, с букетом белых лилий, и сделал ей предложение. Тогда он был влюблен и счастлив. Белые лилии много значат для мужа: их обожает его мать. Невероятная обида и злость захлестнули Иванну.

«Пока она выкраивает копейки на еду, он кормит девицу в кафе».

Только мысль об унижении, которое она испытает, представ перед ухоженной хорошо одетой девушкой, пригвоздила её к месту. Иванне показалось: она даже перестала дышать.

– Ну что, идём? – Дмитрий, поигрывая ключами, повёл девушку по аллее.

Ивка осторожно выглянула из-за кустов. Муж галантно открыл переднюю дверь и усадил спутницу. Втянув живот, молодежато проскользнул за руль. Машина уехала.

Иванна, оглушенная увиденным, почти час сидела неподвижно. Мысли разбегались, и ей никак не удавалось ухватить их за кончик.

«А ведь я не ревную, – вдруг поняла она. – Просто мне обидно, что Димка обманывал и на свои увлечения тратил гораздо больше, чем я думала. Я экономила на всём, а он считал достаточным ту сумму, что выделял на семью».

Теперь её потуги каждый месяц сводить концы с концами показались унижительными. Иванна вспомнила об утренней просьбе дочери дать деньги на костюм.

«Оказывается, деньги у Дмитрия имелись, но не для нас!»

От вскипевшего в ней гнева Иванна сжала пальцы в кулаки. Решительно подхватила сумки.

«Пора домой. Хватит! Отдохнула в парке».

Проходя мимо большой витрины универсама, заметила отражение своего лица в зеркальном стекле. Испуганно вздрогнула: она не узнала себя.

«Вот значит, как я выгляжу со стороны. Хмурое, бледное лицо, брезгливо опущенные уголки губ, колючий взгляд. Да уж... та ещё красавица».

Ей вспомнилось счастливое лицо мужа, а потом своё отра-

жение в стекле витрины. Ведь не родился же Дмитрий махровым эгоистом! Что же случилось? И честно ответила себе: «Всё произошло моими стараниями». Если и имелись какие-то чувства в начале совместной жизни, то давно испарились. Она не любила его с самого начала. Дмитрий нравился ей, но и только. Как нравилась его трёхкомнатная квартира, машина и жизнь, которую Иванна представляла себе с ним, давая согласие на брак.

«Я стремилась уехать из села – уехала. Выскочила замуж за первого встречного, показавшегося подходящим для совместного проживания. Вот и получила».

От природы будучи эгоистом и себялюбцем, Дмитрий быстро воспитал жену под себя. Но его эгоизм не расцвел бы махровым цветом, если бы не её покорность. Чувствуя себя благодетельствованной, Ивка с самого начала все обязанности по дому возложила на свои плечи. Ей не составляло труда убрать, постирать, приготовить. После тяжёлой деревенской работы этот труд по дому казался лёгким и необременительным. Она приучила мужа не думать, что поставить на стол, чем накормить семью. Он отдавал ей зарплату, а Ивка планировала и содержала дом. Если вначале это было доверием, то вскоре превратилось в обязанность. Иванна стала работающей домохозяйкой. Во всём случившемся её прямая вина.

«Я сама позволила обращаться с собой так», – с грустью осознала она.

С детства Иванна насмотрелась скандалов, наслушалась криков и разборок с пьяным отцом, во взрослой жизни панически старалась их избегать. Она редко настаивала на своем. Теперь понимала, что проявила слабохарактерность. Иногда нужно не бояться разговора и заявлять о своих правах и интересах. Обида, сдерживаемая годами, захлестнула её и жгла внутри, как уксусная кислота. Горечь ощущалась даже во рту.

Вспомнила, вот Дмитрий хмурится: она попросила денег на покупку новой куртки. Увидев его недовольство, быстро отступает: «Ничего, похожу в старой, новую куртку потом купим». Сам же придирчиво выбирает обувь стоимостью отвергнутой вещи для жены. А ведь и правда – муж неплохо одевался. У него имелись хорошие рубашки, джинсы, пуловеры, костюмы. Почему она молчала, не настаивала на своем? Иванна с обидой вспомнила ещё один случай.

На день рождения матери Дмитрий решил подарить золотые сережки. У свекрови намечалась круглая дата, родители мужа собирались приехать к ним в гости. Одеваясь утром, Ивка обнаружила – единственные колготки поползли стрелками. Она попыталась надеть джинсы и увидела на коленке пятно от зеленки. Когда успела их выпачкать, вспомнить не могла. Пришлось натянуть длинную юбку, скрывая поползшие колготки. Пальто оказалось на много короче юбки, наряд смотрелся некрасиво. Из-под края юбки выглядывал кусочек ноги, и стрелка поехавших колготок бросалась в глаза.

Муж заметил злополучную стрелку возле магазина.

– Ты что, не могла одеть целые колготки?! И почему вырядилась, как чучело? С тобой стыдно идти в магазин! Пошла покупать золото в драных колготках!

Ивка сжала зубы, удерживая слезы. В магазине стало ещё хуже. Выбирая серьги, она предложила Дмитрию купить необычное ювелирное изделие: сережки в виде застывших языков пламени. На её тихие слова муж грубо огрызнулся и, не обращая внимания на продавцов, громко делал ей замечания. Краснея от стыда, она замолчала совсем. Иванна не любила ходить по магазинам и рынкам с мужем. Он словно не замечал, что обижает её постоянным одергиванием. Посещение магазина с Дмитрием превращалось для неё в пытку. Как-то она возмутилась:

– Почему ты выставяешь меня полной душой?

На что супруг спокойно ответил:

– Веди себя правильно и не будешь выглядеть идиоткой!

Мелкие уступки становились большими. Муж не любил, когда она одна или с Сашей уезжала пообщаться с подругой.

– Дома полно дел, а ты шляешься к Тоське.

Даже к собственной матери она ездила редко и только с одной ночевкой. Как же Димочка один. Кто подаст ему кушать и приготовит свежую еду? Теперь Иванна ругала себя почём зря, Дмитрий прав, она действительно дура. Шла на все уступки и превратилась в серую, уставшую, плохо одетую, неухоженную, скучную бабу. Чем больше подчинялась

мужу, тем непривлекательнее становилась для него. Вряд ли он хотел этого. Дмитрий будто проверял, до какой черты она способна дойти в своем самоуничижении.

«Не понимаю, мне что, нравилось чувствовать себя несчастной сироткой, обиженной тираном мужем? Или так легче оправдать лень и нежелание посмотреть правде в глаза: брак с Димой – ошибка. Совсем забросила мать. Нужно чаще к ней ездить».

И тут же услужливая память подбросила воспоминание.

Они приехали в Потапово до обеда. Мама суетится. Побежала резать петуха на борщ. Ивка с волнением обходит подворье: вот покосилась калитка и висит на одной петле, у лавочки истлел пенек, и доска лежит на блоке.

– Дим, пока готовится обед, поправь калитку.

Муж неохотно встает с дивана. На самом деле у него золотые руки, и он все делает аккуратно и на совесть. Только заставить трудно. Мама счастлива. Хвалит его работу. Санька кормит кроликов, гладит их шелковистую шерстку. Пушистые комочки совсем ручные.

– Дим, нужно вставить раму в сарае, – просит Иванна.

Муж начинает злиться:

– Я приехал отдохнуть!

Мама машет руками.

– Не надо, Димочке нужен отдых.

«А ведь он, действительно, лодырь. Отработал смену и

больше его ничего не заставишь делать», – осознаёт Ивка.

В город они всегда возвращались утром в воскресенье, будто их ждали неотложные дела. Дмитрию явно не хотелось оставаться в деревне, где всегда полно домашней работы.

«Вот и превратилась я в прислугу, домработницу и наложницу, причём добровольно и с минимальным правом голоса».

Если мужу не нравилось, что она говорит, Дмитрий обрывал: «Слишком много стала болтать! Закрой рот, не то пожалеешь!»

«Я точно мазохистка, если покорно сносила упрёки и обиды. Да нет, непокорно. Внутри всё восставало, но терпела. Как же квартира в городе мечты! А стоила ли мечта этого? А самое главное, сломав меня, сделав такой, как нужно ему, он окончательно разочаровался. Димке хотелось несовместимого: покорной, но яркой и интересной подруги жизни. Я же стала серой мышкой, с взглядом испуганной овцы. Я бесила его», – размышляла она и внезапно осознала: не нужна ей мечта такой ценой! Не нужна квартира и город, оставшийся чужим, и муж, которого не любит, и сама не любима. Нужно что-то делать!

Иванна вышла из маршрутки не на своей остановке, и еле плелась по улице. В ней произошли ещё невидимые глазу изменения. Сколько может человек притворяться и обманывать себя? Она делала это почти десять лет. Но вот маленький камушек катится с горы, и вскоре лавина сметает всё

на своем пути, так и измена мужа заставила Ивку открыть глаза. Она остановилась, пораженная новой мыслью, осенившей её. На душе сразу стало легко, словно цепи, сковывавшие грудь, упали.

«Я больше не буду терпеть! Зачем? Ведь и Димка без меня будет счастливей. Вон как светились его глаза, и помолодел сразу. Почему я совершила столько ошибок? Настало время их исправлять! Брак не принес радости ни мне, ни мужу. Так зачем нам жить вместе?»

Иванна облегчённо вздохнула: решение принято. Она подаст на развод. Возьмёт отпуск на две недели, поедет к маме и хорошенько подумает. Выход обязательно найдётся.

«Мне всего тридцать один год – вся жизнь впереди. Димке же пока ничего говорить не буду».

Появление молодой соперницы стало тем самым камешком, вызвавшим лавину. Если признаться честно, то изредка Ивке по ночам снился смутно-знакомый образ желанного мужчины.

«Буду считать это равноценной изменой, – хмыкнула она. – Женщина заслуживает к себе такого отношения, какое позволяет сама, – повторила, как заклинание Иванна. – Значит, пора прекращать вести себя, как бедная родственница!»

Вернувшись домой, и, делая привычную работу, она пела.

– Мама, ты поёшь? – удивилась Санька.

– Сегодня замечательный день, – улыбнулась она и чмокнула дочь в щёку.

Та поморщилась. С некоторых пор Саша не одобряла телячьих нежностей и позволяла только обнимать себя.

«Кто бы поверил, что день, когда я узнаю об измене Димки, станет для меня днём откровений», – хмыкнула Ивка, ощущая горечь обиды и разочарования в купе с лёгкостью, будто с души сняли камень.

– Завтра я возьму отпуск на четырнадцать дней, поедем к бабушке.

Дочь недоверчиво посмотрела на неё, не веря счастью.

– Правда?

Иванна кивнула.

– Ура! – закричала Санька и, забыв о сдержанности, повисла на шее матери.

– Только, Сань, поедем без папы, – осторожно произнесла она.

– Ура! – Дочь подпрыгнула на месте. – И никто не будет торопить домой, домой!

– Никто. Обещаю. – Иванна выключила огонь под сковородой. – Мясо готово, гречка сварилась. Садимся ужинать.

– А папа? – удивилась девочка.

Раньше без Дмитрия ужинать они не садились.

– Папа занят. Когда придёт, тогда и покормим его.

Муж вернулся домой в девятом часу вечера и сразу отправился в душ.

– Сегодня как никогда навалилось много работы. К тому же машина сломалась, – громко крикнул он из ванной ком-

наты. – Весь провонял бензином.

«И духами, а работы у тебя непочатый край», – чуть не прыснула Ивка. Её охватило истеричное веселье.

Дмитрий появился на кухне с мокрой головой, посвежевший, в хорошем настроении.

– Мать, насыпай, голоден, как волк!

Она поставила ужин на стол и пошла в комнату дочери. Через минуту на пороге нарисовался хозяин дома.

– Посидите со мной, не могу есть один, – попросил Дмитрий.

«А придется, пока снова не женишься», – усмехнулась Иванна.

– Извини, но я обещала Саньке почитать книжку.

– Будто она сама читать не может, – буркнул муж, однако ретировался на кухню.

Через полчаса она вернулась к супругу и успела перехватить мечтательное выражение на его лице.

«Улыбайся, голубчик, скоро будешь укрощать другую дурочку».

– Устал что-то. Пойду спать. Не возражаешь? – Он потянулся с хрустом в костях.

– Когда я возражала...

На работе её не хотели отпускать, но Иванна настояла на

своём и впервые не пошла на уступки. Два дня потратила на улаживание неотложных дел. Бабушке из третьего подъезда своего дома нашла другую медсестру. Этой старушке она делала уколы за символическую плату. Оля, заменившая её, слыла доброй и сердечной женщиной. Кроме обычного списка больных у Ивки был и другой. Она посещала лежачих больных бабушек и дедушек, находящихся на грани нищеты, их обслуживала из жалости. Пожилые люди тратили почти всю пенсию на лекарства. Забежала к Анжеле Петровне.

– Я больше не смогу убираться у вас, – заявила она старушке с порога, протягивая ключи от квартиры.

– Если я мало плачу, – поджала обидчиво губы пожилая дама, – могу добавить.

– Анжела Петровна, не в этом дело. Я с дочерью еду к маме на две недели, чтобы поразмыслить над своей жизнью. А ещё я подам на развод... вот...

– А у нас в квартире газ – раз... – передразнила её хозяйка. – Так чисто из каприза, если найдёшь время, заходи в гости.

Иванна могла поклясться, что в глазах старой женщины блеснули слёзы.

– Ну всё, иди, иди, не мешай разгадывать преступление века.

– Желаю удачи, – засмеялась Ивка и, чувствуя себя молодой и полной сил, быстро пошла по ступенькам вниз.

В этот последний вечер перед их отъездом Дмитрий явил-

ся домой вовремя. После ужина она решила на разговор.

– Завтра с Сашей уезжаем на две недели к маме.

Муж доедал кусок пирога, услышав её слова, поперхнулся.

– С чего вдруг?

– С того, что у дочери скоро закончатся летние каникулы, а она сидит в душном городе. Пусть девочка побудет на свежем воздухе. А мне нужно помочь маме с уборкой огорода.

– У меня нет времени на деревенские радости, – рассердился муж. – И в эти выходные я занят!

– Да ради бога. Занимайся. В Потапово ходят автобусы, – произнесла она и удивилась своему спокойствию.

– А что я буду жрать все эти дни? – вскинулся Дмитрий.

Иванна чуть не выпалила: девушка Алёна покормит, но сумела сдержаться.

– Руки целы, ноги целы, купишь и приготовишь.

– Что-то ты осмелела, смотри, как заговорила! – В голосе мужа почувствовалось бешенство: покорная овечка посмела поднять голову. – Могу на ваших планах поставить жирный крест.

– Мы поедем, – голос жены зазвучал с несвойственной ей непреклонностью. – У меня есть мама, которую я не баловала своими приездами.

Дмитрий собирался заорать и запретить поездку, но потом сообразил: квартира остается в его полном распоряжении. Иванна воочию видела весь мыслительный процесс на

лице мужа и читала мысли в его голове.

– Ладно, дочке полезно побыть в деревне, поесть витаминов, а то бледная, как поганка, – смилостивился глава семьи.

Санька кинулась обнимать отца. Выражение на лице Дмитрия стало ласковым и нежным. Супруг расщедрился и выделил деньги на поездку. Ивка получила отпускные за две недели. Деньги на первое время теперь имелись, хотя совсем немного.

ГЛАВА 2

Перед посадкой в автобус Иванна позвонила подруге.

– Тоська, привет! Мы с Санькой едем в Потапово, – весело сообщила она Тоневой.

– Не может быть! Как его величество Дмитрий отпустил вас?

В трубке телефона раздавались крики и шум.

– А ну тихо! Иначе уши оборву, – пригрозила Таисия сыновьям.

Тося вышла замуж за молчаливого Леву Тонева. У счастливых родителей один за другим родились трое мальчишек. Старший Марк ровесник Саньки, среднему Олегу исполнилось шесть лет, младшему Кириллу – три. Подруга не работала и дня, но домохозяйкой и клушей её никто не назвал бы. Тося сохранила девичью стройность, материнство облагородило несколько грубоватые черты лица, сделав их мяг-

че и милее. Глаза её светились удовольствием и любовью. Она безумно любила своих мужчин, они отвечали ей тем же. Ивка по-хорошему завидовала подруге.

– Димка сейчас занят молодой любовницей, и наш отъезд ему только на руку, – огорошила она подругу.

– Ты всё знаешь? – растерянный голос Тоси осёкся.

– Видимо, и ты знаешь, – поняла Иванна.

– Тебе плохо? Ты переживаешь? – затараторила подруга. – Я сейчас приеду. Поговорим, – завопила она, перекрикивая сыновей.

– Тося, успокойся. Мне неплохо. Нормально. Ты что, не слышала: мы на вокзале. Увидимся после и поговорим.

– Ивка, я приеду в Потапово. Заодно повидею одноклассников.

– Тося, не дури! Зря я тебе сказала. Ты когда последний раз была в своем доме? Там отсырело всё и паутиной заросло.

– Сбрендила, какой отсырело! Лето на дворе, а паутину пацаны сметут, играясь.

– Тося, поверь, для меня трагедии не случилось, – успокоила она подругу, жалея о вырвавшихся словах. – Пожалуйста, не говори Лёве, а то ещё станет разбираться с Димкой. Я ничего мужу не говорила. Он остался в счастливом неведении. Мне нужно подумать. Пожалуйста, Тося.

– Хорошо, – смирилась Таисия.

В голосе Ивки почувствовались прежние твёрдые нотки.

Давно подруга их не слышала. Тося ругала Иванну за мягкотелость. Ссорилась с Дмитрием, называя его в глаза лодырем, загнавшим жену, как рабочую лошадь.

До Потапово они добрались за два часа. Солнце стояло в зените. Водитель междугородного автобуса по просьбе пассажирки сделал незапланированную остановку на федеральной трассе. Иванна вручила дочери маленькую сумку, сама подняла увесистый баул.

– Нам сюда, – показала она рукой на грунтовую дорогу с проплешинами асфальта.

– Мам, далеко идти? – Санька задала вопрос хныкающим голосом. Её укачало в дороге. Настроение у дочери упало.

– Малыш, потерпи, сейчас ветерок обдует лицо и тебе станет лучше. До деревни всего два километра.

Санька судорожно прикрыла рот рукой. Позыв рвоты скрутил худенькое тело ребенка. Сквозь пальцы хлынуло содержимое желудка. Иванна дождалась окончания приступа тошноты. Вымыла минералкой лицо и руки дочери, дала немного попить. Она глядела на худенькие плечи дочери, тонкую шею и переживала: выдержит ли её хрупкая девочка развод родителей. Правильно ли она поступает?

– Сашуль, давай присядем на обочине и отдохнём. Мы не торопимся, – предложила она.

– Не хочу сидеть на солнце. Давай дойдём до тех деревьев и посидим в тени. – Она показала на тополя в полукилометре

от них. Бледная до синевы Санька попыталась улыбнуться, вызвав у Иванны щемящую нежность.

Поднялись на пригорок. С него прекрасно просматривалось всё село. Потапово расположилось в ложбине. Речка со смешным названием Капиляпса разделяла деревню на две равные части. Три коротенькие улицы с переулками на одном берегу, три улицы на другом. По берегам реки росли старые раскидистые ивы. Местная ребятня ныряла в воду прямо со стволов деревьев. Мальчишки наперегонки переплывали Капиляпсу по нескольку раз за день. Речка была шириной метров в двадцать не больше, но в ней водилась рыба: караси, плотва, щуки, ерши. В омутах обитали сомы. В самом глубоком месте речка достигала пяти метров глубины. Возле берега, под корягами, детвора ловила раков. Село соединяли два старинных моста, построенных ещё помещиком Потаповым, они до сих пор служили людям. Верхнее покрытие мостов неоднократно ремонтировалось, неизменными оставались только каменные тумбы и основание. Пологий правый берег реки был удобен для купания. На крохотных песчаных пляжах загорали преимущественно дачники. Местное взрослое население считали баловством лежать без дела на песке – это позволялось только детям. От множества бьющих родников вода в реке даже летом оставалась холодной. С востока улицы села прятались в лесу, с запада упирались в отцветающие поля подсолнечника. Иванна смотрела на родную деревню, и на душе становилось тепло. Как дав-

но она не любовалась им вот так, без спешки, не торопясь? И как оказывается, соскучилась по простору полей, зелени леса и безбрежному небу, незакрытому высотными домами. Обычно они приезжали в Потапово к обеду, и у неё едва хватало времени помочь матери, а на следующее утро Дмитрий торопил семью со сборами домой.

– Сашуль, полегчало, идти можешь? – Ивка тревожно всмотрелась в бледное лицо дочери.

– Могу. У меня живот болит, я кушать хочу, – пропищала Санька и жалобно скривилась.

– Раз захотела есть – значит, действительно, полегчало.

Иванна отряхнула брюки от сухих травинок, поправила одежду на дочери и они не спеша выбрались на дорогу.

– Мам, а с кем я играть буду. У бабушкиных соседей дети есть?

– У тети Маши две внучки, но они наверно в городе? Не волнуйся, найдём, чем тебя занять.

Они спустились с горки и вошли в село. Солнце палило немилосердно. Футболка на Иванне промокла от пота. Вялая Саша еле-еле переставляла ноги. Улица была пустынна, только от реки раздавался визг малышни.

– Куда все подевались? – удивилась Саша.

– Одни на работе, другие отдыхают, а дети на реке, – ответила мать.

Ивка с удивлением заметила изменения на знакомой с детства улице. Несколько старых домов недавно отремонти-

ровали, на пустыре появилась детская площадка, выбоины на дороге засыпали щебенкой. Из окна автомобиля она не успевала подметить перемены, происходящие в деревне. Из переулка выкатилась полная, пыхтящая, как паровоз, тётка. Она приостановилась и всплеснула пухлыми ручками.

– Никак Ивка?

– Здравствуйте тётя Катя, мы не так давно виделись, – усмехнулась Иванна и опустила сумку с плеча – пусть минутку отдохнёт от тяжести.

– Ну, конечно, для тебя полгода назад это недавно, а для нас стариков целая вечность, – осуждающе посмотрела на приезжих пожилая женщина. – То-то радости Елизавете будет. Приду к вам вечерком, поболтаем, а то утром усвистаешь в свой город и поминай, как звали.

– Мы приехали на две недели, – нахмурившись, сообщила Санька.

– Да неужели? Наверно слоны в Африке передохли? Ну ладно, побегу, я в магазин за сахаром. Варю яблочное варенье. Чуток песку не хватило. Ещё увидимся. – Тётя Катя, переваливаясь как утка, двинулась по направлению к магазину.

– Мам, а зачем она в варенье песок сыплет, – удивилась Саша.

– Тётя Катя так сахар называет, – пояснила Иванна, поднимая сумку. – Ну что, вперёд.

Через двести метров они свернули на тенистую улицу. Глаза Ивановны увлажнились: родная, знакомая улочка. Липы,

посаженные вдоль дороги, создавали приятную прохладу. В детстве она с ловкостью кошки лазала по этим деревьям. Когда они проходили мимо сидящих на лавочке бабушек, Иванна поприветствовала их. Старушки с готовностью ответили, и стали живо обсуждать её с дочкой. Она поздоровалась и с семейной парой, идущей им навстречу.

– Мам, ты всех в деревне знаешь?

– Этих да, а раньше знала вообще всех. Потапово небольшое село, – улыбнулась Ивка. – Приезжая к бабушке, ты дальше нашей улицы не ходила, остальное только из окна машины и видела.

Саньке стало лучше, она повеселела. Возле дома бабушки девочка прибавила шаг и, опережая мать, подбежала к Елизавете Павловне. Та перебирала семенной лук, сидя на маленькой скамеечке.

– Бабуля, мы приехали! – крикнула Санька, заставив бабушку вздрогнуть.

Елизавета Павловна со слезами на глазах кинулась обнимать дочь и внучку.

– Бабушка, не плачь, мы у тебя долго пробуем, – встретила девочка.

– Это от радости, Сашенька!

Иванна разглядывала дом. Переплеты окон мать покрасила в белый цвет, а ставни и входную дверь – бирюзовой краской. Дом стал выглядеть нарядно. Последний раз они приезжали на восьмое марта, пять месяцев назад.

– Мама, ты поменяла цвет краски, и правда так красивее, – восхитилась Ивка.

– Да как-то надоело, всё голубым да голубым красила.

– Мам, а беседка у бабушки жёлтая.

– А слона-то я и не заметила. Как здорово получилось! –

Обычная для кубанских дворов виноградная беседка горела ярким солнечным цветом.

– Мама, как ты вылезла на лестницу с твоей-то больной ногой, – посетовала Иванна, чувствуя стыд. Без их помощи мать привела дом и двор в порядок.

– Да это не я. Беседку красил Данька. Он увидел, что я крашу столбы и вызвался помочь.

– Как он? – При воспоминании об однокласснике Даниле Кузнецове на душе Ивки потеплело.

– Нормально. Нехорошо так говорить, но когда умер его отец, парню стало легче: смотреть за одним инвалидом легче, чем за двумя. Сергей Иванович последние пять лет лежал – Даньке досталось. А его мамашу ты знаешь. Всё лежало на плечах парня.

– Да уж знаю, – усмехнулась Иванна. Она ещё девочкой не ладила с матерью Данилы. Женщина почему-то не переносила её на дух и всегда к ней придиралась.

– Бабуля, мы обедать будем? Я кушать хочу, – напомнила о себе Санька

– Ах, Господи! Чего я держу вас во дворе. Идите в дом, переодевайтесь в домашнее, мойтесь. А я пока суп разо-

грею и яишенку с помидорами приготовлю.

Елизавета Павловна посмотрела вслед дочери и вздохнула: за десять лет Иванна впервые приехала без мужа. Что-то случилось, не иначе? Она вздохнула ещё раз и поспешила на летнюю кухню.

Кухню, состоящую из коридорчика и одной комнаты, построили рядом с домом. В тёплое время года здесь в небольшом уютном помещении проводили времени больше, чем в доме. Три окна с широкими подоконниками занимали горшки с цветами. В помещении стоял посудный шкаф, газовая печь на две конфорки, круглый обеденный стол со стульями, древний диван с деревянными подлокотниками и маленький холодильник.

Санька шумно плескалась в тазу, вода в нём нагрелась на солнце и стала почти горячей. Ивка вытерла мокрое лицо полотенцем и протянула его дочери.

Долго вы там? Всё стынет, – позвала их бабушка.

В тёплое время года Самошины предпочитали обедать на улице. Для этого в тени беседки поставили стол и две лавки. Елизавета Павловна расставила тарелки под суп, середину стола заняла сковорода с яичницей, источающей такой аромат, что рот девочки наполнился слюной.

Обе женщины с одобрением смотрели на проснувшийся у Саньки аппетит.

– Сейчас лопну, – заявила Саша. – Компот уже не поместится. Можно я посмотрю на кроликов?

– Рядом с клеткой лежит привядшая люцерна, покорми кролей и водички им налей. – Елизавета Павловна проводила взглядом внучку и повернулась к дочери. – Оставь посуду в покое, потом уберёшь. Что случилось?

– Ничего. Просто приехали в гости. – Иванне не хотелось вот так, буквально с порога говорить о своих проблемах. – Ты не рада нам?

– Не говори глупостей. Ладно, сама расскажешь, когда захочешь.

– Мам, а Данька женился?

– Да кто ж пошёл бы за него, пока у парня на шее висело два инвалида! Сейчас говорят: он с продавщицей из хозяйственного магазина дюже общается. Может, повезёт мужику. Ленка девушка хорошая, добрая.

– А про Ленчика-танкиста, что-нибудь знаешь?

– Откуда? Как уехал по распределению на Дальний Восток, так носа домой и не кажет.

Ленчик-танкист – ещё один друг из её детства. В восемьдесят третьем в Потапово родилось только четверо детей. Две девочки и два мальчика. Они вместе отправились в одну детсадовскую группу, а потом и в один класс. Играли тоже вчетвером потому, что хоть немного подходящие по возрасту дети в девяностых переехали вместе с родителями в соседнее село. Отделение совхоза в Потапово закрылось, работы не стало, и люди, продав дома за бесценок, перебрались в районный город Сайда. Остались только те, кто по

разным причинам не мог уехать. Так что особого выбора в друзьях у Ивки не было. Справедливости ради сказать, ей повезло: они действительно дружили. Мягкая, добрая Тая, оттеняла взрывную, немного саркастичную Иванну. Спокойный, рассудительный Данила уравнивал неугомонного, гораздо на проделки Леонида. Ивка улыбнулась, вспоминая друзей. Даньку последний раз она заметила из окна машины года три назад. С Таей они поддерживали отношения, хотя встречались нечасто, а вот Лёньку давно не видела.

Иванна накрыла салфеткой хлеб и фрукты. Посуду понесла мыть на кухню. В комнате, на диване, увидела аккуратно сложенное постельное бельё и подушку. В углу на полке небольшой жидкокристаллический телевизор. Все говорило о том, что мать проводила здесь всё своё время. Ивка вымыла тарелки, поставила их в сушилку.

– Мамочка, котики! – послышался восторженный возглас Саши из сарая.

Иванна вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. Через минуту дочь появилась во дворе, держа на руках двух котят: рыжего в полоску и чёрного с белыми лапками.

– Это Тиграш, а это Носочек, – объявила она. – Бабушка, ты не давала им имена? – спохватилась Санька.

– Нет. Они безымянные, как солдаты, – усмехнулась Елизавета Павловна, высыпая перебранный лук в ящик.

– Бабушка, солдаты неизвестные, а котики без имени, – поправила внучка. – А где их папа и мама?

– Мама крысой отравилась, а папа неизвестен, – хмыкнула Елизавета Павловна и спохватилась, заметив заблестевшие глаза внучки. – Санечка, они не плакали, котики ничего не поняли. Отпусти их, можешь к девочкам на улицу пойти поиграть. – И повернувшись к Ивке, добавила: – Семеновна переехала в город к детям. Дом продала. Купила его молодая пара, у них две девочки Санькиного возраста.

– Я пойду сама? – округлила глаза девочка.

В городе ей не разрешалось просто так бродить по городу одной. Утром в школу её отвозил отец, он же встречал после уроков. Когда у него случался форс-мажор, в школу за ней прибегала мать. Студия, где Санька занималась танцами, находилась рядом с домом.

– Сама. В деревне можно, здесь безопасно. Иди, иди, познакомься с девочками. Их отец возле двора соорудил целый детский городок. – Бабушка забрала котят. – Я положу их в коробку, ещё наиграешься.

Саша выглянула за калитку, постояла немного и неуверенно направилась туда, где раздавались весёлые крики.

– Мама, ты перебралась на кухню и даже ночуешь там?

– А что мне одной в доме делать? – смутилась Елизавета Павловна. – Захочется чаю – бежать на кухню ночью. У меня и телевизор там. Видела?

Иванна кивнула.

– Целый год копила, – похвасталась она. – Показывает как картинка. Лук я уже закончила перебирать. Пойдём-ка в

дом, тебе вещи разложить надо.

Дочь шла впереди, пытаясь справиться с комом в горле. Поняла, насколько матери одиноко одной, и как она редко баловала её приездами.

В доме имелось четыре комнаты: две спальни, зал и зимняя кухня. С последнего приезда здесь почти ничего не изменилось, только в её бывшей комнате на кровати лежал другой плед. На полках этажерки из бамбука до сих пор стояли её детские и школьные книги.

– Мам, ты зачем их хранишь? – показала на учебники Иванна.

– Вдруг Саньке пригодятся.

– Она учится по другой программе.

– Тогда бери и выкидывай сама, – махнула рукой мать.

Ивка выложила вещи из сумки. В ванной комнате расставила на полке шампунь, гель, стаканчик с зубными щетками. Вместо привычного титана, топившегося дровами, на стене висела новенькая газовая колонка. Пол и стены явно недавно облицевали кафелем.

«Мама не дождалась помощи, сама справилась без нас», – подумала дочь, вспоминая старую ванную с простыми белеными стенами. Мысль зацепилась за слово побелить. Точно, потолок в зале и спальнях требовалось освежить.

– Мам, в хозяйственном магазине есть эмульсионка? Нужно потолки побелить, а то пожелтели.

– Есть, как не быть. Только Бог с ними с потолками, от-

дыхай лучше. – Елизавета Павловна неловко обняла дочь. Её глаза удивлённо расширились, когда Иванна не отстранилась, как обычно, а положила голову ей на плечо.

Ивка закончила выкапывать луковицы тюльпанов в палисаднике, выложила их в ящике на солнце. За десять дней пребывания в Потапово она успела побелить потолки в доме, помогла матери выкопать картошку, поклеила новые обои в спальнях и вот теперь занялась палисадником.

– Мам, можно я пойду в лес по грибы с Чистяковыми, – закричала Санька, врываясь в калитку.

– Девочки идут одни или с родителями? – поинтересовалась Иванна, с удовольствием глядя на загорелое, посвежевшее лицо дочери.

«Кажется, она даже поправилась, во всяком случае, выглядит крепче, не такой доходягой, как была в городе», – подумала Иванна, присматриваясь к фигуре Саньки.

– Нет, родители близняшек не идут, но с нами собирается их дядя Игорь. Так отпускаешь или нет? – Саша в нетерпении притопнула ногой.

– Пообедай и можешь идти. Только не забудь намазаться от комаров.

– Бабуля, наливай суп, я быстренько поем, – девочка влетела на кухню, перепугав, бабушку.

– Чего ты орешь, как потерпевшая, – возмутилась Елизавета Павловна, но не стала мешкать, поставила тарелку с супом и картофельное пюре с котлетой перед внучкой.

Санька управилась с обедом за десять минут и помчалась в дом переодеваться.

– Мам, она поела? – спросила Ивка, заходя на кухню.

– Поглотала, – усмехнулась Елизавета Павловна.

– Я готова, – сообщила Саша, показываясь в дверном проеме.

Иванна покосилась на дочь. Джинсы, рубашка с длинным рукавом, кроссовки и ситцевый платок на голове. Бабушка подала корзинку и маленький нож.

– Молодец, теперь правильно оделась, – похвалила Ивка.

Собираясь в лес первый раз, Саша нарядилась в сарафан и босоножки. Она не захотела переодеваться, несмотря на уговоры матери и бабушки. Вечером девочка вернулась домой, искусанная комарами, поцарапанная колючей ежевикой и дикой малиной. Урок видимо пошел Саньке впрок.

– Давай и мы пообедаем, – предложила Елизавета Павловна. Всё время пребывания дочери в гостях она с тревогой посматривала на неё. Та носилась по дому, двору, работа спорилась у неё в руках. Ивка улыбалась чему-то и пела. Вскоре кухня и дом заблестели, во дворе наведен идеальный порядок, на огороде не осталось сорняков, а дочь находила себе всё новую и новую работу.

– Как хорошо дома, – вздохнула Иванна, отхлебывая аро-

матный компот из яблок и клубники.

– Правда? – Елизавета Павловна подлила дочери в кружку компот. – Я рада, что вы приехали, но что всё-таки случилось?

– Устала от города, – призналась Ивка. – Даже не подозревала, насколько меня угнетал постоянный шум и суета. Мам, я завтра съезжу в районную больницу, посмотришь за Санькой?

– Я чувствовала неладное! Ты заболела? – встревожилась мать.

– Не волнуйся, я здорова. Хочу поспрашивать: сколько там платят медсестрам? Есть ли место?

– Ты пугаешь меня! – взмолилась Елизавета Павловна, судорожно комкая в руках полотенце.

– Перед приездом в Потапово я подала на развод. Дмитрию ещё ничего не говорила. Здесь я смогла хорошо подумать, и решила: перееду с Санькой к тебе. Не возражаешь? Вот только работу нужно найти. – Иванна посмотрела в побелевшее лицо матери. – Мам, ну не пугайся ты так, не конец же света.

– Я не возражаю, живите, места всем хватит. Даже не мечтала, что буду не одинока, но что всё-таки произошло? Ты лишаешь девочку отца. Значит, не Дима подал на развод. Ты сама решила.

– Сама. Вот так живёшь, живёшь, а потом наступает перелом, и всё... больше не можешь по-прежнему. Я не люб-

лю Дмитрия, он тоже разлюбил меня. Нам вместе плохо. Если сейчас не разойдемся, пока не возненавидели друг друга, дальше будет только хуже. Я не лишаю Саньку отца. Он может приезжать к дочери, когда захочет.

– Ты так рвалась из деревни, ничего слушать не хотела и вдруг... всё зря.

– Нет не зря. У меня появилась Санька. Я исполнила свою мечту, пожила в городе. Что же делать, если мечта оказалась с горчинкой. Мама, ты же знаешь, почему я уехала из Потапово.

– Знаю. Ты так ненавидела отца, что не могла его больше терпеть, – опустила голову Елизавета Павловна.

– Да. И никогда не смогу понять, как ты выдержала его издевательства.

– Это мой крест, – тихо сказала она, не поднимая глаз.

Иванна бросила взгляд на опущенную седую голову матери: «Не мне судить, но понять всё равно очень трудно».

– Доченька, подумай ещё, не руби с плеча.

– Я хорошо подумала. Изменения, произошедшие в Потапово, только подтолкнули к решению. Можно оставить город, не жалея. В село переехало много людей, появились дачники, детей в школу возят на автобусе. Саньке здесь нравится, она поправилась, ест с аппетитом и выглядит лучше, чем в городе. А у меня такое чувство, словно я наконец вернулась домой из далекого странствия.

Саша посапывала на диване, утомившись за день. Из ле-

са она принесла полную корзину сыроежек, опят и вешенок. Грибы приготовили на ужин. Гордая добытчица за столом клевала носом и, не выдержав борьбы со сном, отправилась на диван.

Утром, надевая джинсы, Ивка обнаружила, что похудела. Она хорошо спала, забыла про бессонницу. Физический труд пошёл на пользу. Подумав немного, сняла джинсы.

«Потом ушью».

Примерила шёлковое платье, которое раньше было тесным, а сейчас стало свободным. Настроение поднялось сразу на несколько градусов. Иванна чмокнула спящую дочь в щёку и вышла из дому.

До трассы добралась быстро, на остановке приготовилась к ожиданию рейсового автобуса в райцентр.

Рядом с Ивановой остановилась тёмно-зелёная «Волга».

– Женщина, вы в Сайду? Садитесь, подвезу.

– Ой, спасибо, – обрадовалась она и попыталась открыть заднюю дверцу автомобиля.

– Там ящики с зеленью. Садитесь на переднее сиденье, – посоветовал водитель.

– Здравствуйте, спасибо ещё раз, что остановились, – сказала Ивка, удобнее усаживаясь в кресло.

– Не может быть, – вскрикнул водитель.

Иванна удивлённо посмотрела на молодого мужчину.

– Данька – ты!

– Я не видел тебя вечность! Десять лет! Не считать же за

встречу вежливый кивок из машины. Как я рад тебя видеть.

– Я тоже рада. Ты изменился. Возмужал. Кстати, спасибо за покраску беседки.

Ивка смотрела на друга детства. На его тёмное от загара лицо, морщинки в уголках глаз, чуть обветренные сухие губы и по-прежнему зелёные, как недозрелый крыжовник глаза. Она почувствовала неловкость и стеснение. В машине вдруг стало душно, лицо загорелось и отчего-то заколотилось сердце.

– Пожалуйста, всегда рад помочь. Вы когда приехали?

– Одиннадцать дней назад. Через три дня возвращаемся в город.

Лицо Данилы погрустнело.

– Ты так долго гостевала в Потапово, а я не знал.

– Я никуда не ходила – помогала маме по дому.

– Понятно. – Он опустил боковое стекло в машине до упора и подставил лицо ветру.

– Ты как? Чем занимаешься?

– Фермер крохотного хозяйства в четыре гектара. Своя теплица. Несколько бычков. Вот зелень везу в рестораны и пару столовых, остальное оптом сдам на рынок. – Его голос звучал невыразительно, тускло. – А ты хорошо выглядишь.

– Спасибо, – оказалось Иванне необыкновенно приятно услышать первый комплимент за много лет именно от друга детства.

– Тебя куда подвезти?

– К больнице.

– Заболела?

– Ты как моя мама. Нет, я здорова. Ищу работу, – призналась она.

– Не понял, ищешь работу? Ты возвращаешься в Потапово? – голос Данилы зазвучал взволнованно.

– Возвращаюсь, поэтому мне и нужна работа. – Она покосилась на бывшего одноклассника, он не скрывал радости. Ивке стало тепло на душе от мысли, что хоть кто-то рад её переезду.

– У нас в Потапово закрыли хороший фельдшерский пункт. Некому работать. Спроси про это место у главного врача, – посоветовал повеселевший Данила.

– Хорошо, что подсказал. Попробую узнать. Пока. – Иванна вышла из машины.

– Ива! – Данила так звал её в школе. – Дай номер телефона. Вдруг я успею быстро сдать зелень, а ты освободишься. Отвезу домой.

Давно никто так не называл её, от мягкого баритона мужчины сердце пропустило удар и бешено застучало. Она продиктовала номер.

– Пожелай мне удачи.

– Пусть всё, что ты задумала, исполнится, – искренне сказал Данила и помахал ей рукой.

Иванна посмотрела вслед уехавшей машины и направилась к зданию больницы. В тот день ей везло. Заведующая

поликлиникой оказалась на месте. Работа нашлась и в самой больнице, и в фельдшерском пункте.

– В Потапово увеличилось население, снова открыли фельдшерский пункт, но врач вышла замуж и уехала. До прибытия нового врача будете оказывать первую помощь, делать уколы. Потом обещают прислать «миллионника⁵», будете трудиться вместе, – обрадовалась заведующая, она уже не надеялась укомплектовать злополучный медпункт. Фельдшера не задерживались в этом селе.

Ивка написала заявление о приёме на работу и пообещала через две недели привезти документы и приступить к работе в Потапово. Ей хотелось летать. Она давно не ощущала себя, такой счастливой. Хорошему настроению способствовала и будущая зарплата, она оказалась выше, чем в городе. Зазвонил телефон.

– Ива, ты освободилась?

– Да. Иду к остановке возле больницы.

– Жди меня там, я сейчас подъеду.

Через десять минут бывший одноклассник притормозил рядом с ней. Довольная Иванна плюхнулась на горячее сиденье, обтянутое кожзаменителем. Вскрикнула от неожиданности.

– Как на печку уселась, – засмеялась она.

– Машина на солнце стояла, прости, не подумал. – Данила протянул ей белую розу на длинном стебле.

Иванна одарила его улыбкой.

– Спасибо. Кстати, спасибо ещё за то, что подсказал. Работа в фельдшерском медпункте Потапово – моя.

– Замечательно! – обрадовался он. – Ты твёрдо решила вернуться в село?

– Да. Больше не могу жить в городе. Я так и не привыкла к нему. За несколько дней дома, отдохнула так, будто побывала в длительном отпуске.

– А муж согласен на переезд? – поинтересовался Данила.

– Я ухожу от него, – тихо произнесла Ивка и покраснела. Она опустила голову и не увидела, вспыхнувших радостью глаз Данилы. Не заметила, как дрогнуло и посветлело его обветренное лицо.

– Хорошо обдумала? – Он боялся испугнуть удачу. Ива будет жить в селе, он сможет видеть её.

– Хорошо. Ещё лет пять назад нужно было уйти.

Данила высадил Иванну у дома. Смотрел, как она обнимает худенькую девочку, совсем не похожую на неё и у него заныло сердце. Он страшился загадывать наперед, боялся мечтать.

ГЛАВА 3

Данила помнил день, когда взглянул на подружку по детским играм другими глазами. Им исполнилось по двенадцать лет. Летом их дружная четверка не вылезала из воды. Они по очереди прыгали с толстых сучьев в реку. Тая осторожно, не

залезая высоко на дерево, соскальзывала в воду. А Ивка ловко, так что гибкая фигурка мелькала среди поникших ветвей речной ивы, взбиралась все выше и выше.

– Ива, не надо так высоко, – попросила Тая, замирая от ужаса.

Даже Лёнчик-танкист по обычаю не шутил и не подначивал упёртую подругу. Данила вдруг панически испугался за девочку. Она, не слушая их, нырнула в реку с макушки дерева. Вошла в воду красиво, почти без брызг, но к берегу плыла неловко, гребла одной рукой.

– Ударилась? Ты психическая больная, знаешь это?! – подскочила к подруге Таисия.

– Нормально. Жить буду. – Ива легла на песок и закрыла глаза.

Данила смотрел на её бледное лицо, на плечо и руку, си-неющую на глазах, и молчал. Его юное сердце выбрало эту храбрую и ещё угловато-неказистую девочку. Со временем чувство подростка только окрепло, хотя иногда ему казалось, что он ненавидит Ивку. Она обладала злым язычком, насмешки, которыми осыпала друзей, трудно назвать добрыми. Правда, это случалось нечасто. А ещё Ива была отчаянной лгуньей. Выдумывала несусветные истории и злилась, если ей не верили. После поездки с отцом к родственникам в Карелию она приехала, переполненная впечатлениями о таинственных колдовских лесах. Долго потом пичкала их, своих друзей, байками о ведьмах и колдунах, пока он не про-

чёл страшные истории Гоголя и не показал книжку Иванне. Все истории девочка взяла из этой книги. Данька сделал это украдкой от друзей и пообещал её не выдавать. Ивка Самошина всё равно обиделась и долго дулась, словно не она дурила им головы, а он. Ещё его расстраивало, что его добрая мама почему-то терпеть не могла Ивку. Первый раз маленький Данила заметил это в детском садике: на его день рождения мама принесла в группу конфеты и крохотные мягкие игрушки. Она раздавала подарки детям, а когда дошла очередь до Ивы, в руках мамы уже ничего не оказалось.

– Извини, деточка, не рассчитала. Игрушки закончились, но ведь это пустяк у тебя дома своих хватает, – сказала Мария Савельевна со странной недоброй улыбкой.

Данька увидел, как задрожали губы у девочки, и подбежал к ней.

– Возьми моего мишку, я играю с машинками.

Мама сильно дернула его за руку.

– Мишку я подарила тебе.

– Мамочка, мне не жалко. – Он протянул игрушку Ивке.

Девочка счастливо улыбнулась и, смущённо пробормотав спасибо, убежала. Данька посмотрел на маму и не понял, почему она злится, если он поступил правильно?

Если б Мария Савельевна могла, то запретила бы сыну общаться с Иванной, но, к сожалению, они учились в одном классе и виделись ежедневно. Постепенно сын осознал: мама несправедлива только к Самошиной. Данька спросил, поче-

му она не любит Ивку? Мария Савельевна смутилась:

– Сынок, ты говоришь глупости. С чего мне обращать внимания на какую-то малявку. Просто я не хотела, чтобы ты дружил с ней. Она дочь алкоголика. Чему хорошему может научить тебя эта девочка?

– Мама, но Ива не виновата в том, что её отец пьёт. Она хорошая, – пытался защитить подругу мальчик.

– Я знаю лучше. И мать у неё лгунья, и она такая же.

Иванна быстро поняла, что мать Даньки её невзлюбила и старалась не попадаться женщине на глаза.

Во всех детских забавах Ива и Лёнчик играли первую скрипку. Они уговорили Данила и Тосю нарвать неспелой черешни у бабушки Фроси – соседки Танеевых. Потом всем четверым в районной больнице промывали желудки. Именно Ивка решила попробовать, как действует басма и выкрасила друзей в кардинально чёрный цвет. Мать Даньки, ругаясь, оттирала уши и шею от краски. Мальчишек коротко подстригли, а светловолосая Тая ещё долго ходила цыганкой.

Даниле вспомнился ещё один случай из детства.

В конце августа перед пахотой с пшеничных полей убирали солому в стога. После небольшие стога укладывали в две огромные, длинные скирды. Вот с них-то и любила кататься местная детвора. Дружной компанией они отправились прыгать со скирды. С трудом взобрались наверх, используя более пологую сторону. Высота оказалась приличная, и они немного струхнули. Лёнчик стал говорить Ивке, что она никогда не

скатится с такой вышины. Внизу бегала Тося и уговаривала их не прыгать. Даня послушал перепалку друзей и сказал:

– Опасно сигать, можно разбиться, внизу мало соломы. Давайте спустимся с отлого склона.

Лёнчик, которому не хотелось рисковать, радостно согласился.

– Точняк, можно грохнуть так, что костей не соберём. Ива окинула мальчишек презрительным взглядом.

– Можете сойти, где хотите. А я тут прыгну.

Данила увидел странные глаза девочки: они стали почти чёрными. Расширенный зрачок закрыл голубую радужку. Он не понял, но почувствовал: Ивке страшно, но она всё равно шагнёт вниз. Попытался её остановить.

– Ива, не надо, мы верим, что ты можешь это сделать. – Он схватил подругу за руку.

Она выдернула руку и повернулась к нему.

– А я не ради вас. Это мне надо. – Села на солому и оттолкнувшись, поехала вниз.

Они с Лёнчиком посмотрели друг на друга и, проклиная в душе упрямую подружку, отправились следом. Им повезло, большой кусок скирды съехал вместе с Ивой, и приземление оказалось мягким. После этого случая Лёнчик перестал дразнить Иву, опасаясь, что придётся повторять её подвиги. Таисию он никогда не трогал, почему-то ей позволялось быть слабой и боязливой. Лёня мог чуть ли не до драки спорить и соревноваться с Самошиной, но все её идеи при-

нимал на ура. Когда Ива предлагала развлечение, она становилась мозгом предприятия, Ленчик же осуществлял идею технически.

Данила хмыкнул, вспоминая любимую забаву их четверки. Вечером пробирались к дому какой-нибудь бабульки и привешивали к деревянной раме окна картошку на нитке. Потом вся тёплая компания пряталась в кустах. Лёнчик дёргал нитку, картошка стучала в стекло. Бабушка выходила на крыльцо:

– Кто там? Заходите.

После нескольких появлений на крыльце пожилой женщины и её угроз надрать уши безобразникам. Они, прыскавая и зажимая рты руками, чтобы не рассмеяться вслух, убежали. Иногда их развлечения наносили материальный урон, и тогда шутникам доставалось от родителей по первое число. Как-то Лёнчик предложил намазать клеем лавочки у магазина. На несчастье четверки к скамейке прилипла тетя Галя, подруга матери Данилы. Разъярённая женщина принесла испорченную юбку Самошиным, справедливо полагая, что без Ивки тут не обошлось. Она требовала выдать остальных сообщников преступления. Ива держалась стойко. За испорченную вещь заплатила Елизавета Павловна. Она наказала дочь и не выпускала её на улицу целую неделю. Друзья, как заговорщики, пробирались вечером под окно подружки, чтобы поддержать её моральный дух.

У Лёнчика не было отца, вернее он умер до его рожде-

ния. Родители Лёни жили в военном городке во Владикавказе. Машину старшего лейтенанта Сергея Котова – отца Лёни – обстреляли недалеко от города ваххабиты. Лейтенант умер сразу, а шофер и двое солдат получили тяжёлые ранения. Жена лейтенанта – Анна – находилась на шестом месяце. Женщина вернулась в спокойное Потапово к родителям. Лёнька родился недоношенным, его долго выхаживали врачи в детском отделении больницы Излучинска. Мать с раннего детства рассказывала мальчику об отце, и Лёнька буквально с пелёнок мечтал стать военным. Он не понимал, что такое самоходные ракетные установки, которые обслуживал взвод лейтенанта Котова, мальчик представлял в своем воображении танки. Лёня рисовал их, лепил из пластилина, знал все марки и модели. О танках мог говорить часами. Так он и заработал кличку танкист. Чтобы утешить Ивку в недельном заключении, тем более что налить клей на лавочки его идея, Лёня подарил ей любимую модель танка. Ива оценила его жертву и благоговейно приняла подарок.

«Интересно, сохранился ли у неё подарок Лёнчика», – подумал Данила.

Их детство самая замечательная пора. Летом они купались в любимой Капиляпсе, ходили в лес за ягодами и грибами. Варили уху на костре, запекали на углях картошку. В зарослях ивняка дети построили шалаш, там хранили удочки, несколько помятых железных мисок, эмалированные кружки, закопченную кастрюльку, принесённую Ивкой из дому,

и запас картошки. Встав взрослым, Данила пытался сварить уху на костре, пытаясь повторить вкус ухи детства – ничего не получалось.

В седьмом классе мальчишки ещё оставались голенастыми нескладными подростками, а девочки на глазах стали превращаться в барышень. Тая опережала Иванну, у неё рано сформировалась грудь, бедра стали крутыми, талия тонкой. Глядя на девочку, Данька стал испытывать какую-то неловкость. Она перестала целыми днями носиться с ними по селу, ища приключений. Ивка немного отставала в развитии от подруги, но и у неё появилась маленькая грудь, в фигуре начала исчезать угловатость. В тот жаркий июль, поставивший крест на их безмятежных отношениях, они вчетвером купались в реке. Тая и Лёнчик, переплыв реку, отдыхали на другом берегу. Данька вылез из воды и прыгал на одной ноге, пытаясь вылить воду из уха. Весь день Ива была невеселая, держалась за живот, но все-таки решила искупаться. В воде ей стало немного легче. Она вышла из воды и направилась к однокласснику. Данька странно и смущённо смотрел на неё.

– Ты чего на меня так тарацишься? Что случилось?

Он, с трудом выталкивая из себя слова и, краснея как рак, протянул ей полотенце.

– Ты или ушиблась, или у тебя месячные.

Ивка в ужасе опустила глаза. С купальника, смешиваясь с водой, по ногам стекала кровь. Девочка остолбенела от сты-

да. Она не догадалась, почему весь день болел живот – это были её первые месячные. Он сообразил, о чём она думает.

– Я не буду смеяться и никому не скажу. Ты иди, переодевайся. – Данила, отводя глаза, подал ей носовой платок.

Ивка наконец очнулась и пошла в кусты переодеваться. Когда она вышла, неся в пакете мокрые вещи, уже приплыли Лёнчик и Тая.

– Ты уже собралась, так рано, давай ещё посидим, – попросил Леня.

– Ребята, мне тоже пора, мать просила прийти пораньше, – сообщил Данька, вставая с песка.

После этого случая он не видел Ивку почти две недели. Тая сказала друзьям, что подруга занята. А потом она появилась на речке с синяком на скуле. На расспросы друзей угрюмо ответила:

– Ударилась о притолоку.

Лёнька возмутился:

– Ну что ты врёшь, опять отец звезданул!

– Не лезь не в своё дело, – зашипела Ивка, сняла платье и пошла купаться.

– Она думает, мы не знаем, какой козел её папаша? – пробормотал Лёня.

– А тебе бы понравилось, если бы Ивка говорила плохо о твоём отце? – спросила Тая

– Он не был алкашом, как дядь Лёха. Мне противно, что у меня такой тёзка.

– Всё равно Иве досадно это слышать, – согласился с подружкой Данила.

– Да она сама о нём хуже говорит! – вскипел Леня.

Вечером Даниле пришло в голову сделать Ивке сюрприз. Он сорвал в палисаднике любимые розы мамы. Дарить цветы девочкам ему ещё не приходилось – подросток спрятал букет в полиэтиленовый пакет и отправился к Самошиным. Ивка жила на другом конце деревни. Обычно друзья собирались у реки, и поэтому он редко бывал у её дома. Возле калитки Данила задержался, не зная, как позвать девочку. Дверь дома с треском распахнулась, на пороге показался отец Иванны.

– Раз не даёшь деньги, выметайся на улицу и забирай с собой эту малолетнюю сволочь. Вырастил доченьку на свою голову, огрызается, зараза.

Мужчина вытолкал на порог Елизавету Павловну. Затем послышалась какая-то возня, из коридора на улицу вылетела Ивка. Она не удержалась на ногах, рухнула со ступенек вниз.

– Что ты делаешь? Ты мог её убить, – запрочитала женщина, поднимая дочь.

– В следующий раз так и сделаю. Пусть научится держать язык за зубами, – Леонид пьяно захихикал, а потом грязно выругался. – А ты, корова, гони деньги!

– Нет у меня денег, ты всё вытащил и пропил. На что жить будем?

– Заткнись! Я вас лет десять кормил, теперь ваша очередь! Ивка, морщась от боли, отряхнула содранные колени.

– Мам, пошли. Я ещё днём отнесла в сарай одеяло и подушки. Чувствовала, что папенька закатит концерт.

Данька слушал, прижавшись к кустам сирени у калитки. Он видел, как, прихрамывая, Ивка пошла вглубь двора. Даня постоял немного, положил розы на лавочку и отправился домой. Он испытывал гнев и ненависть к мужчине, потерявшему совесть и человеческий облик. Самому Данилу пришлось рано повзрослеть. Его родители инвалиды первой группы. Он с малолетства помогал и отцу, и матери. Как однажды в сердцах высказалась бабушка: «Вы родили себе ребенка, чтобы он нянчил вас опосля». Как бы то ни было, но с восьми лет Данька с бабушкой сажал огород, а потом полыл его. Вся работа по дому постепенно легла на его плечи. Отец – Сергей Иванович – пока имелись силы, работал в пристройке к дому. Он шил и ремонтировал обувь. Когда сыну исполнилось четырнадцать, Сергей уже не мог трудиться, руки скрутило артритом. Даня уважал отца за большую силу воли. Тот постоянно испытывал сильные боли, но мужественно терпел и никогда не унывал. Поддерживал жену, не позволяя ей жаловаться на судьбу. Для своей Маруси Сергей Иванович умел каждый день сделать подарок. Иногда это был первый подснежник, ароматная травка, первый огурчик с грядки или просто новый анекдот. Единственное из-за чего ссорились родители – это пристрастие и любовь матери к пересудам. Мария Савеловна обожала ходить в гости к подругам – общаться. Она знала подробности личной жизни чуть ли

не всех селян.

– Машенька, зачем ты сказала Галине, будто мы плохо живём, – возмутился отец после ухода соседки.

– А разве хорошо?

– У нас обоих пенсия, своё небольшое хозяйство. Как-то справляемся.

– Вот именно как-то. Не больно-то государство о нас заботится, – пробурчала жена в ответ.

Данька с раннего детства знал: мама больна, ей нужно помогать. Правда бабушка, мамина мать, иногда сердито выговаривала дочери:

– Слишком берегли мы тебя, Машка, вот и выросла ты хитрым лодырем. Не поверю, что не можешь сама полы помыть и двор подмести. К сплетницам своим у тебя есть силы шастать, а как работать, так слаба.

Первое знакомство мамы и отца Данила знал наизусть. Сергей Иванович даже отмечал этот день, как праздничный. Он сидел в своей будочке на городском рынке – прибивал железные набойки к сапогам. К нему, хромая, подошла симпатичная светловолосая девушка.

– Вы не могли бы мне помочь? – Незнакомка протянула туфельку. Каблук болтался на куске кожи.

– Придется посидеть и подождать, пока я сделаю. – Он накрыл стул чистой салфеткой и предложил клиентке присесть. Пока возился с каблуком, разглядывал гостью. Небольшого роста, нежная кожа на лице не тронута загаром,

чудесные голубые глаза и капризный рот. Вот так они и познакомились. Сергей полгода с подарками мотался из города в Потапово, пока Маша не согласилась выйти за него замуж.

Даня учился в десятом классе, когда случилось несчастье: у отца парализовало половину тела. Он научился ухаживать за больным, делал массаж, уколы. Перепуганная Мария Савеловна в комнату к мужу заходила редко, объясняла это тем, что не может видеть его в таком состоянии. На плечи Дани легла и оставшаяся часть женской работы. Мать часами сидела у телевизора, смотря все программы подряд, оставшееся время посвящала чаепитиям с подругой детства Галиной. Им пришлось тяжело, почти все деньги уходили на лекарства отцу.

Только проснувшееся чувство к Ивке давало ему силы и поддерживало в трудные минуты. Он отдавал себе отчет, что его чувство безответно. Одноклассница всеми силами стремилась покинуть село и уехать в город. Много раз говорила об этом. Четверо друзей виделись всё реже и реже. Лёня усердно занимался, мечтая поступить в военное училище. Данька не мог оставить родителей, а она не хотела оставаться в деревне. В то время Иванну никто и ничто не могло удержать в Потапово. Он ничего не мог предложить девушке и с болью понимал это.

После окончания школы не могло быть и речи о поступлении в институт. Данила пошел работать трактористом к местному фермеру. Он разрывался на части, пытаясь везде

успеть. После восьми лет тяжелой работы в поле смог накопить деньги и купить свой, пусть и подержанный трактор. Взял в аренду шесть гектаров земли и стал работать на себя. Почти шесть соток занял зеленью, сорок перцем и баклажанами, ещё двадцать морковью, свеклой, кабачками и капустой. На остальных гектарах посеял пшеницу. Речка рядом с его землей давала воду овощам – Данила всегда был с урожаем. Постепенно нашёл постоянных покупателей. Дело спорилось. Он перестроил дом, провел отопление и канализацию. Теперь мог оставить родителей на более долгое время. Иванну он видел только мельком, она приезжала к матери с мужем и дочкой всегда на короткое время. И каждый раз это превращалась для него в несколько бессонных ночей. Данила помнил боль, которую ощутил, узнав о её замужестве. Он носил в своём сердце образ Ивки: сильной, храброй девушки.

Ему исполнилось двадцать семь, когда умер отец. Данила, ухаживавший за ним больше десяти лет, оказался не готов к потере. Он тяжело пережил уход родного человека. У него появилось много свободного времени. Пока крутился, как белка в колесе, не задумывался о своей жизни, а теперь оглянулся по сторонам и не обнаружил рядом ни одной подходящей женщины, на которой бы захотел жениться. У Данилы случилось несколько коротких романов с дачницами, но связать свою судьбу ни с одной из них он не собирался.

Изредка на правах друга детства заезжал к матери Ивки,

немного помогал ей и жадно слушал любые сведения о подруге детства, ставшей горожанкой.

В тот день Данила собирался доставить ящики с овощами и зеленью в магазины. На автобусной остановке он увидел женщину, притормозил, а когда она повернула к нему голову, обомлел – Ива... Он не верил своим глазам. Чувства, припорошенные пылью времени, проснулись и забурлили, как речка в половодье весной. Давно он не испытывал такой радости, не мог поверить в свою удачу. Слова Иванны о разводе прозвучали для него музыкой и воскресили в нём надежду.

«На этот раз я не упущу её и просто так не сдамся», – решил Данила.

Она вышла из машины, помахала рукой на прощание. В голове промелькнуло: «До чего же я рада видеть Даньку. И каким, оказывается, интересным мужчиной он стал».

На неё налетела дочь, Ивка обняла её и поцеловала в макушку, нагретую солнцем. Вспомнила: «Послезавтра нужно возвращаться в город. Поговорить с Дмитрием, сообщить о разводе». Настроение сразу упало.

– Мама, мне повезло, я нашла работу. Буду трудиться в местном фельдшерском пункте, – сообщила она, заходя на кухню.

– Не руби с плеча. Ты хорошо подумала?

– Хорошо. Саньку нужно перевести в местную школу. Надеюсь, танцевальный кружок в школе или райцентре имеется.

– Есть в доме культуры, дети на всех праздниках концерты показывают. – Мать отвернулась и украдкой смахнула слезу. «Моя девочка могла долго терпеть, а потом раз и обрывала всё. После школы уехала из Потапово. Отца так и не простила. На похоронах слезинки не проронила».

Иванна открыла дверь своим ключом. Занесла сумки в коридор. Санька побежала в свою комнату переодеваться.

– Мам, я быстренько сбегаю к Маринке.

– Соскучилась по подружке? Ну, беги, беги, непоседа, передавай привет тёте Оле.

Ивка обошла квартиру. Любая женщина легко определит: была ли другая во время её отсутствия в доме? Меняется запах в комнатах, как не проветривай. Кое-какие вещи стоят не на своих местах. Вот и Иванна почувствовала запах чужих духов, косметики – дух постороннего человека. Она знала, что так произойдёт, Дмитрий обязательно воспользуется отъездом, но всё равно разозлилась. За день до их возвращения в город Иванна сообщила, на каком автобусе они приедут. Она не хотела, как в плохом анекдоте, застать соперницу вместе с мужем.

«Чего я психую. Собралась разводиться, так не трепай нервы ни себе, ни ему. Девушка явно наводила порядок. Димка бы гору грязной посуды оставил и бардак в комнатах. А она даже полы помыла, и пыль кое-где вытерла», – усмехнулась Иванна и провела пальцем по лакированной поверхности трюмо. Среди пузырьков возле зеркала обнаружился чужие духи.

«А вкус у неё неплохой», – решила она. Запах духов ей понравился. Иванна разложила вещи из сумок. Отнесла зубную пасту и щётки в ванную. Попутно над мойкой на стеклянной полочке нашла красивую заколку для волос. Вернулась на кухню, заглянула в холодильник.

«Ужин-то всё равно готовить надо».

Пока раздумывала, взгляд зацепился за упаковку мюсли и кусок семги.

«Правильно. Это жена пусть выкручивается и придумывает из чего стряпать, а любимой девочке всё самое лучшее, – снова разозлилась Иванна и одёрнула себя: Сама виновата, что заслужила, то и получила. Собралась рвать отношения – не будь мелочной».

Приготовив картофельное пюре, поставила сёмгу запекаться в духовку. К возвращению мужа Иванна успела привести себя в порядок и накрыть стол к ужину. Дмитрий появился на пороге квартиры вместе с дочерью.

– Ну, мать, правильно сделала, что Саньку к бабушке свозила. Молодец! Глянь, как дочура загорела и поправилась, –

весело произнёс он, заходя на кухню.

Супруги оценивающе посмотрели друг на друга. Дмитрий отметил, что жена постройнела, хорошо выглядит, но в её взгляде появилось что-то новое, и это его встревожило. Иванна тоже нашла изменения во внешности мужа. Димка выглядел счастливым: лицо и взгляд светился, улыбка играла на губах. Он похудел, живот исчез, рубашка на нем теперь не топорщилась.

«Оказывается, нам полезнее находиться порознь», – подумала Иванна, а вслух произнесла:

– Мойте руки и за стол.

Отец и дочь наперегонки помчались в ванную. Ивка отстранённо отметила: муж не сделал и попытки поцеловать её.

«Завтра же всё узнаю на работе. И если не нужно отрабатывать две недели, поговорю с Димкой, пусть перевозит нас к матери. Вернусь в город только за документами о разводе».

– О, наша мама решила нас порадовать, сёмги купила, – обрадовался Дмитрий, накалывая кусок рыбы.

Иванна хмыкнула: «Значит, разлучница сама покупала и готовила. Он даже не удосужился заглянуть в холодильник».

– Что-то наш папа перепутал: сёмгу я не покупала. Рыбка уже лежала в холодильнике.

Она давно не видела, как краснеет муж. Сначала побагровела шея, потом краска залила всё лицо Дмитрия.

– Точно, голова садовая! Я же вчера эту рыбу купил и забыл об этом!

– Бывает, – посочувствовала жена. – Заработался совсем.

После ужина супруг привычно расположился на диване.

Иванна навела порядок на кухне.

– Кстати, забыла поблагодарить тебя за духи, – ласково сказала она, заходя в зал.

– Какие? – насторожился Дмитрий, быстро осматривая комнату.

– Французские. Я давно такие хотела. Жаль, что ты коробку выкинул. – Ивка взяла флакон с трюмо и побрызгала на себя. В воздухе поплыл аромат молодой зелени, акации и апельсина. Она еле сдержалась, чтобы не засмеяться, глядя на растерянное лицо мужа.

– Да-а-а, коробочку выкинул, тебе же она не нужна?

– Нет, конечно. – Иванна опустила духи в кармашек сумки. – Такие духи не грех и с собой носить, – пояснила она своё действие.

«Это будет платой за постой», – не удержалась Иванна от маленькой мести.

Зазвонил телефон мужа, он взглянул на экран.

– С работы, – заявил он и вышел на балкон.

«Переживает девушка. Две недели прожили вместе. Привыкла. Ревнует, наверно, ко мне. Ничего, потерпи, скоро это сокровище твоё будет», – мысленно пообещала она сопернице.

– Слушай, Ивка, тут такое дело. Шабашка подвернулась. Работа, есть работа. Когда вернусь, не знаю, – пробормотал

Дмитрий, пряча глаза.

Иванна усмехнулась:

– Поезжай. Надо, так надо.

«Меньше всего мне сейчас хочется лечь с тобой в одну постель. А ведь точно! Я не могу больше спать с ним. Не могу и всё».

В эту минуту ясно и твердо осознала: они с мужем стали чужими людьми.

Утро началось, как обычно, с суматохи. Быстрое приготовление завтрака, торопливые сборы на работу. Дмитрий вернулся домой глубокой ночью. Иванна постелила себе на диване, супружеское ложе осталось пустым. В поликлинике она сразу направилась в кабинет заведующего и положила перед ним заявление на увольнение.

– Если можно без отработки, я хотела бы получить расчёт, – попросила она, немного нервничая.

– А что случилось? Конфликт на рабочем месте? Какие-то претензии? Почему вы решили уволиться? – закидал вопросами главврач.

– Никаких конфликтов, я переезжаю на другое место жительства и уже нашла работу на новом месте, – пояснила Иванна и добавила: – Если возможно, я могу сегодня передать свои обязанности другой медсестре.

– Будем считать, что и вам, и нам повезло. Три дня назад приняли новую медсестру, введите её в курс дела. – Он под-

писал заявление. – Удачи на новом месте, – искренне пожелал бывший начальник.

У Ивки будто груз свалился с плеч. Ей не хотелось оставаться в городе ни на день больше, чем это необходимо. Она знала за собой эту особенность, долго существовать ничего не предпринимая, а потом раз... и обрывать всё. Будто наступал какой-то предел, после которого она не могла жить по-старому. После трёх часов дня, получив документы на руки, Ивка попрощалась с медсестрами. Её немного огорчило, что никто не уговаривал остаться или посетовал, мол, как мы без тебя...

«Свято место пусто не бывает», – утешила себя Иванна. Полдня она пробежала по своему бывшему участку с медсестрой, сменившей её, и не успела перекусить. Желудок урчал так громко, что ей стало неловко. Зазвонил телефон. Высветился номер Таисии.

– Что молчишь? Вернулась в город и ни гу-гу. Я же волнуясь, – закричала трубка голосом подруги.

Иванна поморщилась.

– Я уволилась. Забрала документы. Сегодня вечером поговорю с мужем. Соберу вещи. Надеюсь, Дмитрий поможет перевести пожитки в Потапово, – отчиталась Ивка.

– С тобой ясно. А не хочешь остановиться и подумать?

– Я подумала.

– А о Саньке подумала? Ты лишаешь ребёнка отца! – возмутилась Тоська. – Приезжай, поговорим!

– Тая, обсудим мой поступок после. Ладно? Я хочу побыть одна. – Иванна выключила телефон и открыла дверь в подъезд.

Она хотела вставить ключ в замок, но заметила: входная дверь отворена. Иванна пожалала плечами и потянула ручку на себя.

«Санька что ли дома?»

– Алёна, собирайся быстрее, скоро дочь от подруги придёт, – послышался голос мужа.

– Ты теперь задолжал мне духи, – раздался мелодичный голосок девушки.

– Что я мог сказать жене? Извини, дорогая, эти духи я купил не тебе, а своей любовнице.

– А ты вообще говорить о нас собираешься? Ты же уверял, что давно разлюбил её. Долго ещё будем, как студенты, по квартирам друзей скитаться! Ну, признайся же, эти две недели стали для нас раем!

– Обещаю, что выберу время и поговорю с Ивкой, – в голосе Дмитрия послышалось раздражение.

Иванна стояла в прихожей и не знала, как поступить. Всё-таки она оказалась в анекдотической ситуации, вернувшись с работы на три часа раньше.

«А может это к лучшему. Всё сразу и разрешится».

Она сняла обувь. Хозяйственную сумку поставила на пол и вошла в зал. Потом со смехом вспоминала эту сцену. В комнате на разостланном диване лежал Дмитрий, его пассия

причесывалась возле зеркала, сидя на пуфике.

– Ты...так рано...с работы... – Муж вскочил с постели и растерянно натянул на голое тело простыню.

Девушка с любопытством посмотрела на вошедшую хозяйку. Пальцы прелестницы нервно пробежали по причёске, щеки и шею залил румянец. Иванна вздохнула: чего уж ломать комедию.

– Я поставлю чай, а вы одевайтесь. Побеседуем на кухне. – И с достоинством удалилась из комнаты.

«Обидно мне? Несомненно. И даже немного больно, но резать можно без наркоза, не по живому, отболело. Если было чему болеть», – размышляла она.

Руки машинально ставили чашки на стол, резали колбасу, сыр, лимон. В зале шептались, Дмитрий что-то доказывал подруге, она тихо отвечала. Ивка не заметила, как съела два бутерброда, выпила кружку чая и налила ещё.

– Садитесь, – сказала она мужу и сопернице, стоящим на пороге. – Как дальше будем жить? – Ей хотелось сначала выслушать Дмитрия.

– Как обычно, – пробурчал тот. – С кем не бывает? Ты сама виновата, уехала, внимания мне не уделяла.

– А вы, Алёна, хотите за него замуж?

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – глаза девушки расширились.

– Вы не ответили.

– Как я выйду замуж за Дмитрия, если он женат, – фырк-

нула Алёна. Она не понимала эту спокойную женщину и чувствовала себя неловко.

– Две недели назад я подала на развод. Скоро Дима будет свободен.

Муж возмущённо подпрыгнул на стуле

– Что ты сделала?

– Подала на развод, – повторила Иванна. – Мы давно живём, как соседи. Нам лучше разбежаться, пока окончательно не опротивели друг другу.

– Если ты надеешься на обмен квартиры... – начал закипать Дмитрий.

– Нет. Не надеюсь. Квартиру купили твои родители, она только твоя, – успокоила его Ивка. – А вот мебель из Сашинной комнаты и наши с ней вещи нужно перевезти в Потапово. Я буду за это тебе признательна.

– Ты хочешь лишить меня дочери... – вспомнил Дмитрий, его руки сжались в кулаки.

– С чего ты взял? Можешь в любое время проведать Сашку, до Потапово – семьдесят километров, – напомнила ему Иванна. – Когда захочешь – возьмешь её на выходные. Она по-прежнему остаётся твоей дочерью, я совершенно не собираюсь мешать вашему общению.

– Ты всё обдумала. Для этого ездила к матери?

– И для этого тоже.

Вечером Иванна поговорила с дочерью. Не обошлось без слез и причитаний Сашки, но она, как могла, успокоила

девочку. Дмитрий, проводив Алёну, сразу вернулся домой. Они долго беседовали. Впервые за последние семь лет супруги нормально пообщались. Ивка не стала упрекать и напоминать прегрешения Дмитрия, высказывать свои обиды: не видела смысла. Лучше сохранить нормальные отношения с бывшим мужем.

– Я за два дня уложу вещи, а ты найми грузовую «Газель», чтобы детскую мебель погрузить.

– Может, передумаешь? Как-то слишком быстро всё происходит, – посетовал растерянный Дмитрий.

– А смысл? У нас нет будущего. Чего тянуть резину, – пробормотала Иванна.

Старую мебель из бывшей детской комнаты Ивки вынесли в сарай. Её место заняла новая: кровать Саши, шкаф-купе, письменный стол, детское трюмо с пуфиком. Девочка видя, что родители не ссорятся, тихо-мирно общаются – успокоилась. Дмитрий помог установить мебель, и собрался назад в город. Он долго прощался с Сашкой, пообещав в воскресенье повести её в парк на карусели.

«Ну надо же, это будет знаменательное событие, – усмехнулась Ивка. – Давненько он никуда не ходил вместе с дочерью».

Елизавета Павловна старалась не попадаться зятю на гла-

за, непонятно почему она чувствовала свою вину.

«Плохо воспитала дочь, раз она легко бросила мужа, осиротила Сашеньку», – переживала Елизавета Павловна. Увидев, что бывший зять уехал, покинула кухню.

– Мам, посмотри, как мы устроились. У Саши своя комната. Я намерена спать в зале на диване, а ты в своей комнате, зимняя кухня у нас будет общая. Давай из неё сделаем столовую и гостиную одновременно. Чуть позже я переклею обои, из зала перенесём стол и посудную горку, – радовалась Иванна.

– Ох, дочь, что-то ты больно счастлива, будто не с мужем рассталась, а из заключения вышла. Неужто так плохо жили? – покачала головой Елизавета Павловна.

– Скучно жили – без радости.

– Ты думаешь одной-то лучше? Димку сразу кто-нибудь оженит, разведенков полно. Мужик долго жить один не будет.

– Это точно. У Димы уже есть дама сердца, – усмехнулась Ивка.

– Вот значит как. Слишком ты гордая доча, простила бы со временем, – всплеснула руками мать.

– Мам, я не люблю его, и, кажется, никогда не любила. Ради чего жить вместе?

– Но многие так живут, – задумчиво произнесла Елизавета Павловна.

– Зачем?

– Да как-то перед людьми неудобно, – растерялась мать.

– Я для себя живу, а не для людей. Ты видела, Дмитрий повеселел? Видимо, я тоже ему мало радости приносила. Два несчастливых человека рядом – беда. Пусть хоть ему пове- зет, а там и я своё счастье встречу. Может такое случится?

– Ой, не знаю, дочь! В моей молодости развод позором считался. Сейчас всё по-другому. Сойдутся без загса и гово- рят – гражданский брак, а раньше это называли сожитель- ством.

Данила каждое утро проезжал мимо фельдшерского пунк- та. Понимал, ну не может Ивка появиться на работе на сле- дующий день после отъезда, но он просто не мог не посмот- реть, а вдруг... Сегодня он вёз на рынок зелень и фрук- ты. Прозвеневший звонок телефона заставил его вздрогнуть. Данила схватил трубку. На дисплее высветилось имя – Ива. Лицо полыхнуло жаром, сердце заколотилось с удвоенной силой.

– Дань, ты случайно сегодня не едешь в райцентр?

– Еду. Через пять минут буду у твоего дома. – Он отложил телефон и протянул руку за бутылкой воды: горло пересохло от волнения.

«Схожу с ума, как пацан. Нужно взять себя в руки. Глав- ное, не напугать её. Она только что рассталась с мужем и вряд ли готова к новым отношениям. Ничего, я подожду. Бу-

ду двигаться к ней по шажочку, по сантиметру» – решил Данила.

Возле двора на лавочке сидели все три поколения женщин Самошиных: Елизавета Павловна, Иванна и Александра. Внешне совершенно не похожие друг на друга. Смуглая, круглолицая, черноглазая тетя Лиза, светлая, голубоглазая Саша и неяркая, но такая милая его сердцу, порывистая Ивка.

Машина остановилась. Иванна чмокнула дочь в щёку.

– Завтра, отнесём твои документы в новую школу. До начала занятий достаточно времени.

Данила с трудом держал себя в руках, ему хотелось схватить бывшую одноклассницу на руки и прижать к себе до боли. Он давно не чувствовал такой радости и полноты жизни.

– Привет! Я тебя несильно напрягаю. Ты из-за меня не опоздаешь на рынок? – спросила Иванна, усаживаясь на переднее сиденье.

– Нет, я как раз ехал в Сайду. Ты вовремя позвонила. Будешь на работу устраиваться? – Данила прокашлялся: его подвёл голос, охрипнув внезапно.

– Да. Мы уже с Сашкой переехали к маме.

– Ива, конечно, это не моё дело, но неужели муж спокойно тебя отпустил? – Данила посмотрел в безмятежное лицо спутницы – взял лежащий рядом кусок махрового полотенца и стал протирать приборную панель.

Она посмотрела на суетливые движения водителя и поня-

ла: он волнуется, ожидая ответ.

«Неужели за тринадцать лет не забыл её и до сих пор испытывает к ней какие-то чувства?»

– Мы расстались без скандалов и ссор. Нас ничего уже не связывало. А дочь он всегда может взять на выходные, если пожелает. Дань, я так рвалась из Потапово в город, что выскочила замуж, не задумываясь. Глупо, конечно, поступила, но что сделано, то сделано. Я долго закрывала глаза на то, что мне не нравится городская суэта, что каменная коробка на шестом этаже буквально давит на меня, что дышать свежим воздухом можно только в парке или сквере. Во дворе нашего дома растут три дерева и это вся зелень среди машин и асфальта. Человек долго может себя обманывать и прятать голову в песок, но однажды я поняла, что несчастна. И вернулась домой, – закончила исповедь Иванна.

– Я рад, что ты вернулась.

– А как ты? Почему не женился?

– Сначала ухаживал за отцом и работал: не до того было. Мечтал просто выспаться и отдохнуть. А потом оглянулся вокруг – некого замуж брать, – засмеялся Данила и лукаво посмотрел на спутницу.

– Дань, только не сочиняй! Ты парень видный, не верю, что никто не пытался охомутать тебя. – Ивка бросила взгляд на его высокие обветренные скулы, на чётко очерченные губы и поймала себя на мысли, что он её волнует.

– Как-то не сложилось. Или я не годился на роль мужа,

или мне не подходила кандидатура. – Он помолчал и вдруг решился: – Ты уехала, а мне больше никто не нужен. Ива, скажи, ты ведь знала, как я к тебе относился в школе? – Он досадовал на себя, на свою торопливость. Боялся, что всё испортил. У него появилось ощущение, будто падает в омут с головой. Руки похолодели и вспотели. Данила облизнул пересохшие губы.

Ивке передалось его волнение. Она прислушалась к себе. Посмотрела на спутника, натолкнулась на тревожный потемневший взгляд мужчины. Давно забытое желание нахлынуло волной. Ей захотелось поцеловать эти крепко сжатые губы и погладить его по небритой щеке. Только в юности она старалась быть храброй и ничего не бояться. А... будь что будет!

– Дань, останови машину.

«Идиот! Сейчас она выйдет и больше он её не увидит. Ведь не хотел пугать, ждал столько лет и ещё бы подождал...»

Данила съехал на обочину. Остановил машину.

«Буду умолять её остаться. Слова больше не произнесу о чувствах. Ивка только что с мужем рассталась, а я дубина стоеросовая лезу к ней с объяснениями».

Иванна придвинулась ближе, обняла Данилу за шею обеими руками и коснулась его губ своими. Ответный взрыв страсти с его стороны обрушился на неё ураганным шквалом. Данила покрывал поцелуями её лицо, шею, губы. Они начинали задыхаться и с трудом отстранились друг от друга.

– Я люблю тебя и всегда любил! Уже и не мечтал, что когда-нибудь поцелую. – Он прижался губами к её ладони. – Я буду ждать, сколько ты захочешь. Мы поженимся, когда ты будешь готова.

«Господи, опять я спешу. Она ничего не сказала о чувствах. Может просто пожалела меня?»

– Дань, о замужестве ты, конечно, рановато заговорил. Давай не будем торопиться и узнаем друг друга получше. Я от себя не ожидала, что наброшусь на тебя, никогда такого не испытывала... Ты сводишь меня с ума. – Иванна глядела в сияющие зелёные глаза одноклассника и чувствовала себя тающим сливочным маслом. Больше всего ей сейчас хотелось продолжения поцелуев.

– Так тебе и надо! У меня ты давно украла покой и сердце. Когда ты вышла замуж, мне хотелось умереть. Я еле выбрался из пропасти. Отец не дал мне времени на переживания, некогда было жалеть себя. Больше я тебя никому не отдам.

– Дань, надо ехать, – напомнила она.

Он наклонился и нежно поцеловал.

– Давай вечером отметим твоё возвращение домой, – предложил Данила. – Пожалуйста! Я заеду за тобой вечером, часиков в шесть.

– И куда мы поедем? – Иванна улыбалась и отгоняла от себя нескромные мысли.

– Увидишь.

Данила высадил её у больницы. Она смотрела ему вслед,

пока машина не скрылась из виду. В отделе кадров приняли быстро, задержаться пришлось, ожидая приезда молодого врача, назначенного фельдшером в Потапово. Иванна разговаривала с заведующей поликлиникой Марией Ивановной, когда худенький, нескладный мужчина вышел из кабинета главврача и стал оглядываться по сторонам. Заведующая окликнула его:

– Арсений Петрович, идите сюда.

Врач поправил круглые очки, застенчиво улыбнулся и направился к ним.

– Знакомьтесь, это ваша коллега Иванна Леонидовна, вы вместе будете трудиться в Потапово. Если что непонятно, спрашивайте у неё. Она местная жительница и думаю, поможет вам обустроиться. Вы, Арсений Петрович, кажется, на машине?

Мужчина снова поправил сползающие с тонкого носа очки и молча кивнул. Светло-русая челка упала на глаза.

«Он явно только после мединститута и очень смущён», – подумала Ивка, глядя на порозовевшие щеки будущего коллеги.

– Вот и хорошо. Иванна Леонидовна покажет дорогу, медпункт и ваше жильё. Вы получили медикаменты? Ключи взяли?

Арсений Петрович снова молча кивнул, лицо мужчины приобрело свекольный оттенок.

Попрощавшись с заведующей, они вышли из здания по-

ликлиники. Молодой врач шествовал впереди. К удивлению Ивки он направился к новенькой «Ауди» 80. Пискнула сигнализация. Арсений Петрович обернулся и на удивление сильным бархатным голосом произнёс:

– Садитесь, Иванна Леонидовна, будете навигатором.

Только дважды в жизни её поразили голоса новых знакомых: низкий бас Левы Тонева и вот теперь мягкий баритон нового врача. Арсений Петрович видимо знал о несоответствии своего внешнего вида и голоса, поэтому усмехнулся, заметив её изумление.

– Предпочитаю помалкивать.

– Да, доктор, вам бы в психиатрию с таким голосом. Заслушаешься, – улыбнулась Иванна. – Одну минуточку, я позвоню знакомому, сообщу, что уехала.

В машине приятно пахло автомобильным парфюмом. Лобовое стекло авто украшали непонятные блестящие штучки, похожие на пружинки и елочки одновременно. Оплетка руля сияла яркими серебристыми звездочками, на крышке бардачка отсвечивал металлом рисунок орла, раскинувшего крылья. Иванна вспомнила «Волгу» Данилы, источающую ароматы лука, укропа, овощей и строгий салон его машины без единого украшения.

«Он почти мальчишка. Сколько ему лет? Самое большее двадцать семь, и судя по машине, он явно не из бедной семьи».

– В Потапово хоть какие-то развлечения есть? – поинте-

ресовался Арсений Петрович.

– Рыбалка, лес, грибы, библиотека. В кино придется ехать в соседнее село. Боюсь, вам будет у нас скучно, – посочувствовала Ивка.

– Ничего, на выходные я отправлюсь домой. Зато в деревне практика лучше. Мне нужно пять лет отработать. Полмиллиона ушло на эту красавицу. – Он с любовью провёл по дверце машины. – Другую половину сестре отдал на ипотеку, – простодушно пояснил Арсений. – Можно вас попросить?

Ивка кивнула.

– Зовите меня по имени.

– Хорошо.

«Вот и первое неправильное заключение. Парень получил миллион по договору. Будет отрабатывать», – поняла она.

– Ну а вы тогда меня – Ивановой. Вот здесь поверните. – И показала на грунтовую дорогу, ведущую в село.

На горке, откуда открывался прекрасный вид на Потапово, врач остановил машину.

– Как красиво! – восхитился Арсений.

«Кажется, мы сработаемся, – обрадовалась Иванна. – Он просто не может быть плохим человеком, если видит красоту».

– Сейчас вниз, потом через мост во-о-он до того белого домика с синей крышей, – показала она дальнейший путь.

По мосту машина проехала на заречную сторону села.

Возле аккуратного здания фельдшерского пункта Арсений остановился.

– А неплохо! Явно недавно делали ремонт. Крыша современная и заборчик новенький. Как я понимаю: дверь слева – вход в кабинет, а справа – в мою квартиру?

– Правильно понимаешь. Посмотрим? – Иванна оглядела заросшие клумбы во дворе, дорожку из серой тротуарной плитки, ведущую к входу в медпункт. – Придется повозиться и привести двор в порядок.

Арсений открыл дверь в квартиру. Из маленького коридорчика имелся вход в большую комнату и кухню.

– Негусто, – осмотрелся врач. – Хорошо, что мебель есть.

В светлой комнате с двумя высокими окнами стояла кровать, шкаф и стол с единственным стулом. На кухне обнаружилась двухкомфортная газовая печь, кухонный стол, пара навесных шкафчиков и крохотный старый холодильник «Астра» восьмидесятых годов прошлого века. Иванна, открыв шкаф, нашла пару алюминиевых кастрюль, электрический чайник и несколько тарелок.

– Жить можно, – обрадовался Арсений. – Давайте посмотрим медпункт.

От входной двери открывался вид на просторный коридор и приемную врача. Если не обращать внимания на тонкий слой пыли на белой медицинской мебели, на паутину в углах и серый цвет жалюзи, все выглядело неплохо.

– У вас есть постельное белье? – поинтересовалась Ивка.

– Не волнуйтесь, меня собирали две женщины: мама и сестра. Думаю, кроме постельного белья, они положили в сумки ещё много чего. Например, заставили меня взять ящик картошки, будто я не в деревню еду, а на северный полюс.

Иванна глянула на часы: половина шестого.

– Давайте так. Вы устраивайтесь, а завтра наведём порядок во дворе и медпункте. Я приду к восьми, а сейчас мне пора.

– Конечно, конечно, до завтра, – кивнул Арсений и поправил сползающие очки.

Иванна торопливо направилась по улице домой. Прошагав быстрым шагом метров триста, сообразила: всё равно не успеет собраться к шести часам. Как-то нужно объяснить матери свое отсутствие вечером, принять душ после жаркого дня, сказать дочери пару слов. Она набрала номер Данилы.

– Дань, я задержалась в поликлинике... – не успела договорить, как в трубке послышался тяжёлый вздох. – Давай перенесём встречу на половину восьмого, – продолжила она.

В ответ раздался его радостный голос:

– Да хоть на десять. Я приеду за тобой.

Возле двора Самошиных новые подружки Саньки сестры-близнецы Оля и Валя учили её играть в городки. Дочь, увидев Иванну, бросилась на встречу.

– Мам, смотри, какую битую мне бабушка дала!

Ивка покрутила в руках отполированную увесистую пал-

ку.

– Это моя бита. Надо же, бабушка сохранила.

– Ага, она так и сказала. А мы не ужинали, тебя ждали, – сообщила дочь, забирая битку.

– Здравствуйте, девочки, – поприветствовала Иванна сестёр. – Саша поужинает и выйдет гулять.

– Да подождите меня, я быстренько, – крикнула Санька и понеслась во двор.

На кухне Елизавета Павловна резала салат из огурцов и помидоров.

– Мам, вы не ждите меня, кушайте. Я выкупаюсь и попою с вами чай.

После душа Иванна критически осмотрела себя в зеркало. Отметила посвежевшее лицо, глаза с блеском, улыбнулась: «А ничего для тридцати лет, очень даже ничего».

Ей не хотелось признаваться себе, что она с нетерпением ждёт встречи с Данилой.

На кухне мать находилась одна, голос Сашки раздавался на улице.

– Рассказывай, – попросила Елизавета Павловна. – Не тяни, вижу, сияешь.

– С завтрашнего дня начинаю работать в фельдшерском пункте. Нового врача назначили. Я с ним из города вернулась.

– Ну и хорошо. – Мать промокнула глаза кончиком ситцевого фартука в синий горошек.

Иванна налила чай, отхлебнула.

– Мама, сейчас за мной заедет Данила, он хочет показать свои теплицы, участок, – смущённо пробормотала она.

– Ой, зря он это делает. Люди уже дважды видели вас вместе и скоро начнут болтать, что ты бросила мужа из-за Даньки Кузнецова.

– Мам, а какое дело до меня людям, – возмутилась Ивка.

– Сегодня в магазине меня спрашивали, что ты в селе делаешь? Пришлось сказать, развелась с мужем и вернулась в Потапово, – с досадой проворчала мать.

– Правильно сказала, – одобрила дочь. – Мам, я обещала Даньке, что поеду с ним к теплицам.

– Ты меня за дуру-то не держи. Молодой мужик приглашает бабу вечером на озеро. Если вас вместе увидят, вся деревня болтать станет – это тебе не город, – возмутилась Елизавета Павловна.

– Мам, а что тебя смущает? Даня не женат, я развожусь. Мы свободные люди. Как, по-твоему, я должна себя вести?

– Сначала разведись, поживи сама, а там видно будет, – посоветовала Елизавета Павловна.

– Понятно, нужно соблюсти приличия, – хмыкнула Ивка.

– Вот именно, приличия. Неприлично ездить с чужим мужиком в поле, на ночь глядя, – буркнула Елизавета Павловна.

– Мам, я обещала и поеду. Мне не пятнадцать лет, – разозлилась Иванна.

– Смотри, чтобы потом не пожалела!

– Мам, пожалуйста, давай не будем ссориться, – попросила расстроенная дочь.

– Ты же всё равно меня не слушаешь и сделаешь по-своему.

– Мамулечка, не послушаю, но и ты не ругайся. – Ивка обняла мать. – Разве ты не хочешь мне счастья?

– Ой, доча, не получится у тебя с ним счастья! Чует моё сердце. – Какая-то боль или досада промелькнула в глазах матери.

В кухонное окно Иванна увидела подъехавшую к дому «Волгу» Данилы.

– Проследи, чтобы Санька вымылась вечером. – Ивка поцеловала мать в щёку и, подхватив сумочку, выскочила на улицу.

– Куда направляемся? – поинтересовалась она, отметив чистую рубашку, пушистые, немного лохматые после душа волосы Данилы.

– Я покажу место, где провожу большую часть времени. Поедем к озеру.

– Значит, я угадала.

Земли Данилы протянулись вдоль озера. В пятидесяти метрах от воды стояли две теплицы метров по тридцать. Все застекленные рамы с боку и торцов теплицы были подня-

ты. Ближе к воде находился маленький вагончик на колесах. Возле него под навесом расположился мангал, деревянный самодельный стол с двумя лавками и крохотная печурка из огнеупорного кирпича. Иванна оглядела уютное, своеобразное подворье.

– Ты хорошо устроился. Здесь так красиво. Озеро, ивы у воды, прохладно, птицы поют.

– А вечером лягушки, – засмеялся он. – И комары тоненько так зудят. Данила вытащил сумку из машины, поставил на стол под навесом.

Ивка приблизилась к столу, села на лавку. Данила вынес из вагончика кресло качалку.

– Садись сюда, я буду смотреть на тебя и готовить ужин.

– Помочь?

– Не надо, я хочу сам накормить тебя. – Он разжёг дрова, сложенные в мангале. Выложил на решетки карпов. Поставил на стол приготовленную заранее нарезку из мяса и сыра. Крупные кисти белого и розового «Дамского пальчика» в красивой плетёнке заняли свое место на столе. Данила, как фокусник, вытащил из озера бутылку шампанского, почти без хлопков открыл её. Из своей бездонной сумки достал два бокала.

– Давай отметим твоё возвращение.

Иванна взяла бокал.

– Давай.

Прогорели дрова. Данила установил решетки с карпами

на мангал.

– Ты часто здесь ночуешь? – поинтересовалась она, заметив возле вагончика летний душ.

– С ранней весны и по начало октября часто, в остальное время здесь делать нечего. Теплицы не отапливаются. Домой заезжаю каждый день, матери помогаю. – Он снова наполнил бокалы. – За исполнение мечты!

Иванна улыбнулась. В глазах Данилы плясали чёртики, его взгляд будоражил кровь и сбивал дыхание.

– Твоей или моей?

– Наших. И моя пусть исполнится и твоя. – Данила выпил вино. Вилкой проткнул рыбу на решетке. – Карпы готовы.

Иванна наблюдала, как он ловко уложил рыбу на блюдо, в овощной салат натёр сыр, добавил масло. Она встала с кресла. Подсела к столу.

– Боже, как вкусно! Напомнил детство. Мы ведь всё лето карпов в костре запекали на решетках из старых холодильников.

– А закусывали при этом ворованными огурцами из огорода бабы Глаши, – напомнил Данила.

– Потому, что только у неё огурцы без горечи. Нам досталось, когда баба Глаша поймала нас и рассказала родителям. Я три дня сидеть не могла, добрый папаша ремнём отходил, – хмыкнула Ивка.

– А мне неделю на улицу выходить запретили, и это летом, – добавил Данила.

От реки потянуло сыростью. На небе взошла яркая луна, зажглись звёзды. Данила принёс их вагончика лёгкую куртку и плед. На плечи Иванне накинул куртку, ноги укутал пледом. Они допили шампанское, доели рыбу и салат. Данила развёл огонь в печи и поставил закопченный чайник на плиту.

– Я сейчас напою тебя своим фирменным чаем, – предложил он.

У Иванны от шампанского слегка кружилась голова. Она наблюдала за скупыми движениями друга детства и ловила себя на мысли, что ей давно не было так хорошо и спокойно. На озере лягушки завели концерт, слышался плеск рыбы, захватывающей комаров и мошек над водой. Данила заварил чай и подал ей ароматный напиток. Ивка с наслаждением вдохнула пахнувший дымком чай и отхлебнула глоток.

– Чабрец, лимонник, листья чёрной смородины и что-то ещё, не узнаю?

– Угадала, это мы пили в детстве, плюс листья малины и душицы, – подтвердил он.

– Дань, как ты жил всё это время?

– Когда вы с Тосей уехали из Потапово, хотел отправиться в город следом за вами. Думал, если буду рядом, ты обратишь на меня внимание. Поговорил с отцом, он тогда ещё немного ходил, мог сам себя обиходить. Отец посоветовал: «Если Ивка твоя судьба, она вернётся. Сейчас ты до неё не достучишься. А нам без тебя будет трудно. Будь мужчиной,

сын, прими всё, как есть».

Не знаю, прав ли он оказался? Ты вышла замуж, и я понял, что потерял тебя. Иногда вспоминаю, как я упрекнул его: «Из-за вас у меня нет своей жизни».

Отец промолчал. До последнего дня, преодолевая боль, он всё делал сам. Мужественный человек. Никогда не жаловался и не роптал на судьбу. Последние два года, будучи парализованным, говорил с трудом, но меня поддерживал. Когда он умер, стыдно сказать, я почувствовал облегчение и... пустоту. – Данила не стал рассказывать Иванне, что обижался на мать, которая отказывалась сидеть с мужем и повторяла: «Я не могу видеть его в таком состоянии, просто не могу».

А отец любил свою Машеньку и боготворил до последней минуты, и с него взял слово оберегать её. Данила и оберегал. Мама делала только лёгкую работу, остальное выполнял он.

– Ну а ты как жила? – вынырнул из грустных воспоминаний Данила.

– Первые три года нормально. Сумела убедить себя, что именно в городе моё место, не хотела замечать, как действует на нервы сутолока, тяготит квартира, а потом и муж. Так старалась убежать от кошмара отцовского пьянства и убожества, что возвела жизнь в городе в мечту. Какие там театры, кино и выставки. Мне хотелось одного – выспаться. Почему-то я всё время ощущала усталость и раздражение. Таисия ведь была счастлива, значит дело не в городе, а во мне. Я долго не хотела признавать свою ошибку. – Про себя Иванна

подумала: «А если бы не измена мужа, которая подтолкнула к действиям. Через пару лет превратилась бы в замотанную брюзгу и злую тетку». – А как поживает Лёнчик? Ты о нём слышал?

– Лёнчик прошлым летом приезжал с женой к матери. Детей у них нет, он уже майор, служит в Рязани. Его жена Лена – предприниматель. Если я правильно понял, у неё заводик по розливу минеральной и сладкой воды. Ива, я давно хотел спросить тебя. Помнишь, наши катания с высоких скирд в детстве? Что ты имела в виду, когда сказала: «Я не для вас прыгаю, а для себя». Я долго ломал голову над твоими словами.

– Вы считали меня храброй, а на самом деле я трусиха. Боялась всего на свете: темноты, пауков, лягушек, высоты и...отца. Когда он орал, я не хуже мамы паниковала и хотела ему подчиниться, лишь бы он не дрался. Чувствуя в себе эту слабость, решила выдавливать трусость из себя по капле. Мне приходилось очень трудно, представляешь: ночью в своей комнате я тряслась от страха при виде портрета бабушки. Мне чудилось, что умершая старушка смотрит на меня со стены. Мама догадалась и убрала фото покойницы. Тая на самом деле смелее меня. Она не лазила по деревьям и скирдам не потому, что страшилась, а потому, что ей не надо ничего себе доказывать. Подруга рассуждала здраво: «Я не трусиха, но и рисковать зря не буду». Мне же не хотелось стать такой покорной, как мама. Я не доверяла себе. И оказывает-

ся, не зря! Десять лет жизни с Димкой – тоже трусость.

– Бедная моя девочка, всё равно я считаю, что у тебя храброе сердечко. – Данила встал и обнял Ивку за плечи.

Она включила подсветку на телефоне: одиннадцать ночи.

– Дань, мне пора домой. Спасибо тебе за вечер. Завтра у меня первый рабочий день, нужно навести порядок и в фельдшерском пункте, и во дворе, там бурьян вырос.

– Хорошо, я сейчас уберу со стола, закрою вагончик и отвезу тебя. Буду сегодня ночевать в Потапово.

Ивка помогла Даниле вымыть посуду и навести порядок.

– А если нет луны, ты как в темноте справляешься?

– У меня в вагончике стоит большой аккумуляторный фонарь, – пояснил он, принимая у неё посуду.

Иванна сняла куртку.

– Положи в фургон.

Данила взял ветровку, притянул Ивку к себе. Глаза его блестели в лунном свете. Она весь вечер ждала и боялась его прикосновений. Они будили в ней сумасшедшую девочку из юности.

«Да какую девочку! – одернула она себя. – Он будит во мне страсть».

Данила прикоснулся губами к её закрытым глазам, потом мелкими поцелуями стал покрывать лицо и шею. А от долгого поцелуя оба задохнулись.

– Дань, мне, правда, нужно домой, – прошептала Ивка, мечтая совсем о другом.

Он отстранился.

– Когда мы увидимся?

– В любое время. У тебя есть мой номер, – улыбнулась она. – Я никуда от тебя не денусь.

– А я тебя больше и не отпущу! – пригрозил Данила.

ГЛАВА 4

В начале октября Иванна получила развод. Спустя два дня Дмитрий позвонил, чтобы бывшая жена забрала свои вещи, которые обнаружила Алена. Ивка выкроила время и поехала в Излучинск. В доме на Цветочной улице ничего не изменилось: тот же замусоренный подъезд, не работающий лифт. На её звонок дверь открыл Дмитрий. Она замерла от удивления: на бывшем муже красовался женский фартук веселенькой расцветки.

– Проходи, я сейчас освобожусь. – Он торопливо направился в кухню.

Ивка разулась и последовала за ним. Дмитрий стоял у плиты и помешивал булькающее варево в глубокой сковороде.

– Через двадцать минут придет Алёна, она теперь работает недалеко от дома. Пообедаешь с нами. Я готовлю рататуй, – похвастался бывший муж.

– Ты знаешь, как его готовить?

– Теперь да. Прочёл в кулинарной книге. Да это только название необычное. А вообще рата – означает еда, а туй –

смешивать. Кажется на французском языке. Вот и получается рататуй – овощная еда.

– Очень интересно попробовать. И давно ты научился готовить?

– С месяц. Не знал, что это увлекательно. Так приятно порадовать чем-то необычным Алёну, – простодушно сообщил Дмитрий.

Иванна сглотнула комок в горле. За десять лет семейной жизни он не удосужился даже яичницу пожарить.

«Ну и кто в этом виноват? Значит, я не сумела пробудить в нём желание помогать и делать приятные вещи. Алёна сумела. Димка счастлив, доволен – это видно не вооружённым взглядом. Он даже выглядит по-другому. Захотела бы я остаться с таким мужчиной?»

Она внимательно посмотрела на бывшего мужа.

«Нет. Всё равно не хочу. Да, сейчас он привлекательный мужчина, но чужой. А ведь точно, для меня Димка чужой и не вызывает чувства родства или просто желания».

– Дима, где пакет с вещами?

– В шкафу, в прихожей.

Иванна открыла шкаф и вытащила пакет.

«Надо же, летняя куртка. Я о ней уже забыла. Ботики, зимние сапоги и старые туфли в хорошем состоянии».

Раздалась трель дверного звонка. Иванна отомкнула дверь.

– Здравствуйте, – немного удивлённо протянула новая хо-

зьяка квартиры.

– Я за вещами. – Ивка показала на пакет.

– Алёнка пришла? – Из кухни выскочил Дмитрий. Чмокнул девушку в щёку. – А у меня всё готово. Мои руки и obedать. И ты тоже. – Повернулся он к Иванне. – С грязными руками к столу не пушу.

– Есть, мой генерал! – отсалютовала Алёна.

На кухне уже был накрыт стол. В плетёнке лежал хлеб. В тарелках исходил аппетитным запахом рататуй, маслянисто сверкал соус крохотных креманках.

– Ну как? – Дмитрий нетерпеливо ждал оценки своего кулинарного шедевра.

– Очень вкусно, – похвалила Ивка.

– Обалденно, – восхитилась Алёна. – Пища богов!

Дмитрий в ответ засиял счастливой улыбкой.

– Иванна, вы отпустите с нами Сашу на осенних каникулах в Домбай? У меня двухнедельный отпуск, а Дима отпра-сится с работы.

Ивке ужасно не хотелось, чтобы дочь ехала с ними. От-вратительное чувство ревности закопошилось в её душе. С трудом подавила его. Отец имеет такое же право на дочь, как и она.

«Эта шустрая девочка уже приручила и перевоспитала Дмитрия. А вдруг и Сашке понравится общаться с ней, – с досадой подумала Иванна. – Неужели лучше, если бы Алёна оказалась стервой и запретила Диме видеть дочь?»

– Конечно, отпущу. Санька никогда не видела горы, ей будет очень интересно, – сумела справиться со своими эмоциями Иванна и даже улыбнулась.

– Дима тоже не видел, пусть попробует стать на лыжи. Вы не представляете, сколько сил мне понадобилось, чтобы он согласился ходить в тренажерный зал. Еле уговорила.

Ивка поперхнулась.

«Димка оторвался от компьютера!»

– Вы молодец, Алёна. Он намного лучше стал выглядеть, постройнел, помолодел, – искренне похвалила Иванна.

Гордый Дмитрий подбоченился.

– Я вернусь утром, так что не волнуйся. Завтра выходной, Данила привезёт меня утром, – сообщила Иванна матери, одевая ветровку.

Елизавета Павловна нахмурилась. Два-три раза в неделю дочь вечерами уезжала с Кузнецовым на озеро, но на всю ночь впервые.

– Ива, и долго вы собираетесь жениться?

– Недолго. Данила сделал мне предложение. Я выйду за него замуж, когда буду готова.

«К тому же похолодает, и свидания в вагончике потеряют свою прелесть», – рассуждала она.

Иванна встречалась с Данилой уже два месяца и поняла,

что он не просто нравится ей. Казалось: она всегда любила его, только не признавалась в этом. Сегодня скажет, что согласна выйти за него замуж.

– Савеловна никогда не согласится, чтобы ты стала её невесткой, – буркнула мать.

– А почему? Она не хочет счастья своему сыну?

– Хочет и очень любит его, но себя любит ещё больше.

Мария не уступит невестке своего влияния на сына.

– Никто её влияние не оспаривает. Пока она ничем нам не мешала.

– Это пока, а как узнает, что он собрался на тебе жениться, выкинет какой-нибудь номер, – припугнула мать.

– Дикость какая-то, – возмутилась Иванна. – Что она может сделать?

Ивка поежилась, вспомнив Марию Савеловну. Мать Данилы не любила её и всегда придиралась к ней в детстве. А один случай показал, что тётя Маша не просто не любит, а испытывает к ней настоящую злобу и ненависть.

Они играли в казаки-разбойники, Ивка ловко перепрыгнула с одного дерева на другое, а пытавшийся схватить её Данила сорвался и упал. Высота небольшая и он, упав на кусты, только поцарапался. Но его лицо выглядело страшновато. Им удалось остановить кровь из порезов подорожником, Данила вымылся в реке, и только разорванной рубашке ничего нельзя было сделать. Друзья проводили его домой. Мария Савеловна сидела на лавочке с подругой, когда виноват

тая компания привела её сына. Женщина, испуганно вскрикнув, оглядела своего ребенка.

– Данила, иди в дом, а я поговорю с твоими друзьями.

Ивке внешне очень нравилась Кузнецова. Она не походила на сельских женщин, была белокожая, незагорелая, кукольно-красивая и хрупкая. Но когда она несколько раз несправедливо обидела её, та стала относиться к ней насто-роженно.

– Я знаю, что это ты виновата, – прошипела Мария Савеловна, глядя с ненавистью на Ивку. – Только твоя подлая на-тура придумывает разные проказы.

– Но он сам упал, я его не толкала, – попыталась оправ-даться девочка.

Данька уже скрылся в доме, Ленчик и Тоська отступили в сторону. Иванна упрямо смотрела женщине в глаза, и это почему-то привело ту в неопишемую ярость.

– Ты маленькая сучка, будешь тут ещё оправдываться... – Мария Савеловна схватила Ивку за плечи неожиданно силь-ными руками и затрясла, как грушу. Пена выступила на гу-бах женщины. Она с силой толкнула девочку на землю. Ивка ударилась головой и плечом о лавочку. Обида захлестнула ребёнка, но она удержалась, не заплакала. Молча поднялась и пошла прочь.

Это воспоминание заставило Иванну встревожиться.

– Ты спрашиваешь, что она может сделать? – повторила вопрос Елизавета Павловна. – Придумает, не сомневайся!

Послышался звук мотора.

– Данила приехал. Мам, не переживай, проблемы будем решать по мере накопления. – Ивка попыталась выбросить из головы неприятный разговор. – Уроки у Саньки я проверила. Не позволяй ей долго торчать у телевизора, ты слишком много позволяешь своей внученьке.

– Да иди уже, на то и бабушки, чтобы баловать. – Елизавета Павловна наблюдала в окно, как дочь села в машину, как склонились друг к другу головы молодых людей. Она не стала говорить Ивке, что передавали ей не занятые делом пенсионерки-подруги.

Мария говорила: «Пусть мой мальчик для здоровья встречается с дочкой алкоголика, потом он всё равно её бросит. Ему порченые, да ещё с детьми, не нужны».

Возле озера слышался гусиный гвалт и гогот.

– Что это? – Иванна вышла из машины и огляделась по сторонам.

Маленькое озеро и весь берег белел от огромного количества гусей.

– Сегодня в обед несколько стай опустились на воду, – пояснил Данила. – Такое вижу впервые, гуси всегда пролетали мимо. Я рад, что в деревне не узнали об этом, а то бы устроили бойню. – Он закрыл «Волгу».

Ивка поднялась в вагончик.

– Дань, у тебя есть вино?

– Бутылка шампанского, но оно теплое: в шкафу стоит.

Есть повод что-то отметить? – Он открыл шкаф, вытер бутылку от пыли кухонным полотенцем. – Яблоки почистить?

Иванна поставила бокалы на стол.

– Не надо ничего. А повод сейчас узнаешь. – Она вдруг разволновалась, на душе стало тревожно. Подняла налитый доверху бокал. – Кузнецов, я согласна выйти за тебя замуж.

Данила залпом, как воду выпил шампанское.

– Белые гуси на своих крыльях принесли мне счастье. – Он так крепко прижал к себе Ивку, что она сдавленно пискнула.

– Какой ты, Кузнецов, однако романтичный. Надеюсь, теперь я не буду ассоциироваться у тебя с гусями.

Иванна выглянула в коридор – никого. Выдохнула облегчённо. Фельдшерский пункт принимал больных с Потапово и ещё пяти хуторов. Сегодня даже не удалось пообедать. Она с Арсением успела на ходу попить чай с бубликами и всё. После обеда у неё разболелась голова, проглотив таблетку, Иванна уселась за бесконечные записи. Отрывалась от бумаг только чтобы поставить градусник, сделать укол или обработать рану. Иногда ей казалось, что они скоро утонут в тоннах справок и записей, словно самым важным в медицине не прием пациентов, а правильное заполнение бланков. Пошел третий месяц их работы в селе. Арсений освоился, поставил «тарелку» для приема спутникового телевидения,

увлекся рыбалкой, грибной охотой. Он даже нашел друзей среди горожан, переехавших в деревню. Молодой врач имел лёгкий, уживчивый характер, Иванне с ним хорошо работалось. Он имел мало опыта в лекарском деле, но обладал хорошими знаниями и не стеснялся, если необходимо, спрашивать совета.

Вечером Данила пригласил Иванну к себе домой. Они вместе собирались сообщить Марии Савеловне о своём решении. Её руки он попросил у матери Ивки три дня назад, явившись к ним домой с цветами, коробкой конфет и неизменным шампанским. Санька после поездки в Домбай с отцом и Аленой, приняла развод родителей спокойно. Девочка поняла: папа и мама по-прежнему её любят. Она с интересом смотрела на новые условия жизни родителей.

Иванна выбрала тёмно-синее платье классического покроя. Короткие волосы уложила в причёску. Она помнила: Мария Савеловна даже дома одевалась со вкусом – этакая деревенская аристократия.

На что мама ехидно заметила: «Можно строить из себя даму, если с детства ничего не делать».

Данила, приехав за ней, с восхищением оглядел наряд, дотронулся до нитки бус на груди Ивки.

– Какая ты у меня красивая!

У своего дома он подал руку Иванне, помог выйти из машины.

У неё от волнения подкашивались ноги и холодели руки.

«Боже мой, я боюсь его матери».

Они вошли в калитку. Иванна заметила много перемен: двор выложен цветной плиткой, дорожка из такой же плитки вела к хозяйственному двору. Дом крыт красной итальянской черепицей, стены строения обложены белым кирпичом.

– Очень красиво! Когда ты успел?

– Только два года назад закончил ремонт. – Даниле было приятно видеть её восхищение.

Он открыл дверь и пропустил любимую вперёд. В зале за накрытым столом нахохлившись, сидела Мария Савеловна. При виде них она встрепенулась и выдавила улыбку, от вида которой все дурные предчувствия Ивановны проснулись снова.

По сравнению с матерью Ивки она выглядела прекрасно. Больше сорока пяти лет Марии Савеловне никто бы не дал, хотя ей, как и Елизавете Павловне, исполнилось пятьдесят восемь.

– Здравствуйте, рада вас снова увидеть, – пролепетала Ивка, ругая себя за трусость.

– Проходи, Ива, садись. Сынок, ты бы сразу подал горячее. – Елизавета Павловна мило улыбнулась, от чего её лицо буквально осветилось.

Данила отправился на кухню. Мария Савеловна повернулась к ней. Иванна поразилась произошедшей с ней переменной. Лицо женщины исказилось ненавистью и злобой, вмиг сделав её старше.

– Послушай меня. Мне такая невестка, как ты не нужна, да ещё с чужим довеском. Он не будет счастлив с тобой. Я вижу тебя насквозь, такая же дрянь, как твоя мать! Поэтому если не хочешь неприятностей, откажись от моего сына. Задурила ему голову. Он найдет себе лучше.

Ивка ошеломлённо слушала хозяйку дома. Ей даже в кошмарах не мог привидеться такой приём.

– Но послушайте, мы любим друг друга, – выдавила из себя Иванна.

– Я тебе своё слово сказала. – Мария Савеловна вытянула шею и посмотрела в сторону кухни. – И только попробуй пожаловаться сыну. Я скажу, что ты всё выдумала. – На её лице расцвела приветливая улыбка.

Иванна не оборачиваясь, поняла, появился Данила.

Остаток вечера она держалась изо всех сил. Мария Савеловна рассказывала смешные случаи из детства сына, хладнокровно выслушала сообщение об их решении соединить судьбы.

– Сынок, что-то наша гостья невеселая, может, болит что-то? Или она не рада твоему предложению?

Данила встревожено посмотрел на Иванну.

Та проглотила ком, стоящий в горле и тихо произнесла:

– Немного устала на работе. А предложению рада, о таком мужчине, как ваш сын, Мария Савеловна, можно только мечтать.

Она увидела посветлевшее лицо Данилы и отвернулась

от мгновенно налившихся злобой глаз Марии Савеловны. К концу вечера Ивка и впрямь почувствовала себя больной.

– Спасибо за гостеприимство, всё вкусно. Я хотела бы поехать домой, – сказала она, чувствуя себя без сил.

Возле своего дома еле сдержала слезы, отвечая на прощальные слова Данилы.

В кухне за столом мать пила чай со своей давней подругой Катериной.

– Что-то ты быстро вернулась с торжественного ужина, – заявила тётка.

– Голова разболелась, да и день выдался трудный. Я пойду лягу.

– Иди, конечно. Санька уже спит. А мы с Катей ещё почаевничаем.

Иванна умылась холодной водой, но ощущение прилипшей к ней мерзости смыть не удалось. Она горько заплакала. Открыла душ и уселась в ванну. Упругие струи обтекали тело и смывали слёзы вместе с болью.

«Я не собираюсь сдаваться», – разозлилась Иванна.

На следующий день они подали заявление в загс в районном центре Сайда. Регистрацию назначили на двадцатое декабря.

А в конце ноября Иванну и Арсения вызвал главврач. Они закрыли фельдшерский пункт и отправились на ковер к начальству. Возле двери главврача просидели больше часа.

Дверь кабинета открылась. Завполиклиникой Мария Ивановна оглядела их и кивнула: «Заходите».

– Иванна Леонидовна, вы хотите работать в Потапово?

Ивка непонимающе округлила глаза.

– Конечно, мне нравится моя работа.

– А почему вы, тогда грубите больным? Не выполняете свои служебные обязанности? Да ещё и втридорога приторговываете лекарствами!

– Что? Я никогда не грубила пациентам, а тем более не торговала лекарствами, – возмутилась Иванна.

– Три недели назад пришла первая анонимка, потом ещё две. Анонимки мы не рассматриваем, но звоночек неприятный. А вот два дня назад получили письмо с подписью. Две бабульки из вашего села написали о безобразиях, творимых медсестрой. Они сообщали, что врач позволяет Иванне Леонидовне торговать лекарствами.

– Мария Ивановна, но это же полное вранье, – воскликнул Арсений Петрович, вскочив со стула.

– Сядьте. Я позвонила на прежнее место работы Иванны Леонидовны. Её прекрасно охарактеризовали, ни одного нарекания за десять лет. Проверку провести все-таки придётся. А вы, Иванна, если чем-то насолили этим пенсионеркам, поговорите с ними. Если письма будут продолжаться, это будет ударом по вашей репутации. И поверьте, вас могут уволить.

– Я ни с кем не ссорилась и не могу догадываться, кто написал клевету.

– А у вас, Арсений Петрович, есть идеи, догадки? – поинтересовалась завполиклиникой.

– Нет, – растерялся врач.

– Не положено, но я назову вам фамилии бабушек, а вы вежливо поговорите с ними и узнайте, почему они клеветают на вас. – Мария Ивановна достала лист бумаги из папки. – Галина Семеновна Таратута и Полина Григорьевна Леднева. Вам что-то говорят эти фамилии?

– Да, к сожалению, – стиснула зубы Иванна. – Я поговорю с ними.

– Может, просветите нас? Кажется, вы всё поняли, – хмыкнула Мария Ивановна.

– Это личное. – Опустила голову Ивка.

– Вы не хотите сохранить работу?

Иванна вздохнула.

– Я выхожу замуж, но будущая свекровь против нашего брака. Она пригрозила устроить мне неприятности. Эти бабушки – её лучшие подруги.

– А ей что вы сделали? – Арсений Петрович удивлённо посмотрел на медсестру.

– Я сама хотела бы это узнать. Она меня с детства недолюбливала.

– Так, ладно, разбирайтесь со своими бабками. Прямо мексиканские страсти, – озадачилась Мария Ивановна. – Но чтобы писем больше не было. Идите.

Назад в Потапово они ехали молча. Иванна не представ-

ляла, как она будет разбираться с подругами Марии Савеловны.

– Вам не нужно с ними разговаривать. Я сам пообщаюсь с этими женщинами. Тем более, что Леднева завтра придет на перевязку.

– Не надо вмешиваться, Арсений, эти бабушки способны потрепать нервы.

– Вы не сможете спокойно беседовать с ними, эмоции не позволят. Доверьтесь мне, я улажу конфликт. – Врач не стал сообщать коллеге, что собирался потолковать и с будущей свекровью Иванны. Вряд ли молодая женщина одобрила бы его намерения.

На следующее утро в медпункте Полина Григорьевна бледнела, слушая мягкий баритон молодого врача.

– Вы осознаете, что вас могут привлечь за клевету, и на старости лет вместе с подругой сядете в тюрьму?

– Но, Маша сказала: ничего страшного не будет. Выгонят Ивку из Потапово и всё, – лепетала женщина, вытирая обильный пот носовым платком.

– Обвинять человека в нарушении служебных обязанностей, в торговле лекарствами для вас пустяк? Вы понимаете, что если Иванна Леонидовна подаст на вас в суд, защищая свое доброе имя, то казенное жилье вам обеспечено.

– Мы попросим прощения у Ивки, – всхлипнула перепуганная Полина Григорьевна.

– Этого мало. Написали клязузу, имейте мужество отве-

тить за свои поступки. Завтра вместе с Таратутой отправляйтесь в Сайду к главврачу и всё ему расскажите. Только так избежите наказания.

Полина Григорьевна вышла из помещения фельдшерского пункта, не чуя под собой ног. Она торопливо засеменовала по улице к своей давней подруге Галине.

Иванна на улице столкнулась с тёткой Полей. Женщина вздрогнула, увидев её.

– Ты это, прости нас, Ивка, мы повинимся главврачу.

– Замечательно. Вы чуть не лишили меня работы.

– Извини, не знаю, каким местом мы думали, выполняя просьбу Марии. Не любит она тебя, не даст вам с Данилой спокойно жить. – Полина Григорьевна покосилась на собеседницу.

– Спасибо, что предупредили, я понимаю, вы не хотели мне плохого, – лукавила злая Иванна, но она надеялась: тётя Поля раскаивается.

Вечером за вечерним чаем Ивка решила вызвать мать на откровенный разговор.

– Mam, скажи честно, что произошло у тебя с матерью Даньки? Почему она с детства меня ненавидит?

– Зачем тебе знать прошлые дразги? – Елизавета Павловна выпрямилась и отложила вязание.

– Ваше прошлое мешает моему настоящему, – возмутилась дочь, с досадой швырнув чайную ложку в пустой стакан. Стекло жалобно звякнуло. Иванна взяла конфетную обертку

и смяла её в руках.

– Что она сделала?

Ивка рассказала о подмётном письме подружек Кузнецовой.

– Узнаю Машеньку, всегда предпочитала чужими руками действовать. Сто лет назад мы учились в одном классе и даже слыли подругами. Вернее, я была одной из её подчиненных. У Маши в детстве выявили ревматизм сердца. Ты видела Кузнецову, она и сейчас красива, а в юности Машенька выглядела принцессой из сказки. Бедную больную девочку обожали родители, учителя носились с ней, как с писаной торбой. Маше нельзя напрягаться, бегать, работать, с ней можно только ласково, по-хорошему. Она быстро усвоила, болезнь даёт ей большое преимущество. Все её прихоти и капризы мгновенно исполнялись. Перечить даже никто не думал. Маша всё делала с улыбкой на ангельском личике, руководила действиями друзей и одноклассников, как прожженный иезуит. Никому даже в голову не приходило, что она из всего извлекает выгоду для себя. И я долго не замечала, пока глаза не открылись. Мне хорошо давалась литература, Маша попросила написать заметку о ветеранах к девятому маю. Сказала: «Проверим, какой из тебя будущий журналист?» Представляешь, дочь, я мечтала о журналистике!

Ивка удивлённо посмотрела на мать: «Вот это фокус, никогда бы не подумала. Я совсем не знаю её».

– Потом была ещё одна просьба и ещё. Она хвалила меня,

и я старалась, строчила одну заметку за другой. А в конце года на школьную линейку приехали из областной газеты и вручили грамоту и приз молодой журналистке Марии. Мы не выписывали эту газету, я отыскала несколько экземпляров в библиотеке. Оказалось, все мои опусы напечатаны в этой газете.

– Ты поговорила с ней?

– Ага. До сих пор помню. В классе сунула ей под нос газету и спросила: «Зачем она под своим именем отсылала мои работы?»

Машенька безмятежно улыбнулась и громко сказала: «Представляете, Лиза только болтала о журналистике, а я писала. Теперь она завидует мне и клеветает. Нехорошо Лиза, не по-дружески поступаешь!»

Я, как идиотка, от такой наглости только рот раскрыла. С тех пор мы не разговариваем. А после школы я уехала поступать в институт и провалилась. Маша всем в селе говорила, что такая бездарность, как Лизка, и не могла поступить. Потом в Потапово приехал молодой ветеринар Леонид Самошин, и я потеряла голову. – Мать усмехнулась. – И не только я. Ещё две дуры, в их числе и Маша, проходу ему не давали.

– Господи, что вы в нём нашли? – удивилась Ивка, вспоминая облезлого, плешивого отца.

– Я сейчас покажу тебе. – Елизавета Павловна пошла в дом. Минут через десять она вернулась, держа в руках старый фотоальбом.

Ивка открыла потертую велюровую обложку альбома. С первой страницы на неё с улыбкой смотрел обаятельный красавец. Она перевернула ещё несколько снимков. Этот же парень снят с гитарой в руках на лавочке, а здесь он в поле среди ромашек.

– Не может быть! Я не помню его таким.

– А ты его и не видела таким. Он помотал нервы и мне, и Марии, и Ольге. Ольга оказалась умнее нас, вышла замуж за другого. А мы с Машей два года сражались за сердце Лёньки. Как-то разозлившись, я сказала ему: «Выбирай, или эта больная доходяга, или я. У меня хотя бы есть силы родить ребенка и содержать дом, а за ней тебе придется самому ухаживать».

Эти слова я всю жизнь не могу простить себе. Я подтолкнула его к решению. Через месяц мы поженились. Бывшая подружка встретила меня у магазина и прошипела: «За то, что отняла мою любовь и счастье – не знать тебе ни того, ни другого».

Маша вышла замуж спустя два года, за мужчину, который переехал в деревню из города. Я родила тебя только через три года брака. Думала – Бог наказал. А закадычная подруженька понесла сразу после свадьбы. Вот и появились вы с Данькой почти день в день.

Ивка смотрела на молодого отца и узнавала в нём свои черты: прямой нос, рот, глаза с густыми ресницами. Только у него эти черты сложились так, что получился красавец, а

она просто симпатичная. И эта похожесть ей совсем не понравилась.

– И почему папаша превратился в зачуханного алкоголика?

– Он же ветеринар, а такой специалист нужен в селе всем. Это сейчас в Потапово десять коров, а тогда почти в каждом дворе скотина водилась. Леонид оказался хорошим специалистом, его уважали и расплачивались за работу угощением и бутылкой. Тебе пять лет исполнилось, когда отец попал в больницу с белой горячкой. Пить стал по-чёрному, с фермы его уволили. Так и покатился под горку.

– Ты могла оставить его! Я не помню отца трезвым и без матов, – вскинулась дочь.

– Я любила твоего отца и чувствовала себя виноватой. Он, когда напивался, упрекал, что перешла дорогу его настоящей любви. И теперь он заливает горе водкой.

– Мам, неужели ты верила его пьяным бредням? Он жил с тобой два года, а тётка Мария не выходила замуж, что мешало ему вернуться к ней. Так отец оправдывал своё пьянство и слабость. Нашел виноватую! – разозлилась дочь. – Жаль, что он выбрал тебя. Они друг друга стоили.

– Тогда бы вы с Данькой не родились, – напредила дочери Елизавета Павловна.

– Что ещё тебя держало с ним?

– Жалость, доча, жалость. В тридцать два он выглядел на сорок пять. Вся красота куда-то улетучилась. Заработал се-

бе кучу болячек. Я знала: он пропадёт без меня. Не могла я его оставить, а так хоть до пятидесяти дожил. Если бы не та отравка ещё бы протянул.

Десять лет назад, когда Саньке исполнился только годик, пришло из Потапово сообщение: паленой водкой отравились и родители Тоськи и её отец. Ивка плохо запомнила тот сумбурный день. Она и Таисия с маленькими детьми на руках не поехали на кладбище, их мужья взяли все хлопоты на себя. Иванна запомнила бледное, словно опрокинутое лицо матери и недоумевала: почему она так горюет? Тося же боялась одного: не лишиться молока. Подруга ещё кормила своего первенца Марка. У мальчика была сильная аллергия на любую другую пищу, и только молоко спасало ребёнка. Она оплакала своих непутевых родителей после, когда осознала потерю.

– Значит, у вас с Марией Савеловной давняя вражда. Что же мне делать? Жить в одном доме мы не сможем – это я уже поняла. Она не из тех, кто прощает и смягчается. Ставить Данилу перед выбором я тоже не буду, он всю жизнь заботился о матери. Для него она – любимая мама. И оставить его не могу, он мне дорог.

– Поговори с ним откровенно. Попробуйте что-нибудь придумать. К нам он не захочет переехать. Вам лучше жить отдельно.

– В вагончике на озере, – загрустила Иванна.

Выпал снег. По утрам мороз достигал двадцати градусов. Все работы в поле Данила закончил. Озимые радовали дружными всходами, их вовремя укрыло снежным покрывалом. Как не откладывала Ива разговор с Даней, тянуть дальше было нельзя. До регистрации брака оставалась неделя. Он ежедневно делился планами их будущей совместной жизни. К Самошиным приезжал, всегда с чем-то вкусным к чаю. С удовольствием беседовал с Елизаветой Павловной и Санькой, а когда они отправлялись в дом, влюбленные оставались наедине. Иванна дождалась ухода родных и решила поговорить.

– Дань, ты сообщил матери о своих планах?

– Конечно!

– И что она сказала? – Ивка куталась в большой пуховый платок, Её знобило, хотя в комнате натоплено, тепло.

– Спросила, люблю ли я тебя, а потом добавила, чтобы я хорошенько подумал, – нехотя признался Данила.

– Иначе говоря, она не хотела бы этого брака?

– Не очень, но я думаю: узнает тебя получше и смирится. Ты такая замечательная у меня. – Он обнял Ивку и прижал к себе.

– Дань, она не смирится, не тешь себя. Вспомни, твоя мама меня с детства терпеть не может. Мы не уживемся в одном доме, лучше и не пробовать. Для тебя твоя мама – хо-

рошая, наверно, так и есть, но по отношению ко мне она будет другой, тут уж ничего не изменишь. Что делать, если так получилось. Я узнала, почему она обижена на мою маму и несправедлива ко мне?

– Я знаю эту старую историю, – перебил её Данила. – Но какое отношение это имеет к нам. Мама тебя хорошо приняла в нашем доме, мы так славно тогда посидели. А Елизавета Павловна с тех пор изменилась в лучшую сторону, мало ли что в юности произошло. Она, наверно, жалеет, что тогда обидела маму.

– погоди, ты о чём? – удивилась Ивка.

– В школе тётя Лиза завидовала маме и врала, будто все заметки в газету написала она. Но хуже всего поступила, когда разрушила уже назначенную свадьбу. Подпоила парня мамы и уложила к себе в постель. Он на коленях стоял, но мама его не простила. Говорят, он бросился под поезд.

Иванна от удивления потеряла дар речи. С трудом пришла в себя.

– Ну, впрямь Анна Каренина в штанах. Ты знаешь, кто был тем парнем?

– Какой-то приезжий.

– Верно, приезжий, ставший жителем Потапово – мой папаша-алкаш. Из-за него разгорелся весь сыр-бор. Как видишь, он женился на моей маме сам. Никто его не принуждал и в постель не укладывал. А уж помер он точно не на рельсах.

– Ты что-то путаешь!

– Нет, Данила, к сожалению не путаю. Я не знаю, почему твоя мама солгала, насчет заметок, кстати, тоже. В тот вечер, у вас дома, она сказала, что не желает видеть меня своей невесткой.

– Но вы вели села спокойно, мама улыбалась...

– Я еле держала себя в руках. Дань, всё это рассказала не для того, чтобы поссорить тебя с матерью. Просто пыталась объяснить, в одном доме нам нельзя находиться. Будет тяжело для обоих. Мы должны найти другой выход.

Данила нахмурился, морщинка прорезала лоб. Он испытывал двойственные чувства: недоверие и растерянность.

– Мне нужно подумать. Я поеду домой. – Голос его звучал тускло и безжизненно.

Ивка кивнула. Попыталась поймать его взгляд.

Скрипнула дверь, потом калитка, послышался звук мотора. Данила уехал.

– Мама, ответь, тот парень, из-за которого вы поссорились с матерью Ивы, её отец?

– Сынок, я долго молчала, но твоя невеста, – Мария Савеловна со злостью произнесла это слово, – вся в свою мамашу, ты не будешь с ней счастлив!

– Просто скажи – это отец Ивки? Я ведь выясню правду,

будет лучше, если ты расскажешь сама.

– Да. Он был умница и красавец, а Лизка превратила его в алкаша и изгоя. Думаю, доченька не лучше.

– А тем вечером, когда Ива приходила к нам, ты сказала ей, что не хочешь видеть своей невесткой? – Данила впервые увидел такое выражение на лице матери: смесь ненависти, злости и трусости пойманного лгуна.

– Ну, сказала, пусть не думает, что я ей рада.

– А потом весь вечер улыбалась и шутила. Как так можно, мама?

– Она плохая, – как последний аргумент кинула мать. – Видишь, из-за неё мы ссоримся. Нам без этой девки будет лучше. – Мария Савеловна закрыла лицо руками и зарыдала.

Он не переносил её слез и всегда кидался утешать хрупкую, как девочка, мать, но сейчас молча вышел из комнаты.

Утром Мария Савеловна ловила его ускользающий взгляд, а потом, несколько театрально бухнулась на колени.

– Сынок, ну прости меня. Дело давнее, мало ли глупостей наделали в молодости.

Данила поднял мать, усадил на стул.

– Что вы не поделили в прошлом, меня мало волнует. Дело в будущем, что мне делать? Тебе придется смириться с моим выбором, я люблю Ивку. – Он успел поймать промелькнувшую в глазах матери озлобленность и подумал: «А ведь Ива права, не ужиться ей со свекровью».

Он впервые увидел родного человека с другой стороны, и

эта сторона оказалась тёмной.

– Ну и жить в одном доме вам нельзя.

– Ты меня бросишь одну? Пойдешь в примаки? – Прозрачные слезы легко покатались из глаз матери.

– Нет, ты одна не привыкла, буду часто навещать, – пообещал сын. – Мне нужно подумать, куда привести будущую жену. – Ему хотелось как можно быстрее увидеть Ивку. Вечера он оставил её в растерянности, даже не поцеловал, уходя домой.

«Волга» остановилась возле фельдшерского пункта. Данила вышел из машины. На ступеньках стоял Арсений Петрович.

– Вот вышел подышать свежим воздухом, сегодня до обеда прямо наплыв больных, прорвало их что ли, – пожаловался врач.

– А Иванна не хочет подышать?

– Я отвез её домой минут двадцать назад, она изволила упасть в обморок. Знаете стресс, устроенный подружками вашей мамы, в положении Иванны очень вреден.

– Что устроили подруги матери?

Арсений Петрович коротко поведал о клязузах главврачу. Данила по мере его рассказа мрачнел всё сильнее.

– Ива больна? – Его голос дрогнул, он невольно подготовился к самому страшному сообщению.

– Вы знаете, кажется, я сказал лишнее. Спросите у неё сами. – Арсений Петрович смутился. – Мне пора. – Он тороп-

ливо скрылся в помещении.

Данила за десять минут передумал всё, что угодно. На кухню Самошиных ворвался с перепуганным видом. Ивка лежала на диване, укрывшись пледом, Елизавета Павловна вязала у окна, Саша делала уроки. Они дружно ответили на его приветствие и поспешили в дом. При этом бабушка подталкивала упирающуюся внучку в спину.

– Чем ты больна? – голос Данилы дал петуха.

– Ничем, – удивилась Ивка.

– Но Арсений сказал: ты упала в обморок. – Данилу меньше всего сейчас волновали доносы тёток, хотя позже с этим он тоже разберётся.

– Беременность не болезнь. Я не успела тебе сообщить, сама только узнала. А Арсений раньше меня догадался. Вот гад, опередил, – улыбнулась она.

– То есть, я буду отцом? – зачем-то глупо уточнил Данила.

Ивка увидела слёзы у него на глазах и совершенно дурацкую улыбку во весь рот. В следующую секунду он уже прижимал её к себе.

– Поосторожней, медведь, кости трещат, – полузадушено просипела она.

– Боже, как я испугался! Теперь я буду любить тебя в два раза больше.

– Ты как Матроскин, – засмеялась Ивка. Помнишь, кот обнимал корову с теленком в Простоквашино и говорил, что будет любить её в два раза больше, – пояснила она недоуме-

вающему мужчине. – Кузнецов, ты поглупел от радости?

– Заметь, про корову ты сама сказала, – хмыкнул он и чмокнул её в нос.

– Ну до этого ещё месяцев восемь.

Данила присел на диван, увлекая за собой Иванну.

– С местом проживания нашей семьи я что-нибудь придумаю. В любом случае мы будем находиться на нейтральной территории. Прошрое оставим нашим мамам – будущее возьмём себе.

Он услышал облегчённый вздох любимой. Ивка положила голову ему на плечо. В следующую секунду почувствовал влагу на шее.

– Ты же никогда не плакала.

– Теперь научилась. Думаю это гормоны.

Данила закончил красить белой эмалевой краской межкомнатную дверь и отправился на улицу вдохнуть свежего воздуха. Апрельское солнце горячим шаром повисло высоко в небе. В саду цвели яблони, тёплый ветер приносил лепестки цветов до порога дома и щедро украшал ими голубые и серые плитки ступенек. В декабре он перебрал все варианты, размышляя, куда привести молодую жену. Помощь пришла, откуда не ждали. На скромной свадебной церемонии кроме их матерей, не разговаривающих друг с другом, была семья

Тоневых с детьми и Арсений Петрович. Тоська, узнав о возникшей проблеме, предложила им купить дом её родителей в рассрочку.

– Если я со своими архаровцами раз в году решу приехать в гости, вы же примете?

– Конечно, Тося, но ведь дом служил вам дачей, – заметила обрадованная Иванна.

– Хороша дача так далеко от города, – хмыкнул Лёва. – Можно сказать, что вы нас выручите. Ещё немного, и дом начнёт разваливаться без присмотра. Там и сейчас ремонта выше крыши.

Появление новой семьи отметили в кафе районного городка Сайда. Мария Савеловна демонстративно не общалась с новыми родственниками, жеманно пробовала блюда и недовольно косилась на шумную ватагу детей. Дочь Ивановны и трое мальчишек Тоси громко разговаривали между собой, а потом повеселили взрослых, устроив танцы. Выплясывал даже трёхлетний Кирилл, младший сын Тоневых. Тряхнула стариной и Елизавета Павловна, ответив на приглашение Левы на вальс. Данила смотрел на Ивку влюбленными глазами и всё не мог поверить, что она стала его женой.

Данила улыбнулся, вспоминая тот вечер в кафе. Собрал с крыльца горсть бело-розовых лепестков и вдохнул еле уловимый аромат. За январь и февраль он успел отремонтировать дом внутри. В марте навёл порядок во дворе, а в апреле закончил покраску окон, пола, а теперь и дверей. Он устал

неимоверно, разрываясь на два дома: мать придумывала всё новую работу. Затеяла поменять обои в комнатах и плитку в ванной. Данила молча выполнял её прихоти, надеясь, что она смягчится душой. И всё-таки был счастлив, ощущая такую полноту жизни, какой никогда ранее не испытывал. Он осязал каждую уплывающую секунду, наполненную радостью. Ивка помогала ему по мере сил. Иногда они оставались ночевать в своём новом доме. Данила первой отремонтировал спальню и поставил там кровать. В пустом помещении гулко раздавались их голоса. Шёпот Ивки достигал даже кухни, где на подоконнике стоял чайник с двумя чашками. Сидя на кровати, они пили его любимый травяной чай и мечтали о будущем. Данила гладил рукой её живот, прислушиваясь к толчкам изнутри, и всерьёз разговаривал с сыном. Иванна улыбалась, слушая его беседы с ещё не рожденным ребенком, и чувствовала себя самой везучей.

– Что ты делаешь? – Ивка открыла калитку и заметила мечтательную улыбку на лице мужа. Сердце защемило от нежности к нему.

«Совсем размазня стала, чуть что, сразу плакать хочется, и всё время обнимать и смотреть на него».

Он протянул жене чуть привядшие лепестки яблонь. Она уткнулась носом в его ладонь и засмеялась.

– Надо же, пахнут, но запах укропа не перебили.

Его руки пропахли зеленью, которую он рвал почти каждое утро на рынок и в кафе. В конце февраля Данила занял-

ся теплицей. Земля тоже требовала его внимания. Вечерами он привозил ящики с сорванной зеленью домой к Самошиным. Они вместе вязали пучки и раскладывали в пакеты душистый базилик, укроп, петрушку, салат и другие травы. Предложила это сама Елизавета Павловна, видя, что зять еле справляется с навалившейся на него работой. Эти вечера сроднили их семью и стали любимым временем для всех. Санька веселила рассказами о школе. Ивка в дочери узнавала себя: девочка росла проказливым ребенком. Она журила дочь и видела при этом понимающую улыбку Данилы. Он-то прекрасно помнил Ивку в возрасте Саши. Елизавета Павловна служила источником сельских и телевизионных новостей, отчего получила звание «Наш ИТАРТАС». Даниле не хватало матери на этих посиделках, она упорно отказывалась общаться с Самошиными, а он не настаивал, у него давно упали с глаз розовые очки. Данила теперь хорошо понимал характер матери и мог только надеяться, что она когда-нибудь изменится.

В середине августа возле роддома в районном центре Сайда молча стояли две нарядные женщины средних лет, мужчина и девочка одиннадцати лет. Дверь отворилась, на ступеньки вышла молодая женщина с младенцем на руках. Лёгкий кружевной конвертик украшал голубой бант.

Саша первой подбежала к матери и обняла её за талию. Данила вручил розы и осторожно забрал невесомый сверток. Новоиспеченные бабушки стояли поодаль, недовольно посматривая друг на друга.

– Маша, прости меня за то, что назвала тебя калекой, и этим, может, оттолкнула Леонида от тебя. Поверь, жизнь наказала меня сполна, всеобщий любимец оказался чудовищем, – искренне повинулась Елизавета Павловна, думая, что пора покончить с прошлыми обидами.

– Это с тобой он стал чудовищем, а со мной остался бы человеком, – поджала губы Мария Савеловна.

Елизавета Павловна не стала спорить с упрямой, бывшей подругой, только подумала: «Никто не знает, что могло быть».

– Маша, родился внук Леонида, – и добавила: – А зная, как он любил розыгрыши... вдруг Лёнька вернулся в облике нашего Олежки.

Мария Савеловна после этих слов собеседницы нерешительно направилась к Даниле, держащему на руках сына. Заглянула в личико младенца, обрамленное кружевами, и вздрогнула: на неё смотрели ярко-синие глаза с короткими, но густыми ресничками. Её сердце дрогнуло и забилось быстрее, у бывшего возлюбленного был похожий цвет глаз. Она не подумала, что у младенцев такой цвет радужки встречается часто.

– Дай-ка, сынок, внука подержать. – Мария Савеловна бе-

режно приняла малыша из рук Данилы и неуверенно засюсюкала: – Ути, какой хорошенький, прямо ангелочек...

Елизавета Павловна, еле сдерживая усмешку, глядела на мать Данилы: «Дура старая поверила, а ещё православная. Лёньке за его грехи прямая дорога в ад, а не на землю обратно. Пусть верит, во что хочет, лишь бы Ивке жизнь не заедала. Пора и мне на внука взглянуть».

Она приблизилась к Марии Савеловне и жестом показала: дай поддержать. Та нахмурилась и неохотно протянула малыша. Елизавета Павловна полюбовалась крохотным личиком внука и отдала дочери.

– Ну что, милые дамы, возвращаемся домой. Садитесь в машину, – скомандовал Данила.